

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ

Тезисы докладов и сообщений
Международной научной конференции,
посвященной юбилею заслуженного деятеля науки РФ,
доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко
29 сентября — 1 октября 2011 г.
Екатеринбург, Россия

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2011

ББК Ш141.12е(2)ЛО
О232

*Сборник издан
за счет гранта
Фонда «Русский мир»*

Образ России и россиянина в словаре и дискурсе:
О232 **когнитивный анализ** : тез. докл. и сообщ. Междунар.
науч. конф., посвящ. юбилею засл. деят. науки РФ, д-ра
филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко, 29 сент. — 1 окт. 2011 г.,
Екатеринбург, Россия / [под. ред. А. М. Плотниковой]. —
Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 196 с.

ISBN 978-5-7996-0633-6

В сборнике представлены тезисы лингвистов разных научных школ, объединенных интересом к проблемам лексической, грамматической и текстовой семантики. Круг рассматриваемых вопросов связан с осмыслением образа современной России и россиянина и его представлением в художественном, публицистическом, религиозном, политическом и других дискурсах. В центре внимания ученых — языковая ситуация в современной России и аспекты языковой идентификации россиянина.

Для лингвистов, преподавателей современного русского языка и общего языкознания, а также для аспирантов и студентов-филологов.

ББК Ш141.12е(2)ЛО

ISBN 978-5-7996-0633-6

© Коллектив авторов, 2011

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

© Л. Г. Бабенко

г. Екатеринбург

УДАЧА: СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ ИЛИ СЛУЧАЙНОЕ СЧАСТЬЕ? (О проблемах лексикографической интерпретации склеенных концептов)*

В концептосфере любого языка наряду с простыми, однозначно квалифицируемыми концептами существует множество концептов со сложной конфигурацией когнитивных признаков, составляющих их ментальную сущность. Эти концепты занимают в концептосфере зону склеенных ментальных пространств, репрезентирующих взаимодействие разных концептов, их ментальные связи, которые обычно имеют регулярный характер и отражают связи, существующие в реальной действительности.

Подобные концепты относятся к разряду «калейдоскопических», многомерных ментальных образований (Ю. С. Степанов, А. П. Бабушкин, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик), которые, по мнению некоторых ученых, по причине их ментальной многокомпонентности вообще не поддаются структурному моделированию (И. А. Стернин), описанию в рамках однотипной матрицы (С. Г. Воркачев). На наш взгляд, моделирование многокомпонентных, склеенных концептов вполне возможно, хотя, несомненно, оно вызывает определенные трудности их квалификации, особенно при их лексикографическом описании.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», № 2.1.3./14060.

При моделировании концепта особо значимым является разграничение в его структуре когнитивных признаков, формирующих ядро (основных понятийных признаков), приядерную зону (конкретизирующих признаков), ближайшую периферию (включенных признаков), дальнейшую периферию (прагматических ассоциативно-образных и модально-оценочных признаков) [1]. Совмещаемые когнитивные признаки, вступающие в устойчивое взаимодействие, могут иметь различный статус и значимость во внутрискруктурной иерархии когнитивных признаков и, соответственно, могут обнаруживаться в различных структурных слоях концепта, каждому из которых присущи свои механизмы подобного совмещения.

Особую трудность для лексикографической интерпретации комплексных концептов представляют случаи сопряжения основных, ядерных признаков, составляющих их ментальную суть, так как сопрягаемые когнитивные признаки ядра концепта относятся к разным ментальным пространствам и выбор одного из них в качестве доминирующего напрямую связан с подведением концепта под определенную базовую категорию, с отнесением к определенной концептуальной сфере, что обуславливает не только особенности категоризации мира, но и специфику концептуализации.

Обратимся в качестве примера к концепту «Удача».

Основные когнитивные признаки, составляющие понятийный слой этого концепта, связаны с двумя концептуальными идеями: идеей внутреннего психического состояния субъекта — состояния счастья, удовлетворения, удовольствия и идеей положения дел в мире, случайного стечения обстоятельств, вызывающего это состояние и являющегося объектом-источником этого состояния. Возникает вопрос: к какой базовой категории — «Эмоции» или «Событие» — отнести этот концепт? Решение его влечет за собой особенности моделирования ментальной сущности концепта в лексикографических параметрах.

Следует отметить, что толковые словари по-разному отображают в словарных дефинициях взаимосвязь этих когнитивных признаков, свойственных различным ментальным представлениям об удаче. Наблюдается динамика развития этих представлений. Так, в словаре В. Даля нет отдельной словарной статьи для слова *удача*, оно включено в словарную статью слова *счастье*, в которой формулируется три его дефиниции: счастье-судьба («Рок,

судьба, часть и участь, доля») // счастье-удача («Случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчету») // счастье-благоденствие («Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная наилучшая жизнь, без горя, без тревоги; покой и довольство; вообще все желанное, все то, что покоит и доводит человека по убеждениям, вкусам и привычкам его»). Следует отметить и тот факт, что в структуре данной словарной статьи дефиниция счастья-удачи опережает дефиницию счастья-благоденствия.

Современные толковые словари, с одной стороны, сохраняют подобное лексикографическое представление счастья и его разновидностей, с другой стороны, структура словарной статьи, порядок расположения дефиниций в ней диаметрально противоположны словарной статье В. Даля. Так, и в словаре под ред. С. А. Кузнецова (далее — БТС), и в словаре под ред. А. П. Евгеньевой (далее — МАС) при совпадении содержания дефиниций принципиально меняется логика их следования. Первым номером идет дефиниция счастья-благоденствия: 1. *Состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л.; внешнее проявление этого чувства.* Далее следует дефиниция счастья-удачи: 2. *Успех, удача.* Завершает статью словарное определение счастья-судьбы: *Разг. Участь, доля, судьба* (МАС, БТС).

Как видим, словари последовательно фиксируют представление о счастье-удаче, оно отражается во всех приведенных словарных статьях, но меняется его место в семантической структуре слова *счастье*, что отражает изменившиеся в национальном сознании приоритеты, большую значимость осмысления счастья как благоденствия, чем счастья-удачи. Кроме того, следует отметить, что в современных толковых словарях, в отличие от словаря В. И. Даля, слово *удача* рассматривается и как отдельное слово, оно имеет собственную словарную статью, которая также передает представление о нерасторжимости счастья и случайного стечения обстоятельств: *«Счастлирое, благоприятное стечение обстоятельств, способствующее желательному, нужному исходу дела; везение»* (БТС); *«Совокупность благоприятных, способствующих успеху обстоятельств, счастливый случай, желательный исход дела; счастье, везение»* (МАС). Итак, учитывая все вышеизложенное, считаем более значимым в ментальном представлении удачи эмотивный когнитивный признак, вследствие чего рассматриваем данный

концепт в концептуальной сфере «Эмоции», хотя допускаем его рассмотрение и в сфере «Событие».

Дополнительным аргументом в пользу такого решения является характер совмещения в его ментальной структуре конкретизирующих когнитивных признаков и в зоне ближайшей периферии, особенность «склеивания» которых заключается в том, что конкретизирующие когнитивные признаки из других ментальных сфер сопрягаются с базовыми когнитивными признаками по принципу дополнительного включения.

Для ближайшей периферии концепта «Удача» характерно устойчивое включение следующего комплекса конкретизирующих признаков: комплекса сопутствующих ожиданию удачи эмоционально-интеллектуальных переживаний, таких как вера, мечта, предположение (*верить в удачу, надеяться на удачу, мечтать о ней, рассчитывать на нее*), надежда на благоприятный исход дела, на счастливый случай, на вмешательство каких-либо не известных для человека обстоятельств, сил, о которых он ничего не знает, они ему неведомы, но на существование которых он надеется и в существование которых он верит (*авось пронесет, авось повезет, все обойдется, само обойдется, как-нибудь, а вдруг пронесет*). Представление об удаче может быть связано и с возможными неприятными событиями, опасными ситуациями, которые человек предвидит и которые ему удастся чудом избежать (*пронесло, повезло, обошлось, родился в рубашке (в сорочке); родился под счастливой звездой*), поэтому подобная вера в чудесный случай, в невидимых помощников, участвующих в разрешении неприятной ситуации, хотя и сопряжена с определенным риском, в целом является проявлением оптимизма русского человека. Удача, как и другие эмоции, проявляется во внешности и поведении человека. Таким образом, большая часть включенных когнитивных признаков также относится к эмоциональной сфере, что подчеркивает эмотивную природу концепта.

Итак, удача — это случайное, неожиданное счастье, что подтверждают также текстовые репрезентации концепта, которые приводятся в докладе.

Примечание

1. См. об этом: Бабенко Л. Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Концептосфера русского языка: ключевые кон-

цепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) :
перспектив словаря / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010. С. 5–20.

© В. Н. Базылев

г. Москва

СЛОВАРЬ КАК ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Будучи формой саморефлексии языка, словарь претендует на объективное описание последнего, но поскольку литературный язык является артефактом культуры, словарь поневоле документирует те символические процессы, которые определяют производство и потребление такого артефакта. Если позитивное — научное — языкознание видит в языке объект, который представляется ему столь же несомненным, сколь природа несомненна для биологии, то культурная археология относится к слову как к культурно-исторической вещи, а к словарю — как к институции, организующей порядок внутри множества таких культурно-исторических вещей. Как всякая репрезентация порядка, словарь оказывается не менее важной инстанцией, чем энциклопедия, музей, библиотечный каталог или естественно-научная классификация. Он становится в ряд институций, которые призваны обеспечить сохранение и трансляцию алфавита — единиц, которые культурная эпоха рассматривает на правах констант и неизменных ценностей.

Мы имеем полное право интерпретировать лексикографию XX в. как проект герменевтический и политический, как побочный продукт идеи национального самоопределения, как форму политического воображения государства. Это чисто политический отклик на очередной «запрос времени», на потребность еще одного изобретения нации. Именно филология и литература, а вовсе не официальная политическая власть, создали дискурс современного государства, в том числе, как его разновидности, государства национального. Более того, в истории России национальное государство так и осталось недостижимой

утопией философии, филологии и литературы, не воплотившись в реальные политические институты. Но всегда ценность слова как такового определялась как его полезность в качестве инструмента в политическом процессе. Конечно, такое уплощение языка противоречит его идеологии и мифологии, которая сопровождает всю современную историю и мотивирует ее деятелей. Но прагматическая редукция языка не только опровергается литературоцентристской направленностью русской культуры, для которой Слово есть ценность, значение которой намного превосходит его полезность. Она противоречит и повседневному опыту любого, кто работает со словом и сам пишет. Здесь интереснее обсуждать политическую теорию не как прямое выражение политического интереса, а как подчиненный общим языковым процессам, родственный, сопоставительный контекст, который вызван к жизни общими изменениями в состоянии языка эпохи, одинаково затрагивающими все стороны языкового выражения.

Эти соображения распространяются и на лексикографию. Вместе с историей и философией лингвистика составляет один из генеральных нарративов современной истории; практика же и теория словарного дела, с одной стороны, преломляют генеральный нарратив языка в область практического действия, а с другой — запечатлевают в собственных установках структуру этого генерального нарратива. Это особенно справедливо для лексикографической работы, поскольку задача словаря — фиксировать значения слов как данность, тогда как реально дефиниция значения есть теоретический конструкт, продукт редуцирующей работы дисциплины. Тем не менее, фиксируя значения и придавая им определенный порядок, лексикограф выстраивает целую вселенную смыслов, подразумевая по умолчанию, что порядок этих смыслов в словаре есть не что иное, как порядок собственно мироустройства.

Роль лексикографа сопоставима с ролью романтического поэта: и тот и другой выступают как созидатели миров, и тот и другой подразумевают всеобщую обязательность таких миров. Обнаруживая скрытые от постороннего глаза, но доступные профессиональному методу взаимодействия между словами, автор словаря утверждает примат неявного (значения, внутренней формы) над явным (формой) и оказывается единственным, кому доступен ключ к этому неявному, но неоспоримому «объективному»

порядку. Лексикограф становится свидетелем и хранителем коллективного подсознательного эпохи. Неудивительно, что он знает о культуре больше, чем она сама знает о себе. Он владеет ключом к коллективному культурному подсознательному своего времени.

В то же время порядок, который лексикограф устанавливает в своем словаре, не есть объективное отражение порядка культуры. Находясь «внутри» описываемого языка и описываемой культуры, лексикограф подчиняется их практикам — системе классификаций и умолчаний, правилам истинностной ценности, функции авторства и пр. Словарь оказывается не собранием зарегистрированных фактов, но сложной формой критического комментария. С одной стороны, он воплощает в себе порядок дискурса в не меньшей степени, чем другой письменный документ времени. С другой стороны, лексикографа отличает сознательное отношение к порядку дискурса; такое сознательное отношение может подразумевать осознанную работу по созданию культурных конструктов (например, «Словарь языкового расширения» А. И. Солженицына).

Словарь — не пассивный симптом времени и не вынужденное свидетельство языка эпохи, но осознанный проект по критическому комментированию и, выражаясь по-гамлетовски, «вправлению вывихов» своего века. В этом своем качестве словарь активно воплощает в себе современные ему социальные утопии.

Политические последствия такого «критического свидетельства» понятны. Именно с утопическими проектами «вправления вывихов», как нам кажется, связана политизация русской лексикографии, а вместе с ней и характерное для XX в. стремление писать словари все более и более сложным профессиональным метаязыком, а то и вообще переводить их на компьютерные языки, которые требуют от читателя-профессионала очень узкой и специализированной компетенции. Лексикограф, таким образом, защищает свою позицию критического комментатора и стремится прикрыть доступ к методологическим основаниям собственной дисциплины как к ключу к комментарию. Экспликация значения — это форма критики. Обращаясь к словарю в поисках информации о слове — особенно об истории слова, — мы не должны забывать об этой особенности лексикографии как жанра письменности.

ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ (контент-анализ текстовых политических пресуппозиций)

1. В духовном пространстве современной Украины слово *Россия* — не просто название страны; это, вне всякого сомнения, — один из важнейших концептов, образов-переживаний. Семантическое, прагматическое, аксиологическое его наполнение отличается в зависимости от географических (запад, восток, юг страны), возрастных (старшее, среднее, младшее поколения), национальных (украинцы, представители национальных меньшинств), культурных и других факторов; его представление в СМИ во многом зависит от симпатий или антипатий автора публикации, политики владельца медиаресурса и многих других аспектов. Спектр подходов и оценок России в украинских СМИ чрезвычайно широк и с некоторым приближением может быть описан с использованием элементов контент-анализа, который в определенной мере их объективирует, выявляя доминирующие политические пресуппозиции авторов и их потенциальных адресатов. С целью представления доминирующих тем, связанных с Россией, был проведен контент-анализ 12 различных газетных изданий за 2009 — начало 2011 г.

2. Анализ показал, что образ России в периодических изданиях (газетах) зависит прежде всего от правой, левой или либерально-центристской их ориентации. Доминирующими глобальными (априорного характера) пресуппозициями, касающимися образа России, являются следующие: *враг* (правые издания), *друг* (левые издания) и *страна-сосед*, с интересами которой необходимо считаться и с которой необходимо выстраивать добрососедские отношения (центристские, либерального характера издания).

3. Тематическая составляющая газет указанных направлений, в которых проявляются эти пресуппозиции, представлена несколькими блоками.

3.1. В изданиях правого направления («Українське слово», «Україна молода», «Газета по-українськи», «Слово Просвіти»,

издание ВО «Свобода» и др.) доминируют темы, связанные с историей. Используя методику анализа ключевых слов, эти темы можно сформулировать так: Московия, а затем Россия — извечный враг независимости Украины; Россия насадила московско-большевистско-еврейский оккупационный режим в Украине, устроила голодомор, массовые расстрелы, насильственную коллективизацию и гонения на греко-католическую церковь в «освобожденных» западных областях; из-за политики Сталина, Украина была втянута во Вторую мировую войну; никакой Великой Отечественной войны не было; участники боевых действий в составе УПА — герои; отсюда — негативное отношение к идее написания общего учебника истории для средних школ; болезненная реакция на идеологему «старший брат»: исторически «старшим» был украинский этнос. «Больными» вопросами являются проблемы, связанные с языком, культурой и церковью. Основные идеологемы правой прессы: украинская культура древнее и «духовнее» русской; имеет место оккупация и русификация Москвой информационного пространства Украины, насаждение низкопробной псевдокультуры попсового характера; глубинная сущность русского языка варварская и отражает исконную «ментальность орды»; церковь Московского патриархата — «пятая колонна» в Украине, стремящаяся к духовному порабощению украинцев. Современная политика России оценивается как имперская, недемократичная, направленная на возрождение «великой империи», а поэтому антиукраинская, имеющая целью политическое, экономическое и культурное подчинение Украины. «Больными» проблемами являются вопросы, связанные с пребыванием в Украине Черноморского флота России; газотранспортной системой Украины; эмбарго на некоторые товары, изготовленные в Украине, и некоторые другие. Аксиологическая составляющая и тональность публикаций воинственные и по отношению к России негативные.

3.2. В газетах левого и лево-центристского направления («Комуніст», «Товариш», «Рабочая газета», «Вільна Україна» и др.) доминирующими фактически являются те же «горячие» темы, обсуждение которых вызывается, прежде всего, полемикой с правыми идеями; осмысление же этих тем — прямо противоположное. Россия — братская страна, с которой Украина имеет общую древнюю трагическую и героическую историю; народы бывшего СССР победили общего врага в Великой Отечественной войне;

между двумя братскими народами существует давняя этническая и духовная общность; великая российская культура благотворно влияла и влияет на развитие украинской культуры; русский язык в Украине должен стать другим государственным (или официальным) языком; экономические связи должны развиваться и углубляться на взаимовыгодных условиях вплоть до создания общего экономического пространства; Россия и Украина должны вместе встречать сложные вызовы XXI в. Аксиологическая составляющая и тональность публикаций оборонительные и по отношению к России позитивные.

3.3. Издания либерального (центристского) направления («Дзеркало тижня», «Сегодня», «День», «2000» и др.), как правило, двуязычны и в них преобладает экономическая, культурная и общеполитическая проблематика. Отличительная черта публикаций, связанных с Россией, — доминирующий аналитический подход к рассматриваемым проблемам, отсутствие эксплицированных оценок. Экономический блок охватывает вопросы, касающиеся общих проектов, цен на энергоносители, России как огромного потенциального рынка сбыта украинских товаров, проблем энергетики, газотранспортной системы Украины и некоторые другие. Внутренняя и внешняя политика современной России оценивается сдержанно. Аксиологическая составляющая публикаций не выражена; имплицитная — осторожно позитивная.

4. Таким образом, являясь одним из важнейших политических, экономических, культурных понятий современной жизни Украины, т. е. фактически имея статус концепта, Россия в свете газетной публицистики предстает крайне противоречиво, отражая тем самым глубинные пресуппозиции не только авторов печатных материалов, но и граждан Украины. Российским и украинским политикам, чьи практические и коммуникативные действия влияют на восприятие их стран ближними и дальними «соседами», стоит учитывать эти настроения граждан.

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Для отечественной научной традиции характерно особое внимание к составлению диалектных словарей, вследствие чего они широко и самыми разными типами представлены в общем лексикографическом фонде русского языка. При всем своем многообразии такие словари отражают традиционную народную культуру, что следует понимать широко, т. е. не только как фиксацию лексем, обозначающих предметы и явления, связанные с этнографией русского народа, но и как трансляцию особого «взгляда на мир». Традиционная культура находит свое воплощение в реалиях (конкретных образах) и духовных константах (абстрактных понятиях). Задача исследователя во многом состоит в том, чтобы через изучение конкретных образов, отраженных в сверхтексте словаря, прийти к их связи с духовным миром этноса.

Разграничение различных типов культур, соотнесенных с языковыми стратами, предложенное в свое время Н. И. Толстым [1], несомненно, было большим шагом вперед в нашей науке. Однако при этом следует подчеркнуть, что существует и значительная близость даже между такими культурами, представляющимися на первый взгляд диаметрально противоположными, как элитарная и традиционная. Последняя всегда подпитывала более верхние «слои», кроме того, сходство культур отражает базовые установки и представления единого этноса. Эти общие положения находят свое подтверждение при непосредственном обращении к языковому материалу, в ходе сопоставления данных (в том числе словарей) литературного языка и диалектов.

Диалектные факты извлечены нами из записей русских старожильческих говоров юга Тюменской области, сделанных в период с 50-х гг. прошлого века до первых лет нашего столетия (материалы к словарю), в качестве дополнительных привлекались данные других русских говоров. Нас интересовала сфера образного освоения действительности, в том виде, в котором она отразилась в исследуемых диалектах. В результате сплошной выборки обнаружилось, что наиболее представленной в нашем материале

сферой является тело человека, что отражено в языке в виде так называемых соматизмов. На наш взгляд, может быть правомерным их сопоставление с материалами литературного языка из Словаря-тезауруса русских прилагательных, распределенных по тематическим группам, созданного под руководством Л. Г. Бабенко [2]. В рамках данного доклада рассмотрены группы слов, называющих особенности телосложения и внешности человека.

Укажем вначале на некоторые общие тенденции образного освоения представления о человеческом теле в изучаемых говорах. Прежде всего, отметим «карикатурное» (с яркой отрицательной коннотацией) словесное «изображение» лица и человеческого тела вообще. Как правило, образное обозначение частей лица и тела гиперболично, даже гротесково. Например: *Носище — камни долбить; Ротище шире банного окна; Пузина-та в дверь не входит; Вылупить глазища; Панок — ‘нос’, панкастой — ‘носатый’; Брат-от у его какой панкастой, уж больно носина-то большой*. Прямое значение слова *панок* — ‘коленная кость животного, бабка’.

При этом часто используются суффиксы субъективной оценки. Поддерживает эту закономерность наличие в говорах имен прилагательных, не содержащих образного компонента, однако обладающих экспрессией и отрицательной оценочностью: *большебрюхий, большегубый* и т. п.

При обращении к названному словарю литературного языка становится очевидным, что эта тенденция сильна и в нормативной (а тем более — в разговорной) речи. См., например: лит. *большелобый, большеротый, толстощекий*, а также разг. или разг.-сниж. *лупастый, мордастый, мордатый, ротастый, толстолицый, толстомордый, щекастый* и др. [2, 59]. (Правда, в современном языковом сознании носителей литературного языка большой размер некоторых частей лица или тела оценивается положительно, это касается глаз, губ, груди, а в диалекте это явление отсутствует.)

Отметим, что в говорах подобные прилагательные развивают переносные значения, номинируя отрицательные черты характера или особенности поведения человека. Так, *большебрюхий* имеет также значение ‘чрезмерно жадный’ (см., например, контекст: *Такой большебрюхой, дак разве даст тебе чё?*); а *большеротый* — ‘крикливый, с громким голосом’ (*До чё большеротая, нашнёт говорить, дак робёнка разбудит*). Семантический признак ‘размер больше нормы’ закономерно порождает признак ‘интенсивность’.

Другая отрицательная характеристика человеческого тела или его частей — асимметрия (косой, кривой и т. п.). Например: диалектные лексемы *косотырьё*, *косошарый* — ‘косоглазый человек’, *косорылой* — ‘имеющий асимметричное лицо’, а также перен. — ‘пьяный’. Ср. в указанном словаре: лит. *косоглазый*, *косорукий*, *кривобокий*, *криволицый*, *криворотый*, *сухорукий*; разг. *кособокий*, *косоротый*, *криворожий* и др. [2, 59–60]. Многочисленность номинаций такого рода объясняется не только ярко выраженной, запоминающейся особенностью внешности человека, но и мифологической составляющей, так как в области народной мифологии это маркированные признаки, свидетельствующие о причастности к нечистой силе или контактам с ней.

Показательно, что в общей аксиологической системе, относящейся к внешности человека, в диалектах явно преобладают отрицательные характеристики. Среди них, например, *невыглядный* — ‘непривлекательный’, *неёмконький* — ‘слабый физически’, *перослёный* — ‘низкорослый’, *нескладушный* — ‘плохо сложенный’ и т. д. В пределах литературного языка (если опираться на данные указанного словаря) положительные и отрицательные оценки распределяются примерно поровну. Таким образом, налицо общая тенденция, объясняющаяся важностью обозначения отклонений от нормы, которая, однако, более последовательно проявляется в диалектном лексиконе.

Традиционные представления наиболее выпукло отражены в диалектных словарях, однако и материалы литературного языка поддерживают этот пласт культуры, демонстрируя единое лингвокультурное пространство — среду существования русского этноса. Синтез филологии и культуры часто необходим в лексикографии, и особенно он приоритетен в словарях диалектных.

Примечания

1. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

2. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределённых по тематическим группам / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2011.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО В СЛОВАРНОМ ВОПЛОЩЕНИИ

Актуальность лексикографического описания языковой личности ученого обусловлена приоритетностью в современной научной парадигме антропоцентрического подхода и интенсивным изучением языковой личности субъекта профессионального познания и деятельности.

Профессиональная языковая личность раскрывается в особенностях производимых ею текстов, в своеобразии принадлежащего личности дискурса, подчиненного целям и задачам профессиональной коммуникации. Анализ профессиональной языковой личности можно вести по трем уровням: 1) уровень профессионального сознания (концепты и домены как ментальные образования, отражающие структуру специального опыта); 2) вербальный уровень (коррелирующие со структурами сознания системы и микросистемы наименований); 3) мотивационно-прагматический уровень. Поскольку языковая личность выступает как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, а также определенной целевой направленностью» [1, 3], в центре исследовательского внимания находятся связные тексты как продукты речевой деятельности личности, а также отдельные их элементы. На основе анализа разнообразных текстов профессиональной коммуникации выявляется набор составляющих языковой личности профессионала, их структурная организация, характеризуются различные способы репрезентации профессиональной личности в текстах.

Ученый — это особый тип профессиональной личности. На его речь и стиль мышления оказывают влияние постоянная рефлексия и саморефлексия, «внутренний диалог», стремление классифицировать явления окружающей действительности, обнаруживать сходное и различное между объектами, выявлять закономерности их функционирования и воплощать свои наблюдения в слове.

Наиболее адекватный путь реконструкции языковой личности ученого — создание словаря. Концепция подобного словаря и его пилотный вариант опубликованы нами в 2009 г. [2]. Словарь базируется на анализе разных типов текстовых источников, к которым относятся: 1) опубликованные и неопубликованные научные труды ученого; 2) его научно-методические работы; 3) публицистические статьи; 4) автографы (инскрипты); 5) эпистолярные тексты; 6) материалы картотек; 7) материалы личного архива ученого (деловая документация, отзывы и рецензии на книги, статьи, диссертации и т. д.). При этом в центре внимания находятся опубликованные научные труды исследуемой личности, и прежде всего — заголовки научных статей, индивидуально маркированная терминология, система образных средств, разнообразные проявления личностного начала (в посвящениях, в текстах предисловий, введении и заключении к монографиям, в авторских комментариях, в текстах статей в юбилейных сборниках и т. п.).

В структуре профессиональной языковой личности ученого мы выделяем три параметра:

1) *профессиональные знания*, получающие реализацию в используемых личностью терминах и других специальных единицах;

2) *индивидуальные личностные смыслы*, отраженные в ключевых словах, формулировках тем и проблем профессионально ориентированной коммуникации;

3) *мотивационно-прагматический параметр*, проявляющийся в отборе личностью прецедентных имен и прецедентных текстов, предпочтении монологических или диалогических форм коммуникации, ориентации на национально-культурные или инокультурные стереотипы общения и соответствующие языковые средства.

В соответствии с названными параметрами в словаре языковой личности выделяется три раздела: «Научное содержание концептосферы», «Индивидуальные личностные смыслы», «Прецедентные тексты и имена». Каждый из этих разделов репрезентирует важную часть структуры языковой личности ученого.

Первый раздел объективирует содержание *когнитивных структур*, т. е. структур, связанных с познанием личности. В данном разделе представлены научные понятия, которые составляют главный познавательный интерес ученого и с которыми связан его вклад в науку.

Второй раздел эксплицирует *концептуальные структуры*, или наиболее значимые для мыслительной деятельности личности базовые смыслы, определяемые принятой ею системой ценностей. Данные концепты не только мыслятся, но и переживаются. Их совокупность формируется всем разнообразием деятельности человека на протяжении его жизни.

В третьем разделе представлены прецедентные тексты и прецедентные имена, воспроизведенные личностью в текстах. Выбор имени в качестве объекта познания или обращение к нему как средству аргументации, использование тех или иных значимых для культуры текстов ярко характеризует анализируемую языковую личность, поскольку этот выбор всегда осознан.

Отдельная статья в лексикографическом описании языковой личности ученого включает несколько зон: 1) заголовочное слово (или сочетание слов); 2) названия работ, содержащих заголовочное слово; 3) цитаты из научных текстов; 4) частотные производные наименования; 5) типичные для заголовочного слова синтагматические связи (реализованные валентности атрибутивного или объектного типа); 6) парадигматические отношения (антонимы, синонимы, гипонимы заголовочного слова) — с системой отсылок. Фрагменты дискурса языковой личности в предложенной структуре словарной статьи занимают весьма важное место: с их помощью целостно эксплицируются дискретные единицы знания, вынесенные в качестве заголовочных имен, показываются объективно существующие сложные системы связей и отношений между ними.

Словарь языковой личности ученого, рассматриваемый нами как принципиально новый тип словаря, предназначен для более глубокого понимания профессиональной личности рефлексивного типа, специфики ее речемыслительной деятельности. Создание подобных словарей способствует расширению представлений лингвистов об индивидуальных стилях и способах интерпретации научных понятий, позволяет выявить пути и механизмы роста знаний, уточнить соотношение концептуальной и языковой картин мира ученого, углубить понимание процессов их динамики и эволюции.

Реконструкция профессиональной языковой личности ученого открывает путь для знакомства с внутренним, скрытым для стороннего наблюдения миром личности рефлексивного типа,

внимание к которой обусловлено ее значимостью в жизни общества. Хотя и принято считать, что наука вненациональна, личность ученого и создаваемые ею тексты концентрируют в себе особенности, присущие национальной культуре в целом; в предпочтениях конкретной личности, в образе ее мышления проявляются важнейшие национально-культурные ценности и стереотипы. В соответствии с таким пониманием словарь языковой личности ученого, включающий фрагменты его профессионального дискурса, может быть использован не только для изучения истории науки, но и в широком культурологическом контексте — как пример индивидуального воплощения элитарного типа национальной культуры.

Примечания

1. Караулов Ю. Н., Красильникова Е. В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3.

2. Голованова Е. И. Словарь языковой личности Л. А. Шкатовой // Проблемы номинации и речевой коммуникации в профессиональной среде : сб. науч. тр. Челябинск, 2009. С. 10–49.

© В. В. Дубичинский
г. Харьков, Украина

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В УКРАИНЕ

Сложившаяся в Украине ситуация этнического двуязычия часто рассматривается в правовом аспекте, что с научной точки зрения недопустимо и требует особого исследования. Юридически Украина — одноязычное государство.

Хочется рассмотреть, по меньшей мере, **четыре варианта развития социолингвистической ситуации** в стране:

1) во всех сферах жизни на всей территории Украины будет властвовать украинский литературный язык;

2) юридическое закрепление и господство украинского территориального варианта русского литературного языка;

3) стихийно победит (олитературуется) суржик — украинско-русская просторечная смесь;

© Дубичинский В. В., 2011

4) в Украине будут провозглашены два государственных языка — украинский и русский.

Мне кажется, что при условии юридически установленного украинско-русского двуязычия, как это предлагается некоторыми учеными и политиками, русский язык как наиболее крепкий (исключительно в смысле оснащенности справочной, учебной литературой, в смысле развитой инфраструктуры функционирования и т. п.) фактически поглотит своего соседа. Совместное использование языков предполагает неопределенность сфер и задач их функционирования. Объективно в настоящее время Украина живет в условиях фактического (не юридического) двуязычия.

Виртуально можно представить себе, как через всю страну сейчас проходит невидимая нить-граница, которая разделяет ее на две части: восточную, где господствует использование русского языка (немалая часть населения восточной части пассивно владеет украинским языком), и западную, где полноправно во всех сферах функционирует украинский язык (большая часть населения западной части Украины в полной мере владеет русским языком).

Проанализировав рассмотренные четыре варианта развития языковой ситуации, каждый исследователь может прийти к выводу о том, что ни один из возможных путей языкового будущего не может удовлетворить Украину.

Поэтому, мне кажется, в настоящее время назрела необходимость разработки **специальной научно обоснованной программы решения социолингвистических проблем в Украине** на современном этапе:

1. Вместе с признанием статуса украинского языка как единого государственного языка Украины ввести в стране социальный институт региональных языков: население каждой территории компактного проживания национальных меньшинств на референдуме избирает свой язык функционирования в границах данного региона.

2. Кроме того, в современных условиях, если русский язык де-юре и де-факто используется в общении между народами бывшего Советского Союза, мне кажется целесообразным предоставить русскому языку в Украине (как, впрочем, и в других странах бывшего СССР, но это уже компетенция соответствующих государств) официальный статус языка межнационального общения.

На мой взгляд, предлагаемые компромиссные мероприятия, при юридическом господстве украинского языка, установят определенное социолингвистическое (в том числе и политическое) равновесие, не задевая прав ни одного из языков народов Украины.

Таким образом, украинский язык обладает статусом государственного, а в некоторых регионах и регионального, а русский язык — статусом регионального языка (в некоторых регионах страны) и языка межнационального общения. Это станет необходимым стимулом для изучения как украинского, так и русского языков в учебных заведениях и приведет к желательному фактическому (не официальному) двуязычию (а в идеале трехъ-, четырехъязычию) населения нашей страны, что в конце концов может сработать и на повышение качества интеллектуальной ауры народа Украины в целом.

© Н. А. Илюхина
г. Самара

РОЛЬ СЛОВАРЕЙ В ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Следствием лексикографического бума в перестроечные и постперестроечные времена (выход большого числа словарей разного качества, в том числе поначалу отнюдь не академического уровня) стало введение в научный, да и в общекультурный обиход богатого и во многом нового языкового материала либо новых принципов осмысления традиционного для лексикографии языкового материала, а также введение в практику исследований принципов и материалов ассоциативного эксперимента. Так, «Словарь политических метафор» А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова сыграл особую роль не только в области лексикографии — он «перевел» на русскую почву принципы лингвокогнитивной репрезентации метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и предопределил ставшее массовым направление лингвокогнитивного описания и исследования метафоры, функционирующей в разных типах дискурса.

© Илюхина Н. А., 2011

В русле лексикографии новейшего времени оформились лексикографические школы, в одних случаях ориентированные на сбор, обработку и описание нового, впервые вводимого в научный оборот языкового материала (диалектные, жаргонные, словари аббревиации и т. д.), в других — на презентацию новых принципов осмысления языковых единиц в свете новых научных парадигм в языкознании (в частности, Уральская семантическая школа).

Одна из линий динамики в сфере лексикографии, на наш взгляд, выражается в том, что некоторые новые типы словарей можно считать моделью соответствующего концептуального лингвокогнитивного осмысления языковой системы, в том числе в ее связях с когнитивной системой, формой репрезентации концепции языка. Материалы таких словарей могут быть непосредственно использованы при моделировании, в частности, определенного типа концептов.

В современных исследованиях (прежде всего лингвокогнитивных, лингвокультурологических, лингвосемиотических, социолингвистических и т. д.) сформировалось убеждение в необходимости использования разных типов источников при сборе языкового материала и опоры на принципиально разные данные, которые отражают, в частности, трихотомию *языковая система — текст* (и шире — *дискурс*) — *языковое сознание*.

В лингвокогнитивных исследованиях — при анализе концептуализации знания, моделировании концептосферы и структуры концептов как ее единиц — опора на разные типы источников является принципиальной.

При всей справедливости критики отдельных и неотдельных случаев лексикографической квалификации языковых фактов словарные данные остаются авторитетным источником, к которому апеллируют лингвисты самых разных направлений, в том числе лингвокогнитивного. Считается, что в словарях представлена языковая система, однако толкование значения слова и пометы, содержащие сведения о его употреблении, фактически представляют дискурсивные параметры бытования слова. А если учесть, что большинство словарей основаны на выборке из текстовых источников и из устной речи, приходится признать, что словари несут гораздо более богатую информацию и фактически косвенно представляют «текстовый (речевой) ракурс» бытования языковых единиц.

При обосновании методологии комплексных лингвокогнитивных исследований материалы словарей указываются в числе первостепенно значимых источников (см., например [1]).

При этом ценность представляют не отдельные типы словарей (в первую очередь толковые в широком их понимании), а совокупность разных типов словарей, содержащих разноаспектную информацию о системных характеристиках языковых единиц и речевом, дискурсивном их функционировании.

В докладе речь пойдет о роли и возможностях словарных материалов в анализе генезиса образной концептуализации знания о мире, генезисе когнитивных метафор, в анализе природы образно-метафорического компонента в структуре концепта и роли метонимических механизмов в этих процессах.

В практике нашего исследования (которое принципиально не отличается от практики других коллег, работающих в этой области) материалы словарей «разных поколений» используются наряду с текстовыми корпусами и с материалами ассоциативного эксперимента (в том числе с материалами существующих ассоциативных словарей).

Для реконструкции названных (взаимосвязанных) процессов и их результатов в ходе наших исследований и работ аспирантов мы привлекаем комплекс словарей: толковых в возможно более полном их охвате, синонимических и антонимических, этимологических и исторических, словообразовательных, фразеологических словарей, словарей устаревших слов и выражений, словарей символов.

Работа с материалами словарей складывается из нескольких этапов.

На первом этапе происходит сбор и аналитическая обработка словарных материалов разного характера, прежде всего с привлечением традиционных жанров словарей: выявление семантики имен исследуемого концепта по данным толковых и синонимических словарей; выявление семантической структуры деривационных гнезд этих имен концепта и анализ распределения компонентов семантики производящего слова в значении дериватов; выявление фразеологии, включающей имена концепта или смежные с ними имена, и автономный (на этом этапе!) анализ исходной и вторичной, собственно фразеологической, семантики данных единиц; анализ этимологии имен концепта и их семантической

истории; обобщение символических, в том числе языческих, библейских, фольклорных и более поздних культурных элементов, связанных с данным концептом; фиксация средств вербализации концепта в словарях устаревших слов и выражений. Если в этимологических, исторических словарях, в словарях устаревших слов и выражений представлен коммуникативно-культурный срез предшествующих эпох, то словари диалектной лексики, пословиц и поговорок фиксируют, по сути дела, уходящую натуру. Привлечение столь разных источников позволяет очертить широкую эмпирическую базу, которая наиболее полно представляет картину номинации и содержательного континуума концепта.

Возвращение к полученным на первом этапе результатам работы со словарными материалами происходит после этапа аналитической обработки материалов выборки из текстов разных стилей (в том числе материалов Национального корпуса русского языка).

На завершающем этапе выстроенная содержательная структура концепта, в том числе ее образный компонент, представленный в двух ипостасях — образно-перцептивной и образно-метафорической, верифицируется с обращением к данным ассоциативного эксперимента.

Результаты, полученные по итогам исследования столь разного эмпирического материала (исследованию были подвергнуты такие фрагменты языковой картины мира, как суточное и годовое время, внутренний мир человека, социальные феномены (власть, семья) и некоторые другие), обнаруживают удивительную корреляцию и в совокупности служат аргументами в доказательстве роли метонимических механизмов в категоризации и образной концептуализации знаний о действительности, выраженной в языковой картине мира.

Примечание

1. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007.

ОППОЗИЦИЯ ПОЭЗИЯ И ЛИТЕРАТУРА: ВИДО-ВИДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

У испанского поэта Хуана Рамона Хименеса есть статья «Поэзия и литература», в которой он разграничивает поэзию и литературу в родо-видовом отношении. Он выделяет из литературы поэзию, говоря о том, что поэзия — это «выражение, подобно музыке, невыразимого, несказанного, невозможного». А литература выражает «возможное, то, что можно выразить». И поскольку, на взгляд Хименеса, «дух невыразим», то поэзия — «неминуемо духовна, а литература необязательно, у нее другая судьба». Образно Хименес синонимизирует литературу с переводом, а поэзию с оригиналом. Поэзия, по Хименесу, естественна, а литература искусна. И далее: «Литература может достигать относительной красоты, поэзия может достигать никакой, но домогается абсолютной». И еще: «Между поэзией и литературой та же разница, что между любовью и желанием, чувственностью и похотью, речью и болтовней». Лучше не скажешь. Но почему? Почему так разнятся поэзия и литература? В чем причина такого несовпадения, даже антагонизма? Думается, в природе поэзии и литературы. Поэзия есть первичный, базовый, основной и самый бескорыстный, быстрый и емкий, эффективный и бесспорный способ познания. В этом отношении литература вторична (проза, публицистика, драматургия, мемуаристика и т. д.), потому что насквозь социальна, концептуальна и идеологична. Тогда как поэзия натуральна, естественна и абсолютно не зависит от рыночных и денежно-товарных отношений. Литература есть часть экономики, а также искусства (поэзия — не искусство); литература вся мимесис, игра. Поэзия безыскусна, она — творение (греч. *poiëo* — творить), со-творение чего-то неуловимого, невыразимого, но, безусловно, необходимого и самого важного. Литература как часть

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», № 2.1.3./14060.

мобильной («современной» во все времена) и актуальной сферы искусства является товаром, т. е. ангажированной (в любой степени, в любом качестве и объеме), одним словом, она неотвратимо становится компонентом обывательского сознания. Поэзия всегда чиста, наивна и бескорыстна, — вне пошлости. Литература партийна и народна, а иногда и государственна. Поэзия вне прагматики и грубой (внешней) социальности. Литература — это всегда некий «художественный», эстетический и пр. метод (реализм, постмодернизм etc.). Поэзия вне социальной эстетики и методологии. Литература имеет отношение к социальному времени, вообще ко времени. Поэзия соотносится и «сотрудничает» только с вечностью. Литература целесообразна. Поэзия нецелесообразна, так как сообразна метациели, грандиознее, чем само познание; метациель поэзии — поиск поэзии, вибрации, процесса и результата — поэзии. Литература всегда играет (весело, ритуально, фантасмагорично; ср. романы В. Набокова). Поэзия — вся — в серьезности намерений (которых нет, есть метаинтенция) и тона. Национальная литература переводима как на иной язык, так и на сюжетно-фантасмагоричный лапидарный пересказ. Поэзия непереводаема, так как национальный поэтический язык фиксирует, воссоздает, создает то, чего нет, но должно быть. Литература повествовательна, нарративна. Поэзия — вся — есть гудение, шум, трясение, дрожь, тремблинг, содрогание, судороги, вибрация и т. п.; т. е. поэзия — это совокупное ощущение всех стихий неизведанных. Литература принадлежит человеку, обществу, стране. Поэзия — ничья: она есть собственность воздуха, камня, воды, огня, космоса, мира, души и т. д. Литература — это прежде всего линейное письмо (горизонталь). Поэзия — нелинейное мышление и письмо (вертикаль). Литература «состоит» из жанров. Поэзия — вне жанра.

Таково первое разграничение поэзии и литературы, или первая стадия дифференциации и выделения из, а точнее, отгорожения поэзии от литературы (наше, мысленное; хотя видно, что поэзия как деятельность духовная явно противоположна литературе как занятию, работе, профессии). Д. Самойлов, однако, объединяет эти две субстанции, но с благородной целью обобщения прежде всего своего литературного опыта и литературного призвания и назначения: «Лишь на пороге пятидесяти лет понял я, что занимался половину прожитой почти жизни стихотворством, иногда — поэзией, а о подлинном занятии литературой имел лишь

общие абстрактные понятия. Между тем литература — это не стихотворство, даже не поэзия <...> а служение, жертва и постоянное обновление соборного духа... Литература и есть усилие “обновления”». Давид Самойлович здесь характеризует литературу как духовное призвание. Он говорит вообще о словесности и словесной деятельности, о философии в чистом и прямом значении.

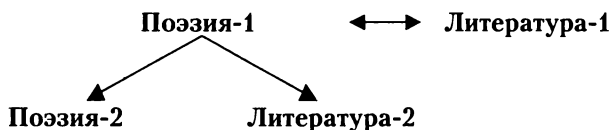
То есть языковая личность в различных условиях может реализовываться как речевая личность (обыватель и вообще каждый из нас в быту) и как текстовая личность (писатель, журналист, поэт). Поэтический дар (категория загадочная и непознаваемая), вообще талант, позволяет языковой личности стать личностью духовной. Именно духовная языковая личность выражает, выхватывает из пустоты поэзию. Заметим, что все эти категории (языковая, речевая, текстовая, духовная личность) являются абсолютно ненаблюдаемыми, эфемерными, но тем не менее дающими реальный, материальный результат (речь, текст), все — кроме личности поэтической, создающей текст явно нелитературного, а иного, метафизического, опять же эфемерного — «поэтического» характера.

Итак, первое противопоставление «поэзия — литература» будет удобно обозначить так:

Поэзия-1 ↔ Литература-1

Данная оппозиция нас не интересует в силу очевидности того, что поэзия не есть литературная деятельность. Хотя необходимо разделять поэзию и стихотворство, или графоманию, стихи на случай («датская» поэзия), подражание, стилизацию и, наконец, имитацию поэтического текста. Л. П. Быков также указывает на то, что литературе свойственна *книжность, печатность*, тогда как поэзия существовала и может существовать вне сферы публикаций и издательского дела — изустно, т. е. в воздушно-капельной форме в виде звуковых волн. Сплошная акустика, музыка, интонация, тембр и сила звука.

Повторю: *поэзия-1* в противопоставлении *литературе-1* нас не интересует. Однако очевиден тот факт, что внутри *поэзии-1* существуют иные подвиды, которые можно назвать стихотворчеством, стихописанием, стихосложением, стихоплетством, стихоговорением, стихопением и т. п. Схематически это выглядит так:

Поэзия-2 — это по гоголевской номинации «поэзия поэзии», а *литература-2* — это «поэзия литературы». «Поэзия поэтическая» противопоставляется «поэзии литературной».

© Н. А. Кузьмина
г. Омск

К ПРОБЛЕМЕ КОГНИТИВНЫХ КАТЕГОРИЙ МЕДИАДИСКУРСА: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ VS. ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ

Введем разграничение *интертекстуальности* и *прецедентности*. Интертекстуальность мы понимаем в соответствии с теорией интертекста, сформулированной в [1]. Интертекст — это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени. Интертекстуальность — глубина текста, определяемая его способностью накапливать информацию не только за счет отражения действительности, но и опосредованно, извлекая ее из других текстов, она связана с такими понятиями, как традиция, «семиотическая память культуры» (Ю. М. Лотман), деривационная история текста. Мы рассматриваем интертекстуальность как критерий гносеологической и эстетической ценности текста: если произведение не обладает этим свойством, оно не имеет шансов войти в науку, литературу, наконец, в культуру в целом. Таким образом, интертекстуальность — один из способов трансляции так называемого кода культуры.

Интертекстуальность обнаруживается в процессе взаимодействия с творческим субъектом — автором или читателем. Прежде всего, интертекстуальность текста есть отражение и реализация

когнитивной базы порождающего текст субъекта, его интертекстуального тезауруса, соотнесенного с типом речевой культуры. В то же время, говоря об интертекстуальности, необходимо учитывать и другую творческую личность — воспринимающего новый текст (метатекст) читателя, зрителя. Восприятие любого языкового феномена регулируется прагматическим контекстом — речевой ситуацией, в которую включено высказывание. Рассуждая об интерпретации интертекстуальных знаков, мы предположили, что есть два типа прагматических условий восприятия интертекстуальных феноменов — текстовые и когнитивно-личностные. Мы считаем, что автор, желая быть понятым, стремится синтезировать свою мысль в сознании читателя из таких смысловых элементов, которыми владеют обе стороны коммуникативного процесса, указав в самом тексте путь смыслообразования. Следовательно, в том случае, если декодирование интертекстуальных знаков является обязательным для адекватного восприятия текста, он дает своего рода ключи к их разгадке, организуя их в соответствии со стратегией интертекстуальности.

Интертекстуальность соотнесена с эстетической ценностью, культурной значимостью, вневременностью (интертекстуальные знаки — феномены культуры), *прецедентность* — с тем, что происходит *сейчас* и актуально сегодня, но вовсе не обязательно будет значимо завтра. Интертекстуальные знаки проверены временем и традицией; они существуют в течение жизни нескольких поколений людей, существование прецедентных феноменов ограничено временем их рецепции и реинтерпретации. Именно для прецедентных феноменов важна «техническая» поддержка, прежде всего средствами массовой коммуникации, обеспечивающая тотальную их рецепцию максимально широким кругом потребителей. Таким образом, *интертекстуальность* — это транслируемый код культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характера, *прецедентность* — явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры. Для прецедентных феноменов чрезвычайно обязательна «техническая» поддержка, прежде всего средствами массовой коммуникации, обеспечивающая тотальную их рецепцию максимально широким кругом потребителей.

Интертекстуальные феномены обязательно проходят фазу прецедентных, и, возможно, не единожды. Так, например, романы

Э. М. Ремарка, безусловно входящие в культурный код (в том числе русский), переживали период прецедентности, по крайней мере, дважды: первый раз после публикации в 40-е гг. XX в. в Германии, а затем в мире и вторично — в России в 90-е гг., что вполне объяснимо, если иметь в виду совпадение экономической ситуации в послевоенной Германии и «постперестроечной» России (высокие темпы инфляции, описанные с хирургической точностью, в частности, в романе «Черный обелиск»). С другой стороны, тексты шлягеров (*муси-пуси, девушки бывают разные, I'll be back*), имена некоторых политиков и деятелей шоу-бизнеса, определенные события — наподобие разводов или свадеб поп-звезд или прецедентных ситуаций в политике («дирижирование» Ельцина военным оркестром на аэродроме в Германии, удар кулаком в лицо Берлускони, а ранее — Горбачеву в Омске и т. п.) — за малым исключением обречены на краткое существование в качестве прецедентных феноменов, известных, вероятно, даже более широкому кругу людей, чем собственно интертекстуальные знаки, но обреченных на забвение.

При таком понимании очевидно, что специфика медиадискурса связана более с прецедентностью, чем с интертекстуальностью, и именно *прецедентность* — *конституирующая категория современного медиадискурса*, с ней связаны прогнозы развития медиадискурса в будущем.

Примечание

1. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург ; Омск, 1999.

© Б. Ю. Норман
г. Минск, Беларусь

МЕСТО СИНТАКСИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Обычно языковая картина мира реконструируется исследователями на основе лексических данных. Однако грамматический

© Норман Б. Ю., 2011

строй языка, и в частности система синтаксических моделей, типы управления, особенности реализации сочинительной связи и т. д., обладает собственной когнитивной ценностью: с одной стороны, грамматические единицы и связи хранят «в концентрированном виде» опыт предшествующих поколений, а с другой стороны, они позволяют носителю языка упорядочить, привести в систему новую, только что полученную информацию. Именно поэтому роль грамматики, в том числе синтаксиса, в процессе познания заслуживает специального внимания.

Если говорить о синтаксической модели в когнитивном аспекте, то прежде всего она ограничивает отражаемое событие количественными рамками. Из различных (и в принципе бесконечно многообразных) факторов, образующих референтную ситуацию, язык отбирает некоторое, очень немногочисленное количество стандартных «участников ситуации». Но, в соответствии с замыслом говорящего, синтаксическая модель подразумевает определенный взгляд на мир, а это значит — и качественные ограничения.

Возьмем простой пример. Человек в обеденное время занят едой. Это тот случай, о котором «Экспериментальный синтаксический словарь» пишет: «Человек дает организму питательные вещества (еду, пищу), необходимые для его нормальной жизнедеятельности, пережевывая и глотая пищу» [1, 240]. В качестве иллюстраций данной лексико-семантической группы приводятся глаголы *есть, кушать, жрать, глотать, пробовать, кормиться, наедаться, обедать, ужинать* и многие другие. Но вот что интересно: мы спокойно можем по-русски сказать: *Отец обедает*. Или конкретизировать: *Отец ест отварную курицу с картошкой и помидорами*. Однако нельзя сказать: *Отец обедает курицу* или *Отец обедает курицей* (только *Отец ест курицу на обед* или *У отца на обед курица* и т. п.). Дело в том, что *обедать* для русскоязычного сознания — это ‘быть занятым какой-то деятельностью’ (поэтому вполне естественно выглядят контексты типа *Не мешай отцу, он обедает*). А *есть* (‘кушать, поглощать пищу’), так же как *жрать, глотать* и т. п., — это глаголы, подразумевающие действие, совершающееся над некоторым объектом. «Увидеть» этот объект или, наоборот, вынести его за скобки, поместить в светлое или в теневое поле сознания — суверенное право языка. Этот «произвол» легко обнаруживается при сравнении с другими языками. Есть народы, для которых не составляет проблемы сказать

«я обедаю курицу». Таким образом, мало того что семантические объединения слов поддерживаются, закрепляются грамматическими («селективными») признаками, но через эти признаки обнаруживает себя способ классификации мира, свойственный данной культуре.

Особого внимания заслуживают также встречающиеся в речи отклонения от норм синтаксической сочетаемости. С одной стороны, они напоминают нам об аккумулированных в синтаксических моделях общих стандартах знания. Ведь если конструкции типа *странствовать куда-то* останавливают наш взгляд, то это происходит именно потому, что они воспринимаются на фоне типового положения дел, в котором «странствовать» — это занятие (или образ жизни), а не передвижение. С другой стороны, случаи несоблюдения правил подчинительной связи указывают на возможности расширения когнитивного опыта носителя языка: на это, собственно, и направлено изменение состава участников ситуации.

Можно проиллюстрировать сказанное на примере выражения финитивных (целевых) отношений. В современном русском языке они могут передаваться разными грамматическими средствами. Одно из них (при глаголах движения) — сочетание предлога *по* с винительным падежом. Значение «предметной цели движения» легко реализуется в случаях с природными сущностями (*пойти по грибы, по ягоды, по орехи, по дрова, по воду...*). Понятно, что устойчивость этих выражений имеет корни в народной культуре и закрепляется в речевой традиции. Заметно «хуже» выглядят сочетания вроде *пойти по цветы, по молоко, по шерсть* (*Пошел по шерсть, а вернулся стриженным* — гласит старая русская пословица). И уж совсем невозможными выглядят в составе такой конструкции названия артефактов: **пойти по книги, по кирпичи, по бензин, по запчасти* или живых существ: **пойти по соседа, по милиционера, по сестру* и т. п. Если же подобные сочетания встречаются в современной литературе, то обычно как отражение иной — диалектной — картины мира.

Таким образом, язык аккумулирует в себе многообразные сведения об устройстве мира, о концептуализации времени и пространства, о видах действия, о свойствах предметов, об отношениях между людьми и т. п. И синтаксис во всех его проявлениях, будь то модели предложения, правила управления или законы

сочинительной связи, представляет собой мощный инструмент в когнитивной практике человека: это, образно говоря, рельсы, по которым движется поезд познания.

Примечание

1. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002.

© С. Р. Омельченко
г. Волгоград

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СЛОВАРЯХ РАЗНОГО ТИПА

Характерной чертой лингвистических исследований последних лет является глубокий интерес к антропологике как комплексной дисциплине, изучающей отражение человеческого фактора в языке и речи. Реконструкция языковой картины мира как отдельного человека, так и определенного языкового сообщества на основе полного описания лексических и грамматических значений рассматривается в качестве сверхзадачи не только семантики, но и лексикографии [1, 630].

Антропологический фактор представлен в словарях разного типа: и энциклопедических, и лингвистических. В энциклопедических словарях имеются биографические справки о знаменитых людях — ученых, писателях, государственных и общественных деятелях. В различных лингвистических словарях отдельная информация обо всем том, что связано с человеком, дается в виде словарных статей, начинающихся с заглавных слов, расположенных в алфавитном порядке. Антропологическая значимость данных словарей заключается в их практической направленности. Все они в определенной степени расширяют знания и способствуют развитию языковой компетенции их пользователей. Однако целенаправленное системное представление о человеке в этих словарях отсутствует.

© Омельченко С. Р., 2011

Одним из первых опытов системного лексикографического описания человека стал «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», изданный коллективом авторов под общим руководством Ю. Д. Апресяна в 1997 г. Это словарь активного типа, реализующий принципы системной лексикографии и ориентированный на отражение языковой, или «наивной», картины мира. Почти все синонимические ряды, публикуемые в словаре, в той или иной мере объединены общей идеей человека. На основе идеографического принципа здесь представлена антропоцентрическая лексика, описывающая тело и душу человека, его физические и эмоциональные реакции на мир, различные физические, речевые, ментальные и волевые действия, состояния и т. д. Ю. Д. Апресян в предисловии к словарю отмечает, что антропоцентрическая лексика уникальна как по разнообразию и полноте лексикографических типов, так и по своей фундаментальности. В связи с этим автор пишет: «Нет никаких других концептов, которые могли бы конкурировать с антропоцентрическими в этом отношении. <...> антропоцентрическая лексика создает идеальную основу для постановки и решения любых общих лексикографических проблем» [2, V].

Данный лексикографический труд предвосхитил антропологические идеи, сформулированные и реализованные в виде словарей в конце XX начале XIX в. Так, «Русский семантический словарь», созданный авторским коллективом под руководством Н. Ю. Шведовой (М., 1998–2007. Т. 1–4), включает в смысловую сферу «кто» сочлененные лексические классы, относящие именуемое к сфере человека (или олицетворяемого мифического существа). Внутри этой сферы существуют классы, возглавляемые лексико-семантической доминантой ‘человек’. Аналогичное устройство имеет глагольная лексика и лексика, именуемая непроецессуальные признаки лица. В итоге лексико-семантические классы и множества, объединяемые доминантой ‘человек’, предстают как такая познавательная значимая языковая целостность, которая имеет собственные семантические и грамматические характеристики, свое фразеологическое окружение и собственный словообразовательный потенциал.

В «Тематическом словаре русского языка» Л. Г. Саяховой, Д. М. Хасановой и В. В. Морковкина (М., 2000) наряду с семантическими классами «Общество» и «Природа» выделен класс «Че-

ловек», который затем ступенчато членится на более мелкие подклассы. Здесь выделяются подклассы «Тело и организм человека», «Жизнь человека», «Внешний вид, наружность человека», «Эмоциональный мир человека» и т. д. Каждый из этих подклассов разбивается на более частные. Например, «Эмоциональный мир человека» включает разделы «Психические свойства человека», «Темперамент». Значение и употребление слов, относящихся к этому классу, иллюстрируется активно употребляемыми словосочетаниями. В результате в словаре отражены слова, передающие наиболее емкие понятия о человеке и представляющие особое значение для человека как личности.

В рамках научного проекта «Новые типы словарей и их роль в сохранении национального языка и национальной культуры» получили широкое признание лексикографические издания коллектива авторов Уральской семантической школы под руководством Л. Г. Бабенко: «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» (1999), «Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь» (2002), «Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы» (2005) и др. Учет изоморфизма семантических компонентов разноуровневых единиц (в слове, предложении и тексте) и их пространственных характеристик позволил Л. Г. Бабенко и ее коллегам выйти на антропологическую составляющую содержания словарей: «в них развертывается в языковых формах картина мира так, как она существует в национальном сознании, в сознании носителей языка» [3, 340–341].

Введение в научный обиход антропологической категории языковой личности позволило изучать данный феномен в различных аспектах, в том числе и лексикографическом. Стали появляться словари, отражающие параметризацию идиолекта конкретной языковой личности. Это не только толковые, но и аспектные словари фразеологизмов, синонимов, неологизмов, различных образных средств. Увеличилось число словарных изданий, отражающих творчество писателей. Среди крупных проектов можно назвать четырехтомный «Словарь поэтического языка М. И. Цветаевой» (1996–2004), восьмитомный «Словарь языка К. Г. Паустовского» (1998), «Словарь языка Достоевского» (2001) [см. обзор 4].

Публикуются также словари известных политиков и отдельных диалектоносителей [5, 6, 7 и др.].

В 2007 г. вышел лексикографический труд М. А. Алексеенко и О. И. Литвинниковой «Человек в производных именах русской народной речи». В нем собраны диалектные мотивированные имена существительные и прилагательные семантического поля 'человек'. Авторы подчеркивают, что он является антропоцентрическим толково-словообразовательным словарем. Новизна словаря связана с характером фактического материала, а также с тем, что словообразовательная структура антропоцентрической лексики определяется на основе живых семантико-структурных связей и отношений единиц мотивационных пар.

В целом в лексикографических трудах нового типа реализуется комплексный подход, учитывающий, с одной стороны, принципы составления толковых и идеографических словарей, а с другой — практическую направленность словаря, что делает такие издания многофункциональными. Одновременно содержащаяся в них научно-лингвистическая информация содержит базу данных для дальнейших изысканий не только в области парадигматики и синтагматики, но и для изучения языковой картины мира, неотъемлемой частью которой является человеческий фактор.

Примечания

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. *Апресян Ю. Д.* Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997. С. V.
3. *Бабенко Л. Г.* Словарь как текст (на материале идеографических словарей русского языка) // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Междунар. конгр. исследователей рус. яз. : тр. и материалы. М., 2010. С. 340–341.
4. *Шестакова Л. Л.* Авторская лексикография на рубеже веков // Вопр. языкознания. 2007. № 6. С. 116–129.
5. *Иванцова Е. В.* Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. Томск, 2005.
6. *Самотик Л. Г.* Словарь языка Александра Лебеда. Красноярск, 2004.
7. *Толстова Г. А.* Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск, 2004.

РУССКИЕ И РОССИЯНЕ В БЕЛОРУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Феномен понятий *русский*, *россиянин* в их эволюции и исторической перспективе представляется неисчерпаемым. Для понимания сущности данных номинаций особое значение имеет их лексикографическая интерпретация в различных языках. Это, как один из видов перевода лексем «на специальный семантический язык» в русле не своей, другой лингвокультуры, позволяет обнаружить дополнительные оттенки в семантике этноспецифических особенностей русского человека, динамику его личностных качеств в зависимости от воздействия внешних, прагматических факторов в каждый период времени. Считается, что взгляду со стороны в принципе чужды патриотические, нравственно-психологические привязанности и соображения к другим общностям, их культуре, если эти ценности насильно не навязываются в сфере межнационального общения. Данный фактор считается положительным, реализующим объективный взгляд на вещи, поскольку «аутгрупповое» видение способствует, с одной стороны, проявлению идентификации народов, большему сплочению национальных общностей, с другой — активному закреплению их этнических различий.

Любую словарную статью можно рассматривать в качестве «культурно релевантного типа вербального текста, в котором раскрывается базовая (собственно понятийная) структура и ассоциативно-образная основа» [1, 115] той или иной лексемы. В статьях белорусских толковых словарей, дающих представление о русских и россиянах, имеются по крайней мере две лексико-семантические группы (ЛСГ): на первом месте стоит ЛСГ с корнем *-рус-* (*-рос-*), на втором — ЛСГ с корнем *-москв-*.

Так, «Исторический словарь белорусского языка» репрезентирует лексему *русский* в качестве метаэтнонима для всех восточных славян: **Руский** 1. Усходнеславянскі. *Жикгимонтъ Августъ, Божою милостью, король Польский, великий Князь Литовский, Русский* (Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею). 2. Старабеларускі. *Книга... зуполнее выложена на рускии языкъ*

(Ф. Скорина). 3. Праваслаўны. *Предки ихъ пришли съ орды, Татарове, и крестилися въ Рускую веру* (Литовская метрика). 4. Кірыліцкі. Я, Стефан Иванович Достоевский, и руку свою письмомъ рускимъ подписал (Литовская метрика). Соответственно номинация *русь* трактуется как ‘прадстаўнікі ўсходнеславянскага насельніцтва ў Вялікім Княстве Літоўскім’: *Люди веры хрэistianское якъ литва такъ и русъ кожды водлугъ заслугъ и годности своею брани быти мають* (Статут Великого княжества Литовского) [2].

В «Историческом словаре белорусского языка» представлены также дериваты лексемы *русский*, формирующие лексико-семантическую группу и свидетельствующие о ее значительной семантической нагрузке в давние времена: *русинь* ‘прадстаўнік усходнеславянскага насельніцтва ў Вялікім Княстве Літоўскім і Рэчы Паспалітай’; *русак* ‘тое, што і русін’; *руска* ‘прадстаўніца ўсходнеславянскага насельніцтва ў Вялікім княстве Літоўскім і Рэчы Паспалітай’; *россъ (руссъ)* ‘тое, што і русь’; *россіянінь* ‘тое, што і россъ’; *россійскій (росейскій, росский, роский)* ‘тое, што і рускі ў 1 знач.’; *россійскі* ‘па расійску’, *росски* ‘па-старабеларуску’ [2].

Этнічэска не дыферэнцыраванная лексема *русинь* в Средние века использовалась для номинации русских, украинцев и белорусов, а также для обозначения православного населения на территории Великого княжества Литовского. По мысли В. Ластовского, до XIV в. дефиниция *русинь* обозначала представителей правящих классов и городское население — князей, духовенство, купцов и т. д., крестьян же называли смердами. К XIV в. русинами стали называть и сельских жителей, мужиков [3, 354]. Язык Великого княжества Литовского мог называться как русским, так и русинским, поскольку использовалась кириллическая, а не латинская графика. Декрипция *старобелоруссий* в Средние века отсутствовала и стала использоваться для номинации языка белорусской народности только в двадцатом столетии. Как свидетельствуют словарные статьи, семантическим инвариантом, ядерным компонентом для дефиниции *русский* в «Историческом словаре белорусского языка» является значение ‘восточнославянский’, включенное во все ее дериваты.

Лексикографическая практика, отражающая состояние белорусского языка в XX в. [4, 5, 6, 7], фиксирует современные значения рассматриваемой ЛСГ: **Рускі**. 1. Які мае адносіны да Русі, Расіі. 2. Які мае адносіны да рускіх, належыць ім. **Рускія**. Усход-

неславянскі народ, які складае асноўнае насельніцтва РСФСР і шырока прадстаўлены ў іншых рэспубліках Савецкага Саюза. **Расіяне.** Рускія [7, 729].

Значение 'восточнославянский' у лексемы *рускі*, стоящее на первом месте в Историческом словаре, уходит на второй план, уступая первенство толкованию, имеющему отношение к России, к национальному компоненту, что свидетельствует о меняющейся экстралингвистической реальности, обусловившей смещение значения данной лексемы в сторону его специализации. В свою очередь, лексема *россияне* трактуется постперестроечными изданиями толкового словаря широко — 'жыхары Расіі' — и соответствует современному общепринятому употреблению. В XX в. пополняется деривационное гнездо рассматриваемой номинации: *русізм*, *русіст*, *русістыка*, *русіцкі*, *русафил*, *русафіліства*; наряду с оценочно-нейтральными появляются лексемы с очевидной отрицательной коннотацией: *русіфікацыя* ('у царскай Расіі — насілынае распаўсюджанне рускай мовы і культуры сярод нацыянальных меншасцей'), *русіфікавацца* ('станавіцца рускім па культуры, звычаях'), *русіфікаваць*, *русіфікатар* ('той, хто ажыццяўляе русіфікацыю'), *русіфікатарскі*, *русіфікатарства*, *русафоб*, *русафобства*. Динамика лексикографической репрезентации понятий *русские* и *россияне* в белорусских толковых словарях позволяет говорить о двух разнонаправленных процессах в их семантике и словообразовательной парадигматике — специализации для лексемы *русский* и генерализации для лексемы *россияне*.

Для обозначения человека русской национальности «Исторический словарь белорусского языка» фиксирует также лексемы с корнем *-москв-*, представленные нейтрально: **москва**, **москвитинь**, **московитинь**, **москвічанін**, **москвіч** 'выхадзец, выхадцы з Маскоўскай дзяржавы, рускія', в знач. собирает.; **московский (москевский, московски)** 'які адносіцца да Маскоўскай дзяржавы, рускі', в знач. существ. 'Маскоўскі цар'; **московскі** 'па-руску'; **московка** 'ураджэнка Маскоўскай дзяржавы, руская'; **москаль** 'тое, што і москвітін'; **москалік** уменьшит. от *москаль*.

Иллюстративный материал «Исторического словаря», акцентирующий прагматический компонент, свидетельствует о частом употреблении лесем с корнем *-москв-* в значении 'воин', 'солдат' с отрицательной коннотацией: *неприятел москал поступивши*

з великою потугою войска московского... замокъ и парканъ Мстиславский огнем спалили (Акты Виленской археографической комиссии) [8, 166–168]. Подобное восприятие соседа объясняется многовековым военно-политическим соперничеством государства Московского и Великого княжества Литовского, борьбой идей в сознании местного населения, определявшего свою причастность к тому или иному центру.

Словари белорусского языка первой половины XX в. [4, 5, 6] фиксируют дальнейшее развитие рассматриваемой ЛСГ в сторону увеличения дескрипций преимущественно с негативной семантикой: **маскаль** ‘русский, великорусс’ (вторичные значения ‘солдат русской армии, солдат’; ‘старовер’; ‘пустой, прямо стоящий колос пшеницы’; ‘плохой, непослушный, с разбойничьими замашками мальчик, парень’); **маскалюга** презр. ‘русский, солдат’; **маскоўка** ‘русская женщина’, ‘топор русского изделия’; **маскоўшчына** ‘холст русского изделия’ *маскоўшчына лінуча*, ‘совокупность всего подлинно русского’; **маскалець** ‘русеть’; **маскалелы** ‘обрусевший’; **маскалёнак** ‘солдатский сын или кантонист’; **маскаліць** ‘русифицировать’; **абмаскаліць** ‘обрусить’; **абмаскалены** ‘русифицированный’; **абмаскаленне** ‘русификация’ [4, 677–678].

Из соображений политкорректности лексема *москаль* с ее производными так же, как и *кацап*, характерная для диалектов, в современном толковом словаре белорусского языка, отражающем исторический период существования белорусов в составе СССР, не представлены.

Анализ семантического наполнения лексем с корнями *-рус-* и *-москв-*, репрезентированных в толковых словарях белорусского языка, свидетельствует о безусловно огромной роли русских и россиян в историческом и современном развитии Беларуси. Наряду с фиксацией объективных реалий лексикографический дискурс, являясь чувствительной к социально-историческим изменениям сферой языка, закрепляет как позитивное, так и негативное отношение социума к действительности. Отрицательную коннотативную окраску рассмотренных лексем ни в коем случае нельзя трактовать исключительно в плане национальной конфронтации. Обособление себя от других по определенному признаку естественно и закономерно: «ни история, ни этнография не знают каких-либо групп или общностей людей ... так или иначе не противопоставляющих себя другим» [9, 90], что является мощным

фактором для идентификации и сплочения наций. История и языковые данные свидетельствуют о распространении подобной закономерности как на родственные по происхождению народы и языки, так и на удаленные друг от друга. Толковые словари, отражая на определенных временных этапах изменчивый окружающий мир, дают бесценный материал для формирования внешних представлений о соседях, объективного познания национально-культурной специфики разных этносов.

Примечания

1. Красавский Н. А. Русская и немецкая концептосфера эмоций: опыт лингво-культурологического анализа словарных статей // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.
2. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 2010. Т. 30. С. 422–483.
3. Ластойскі В. Выбраныя творы. Мінск, 1997.
4. Станкевіч Я. Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь. N. Y.
5. Байкоў М., Некрашэвіч С. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1926.
6. Слоўнік мовы Янкі Купалы. Мінск, 2002.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1980. Т. 4.
8. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 2000. Т. 18.
9. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

© И. В. Ружицкий
г. Москва

РОССИЯ И РУССКИЕ В ВОСПРИЯТИИ ИНОКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: СЛОВАРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Ситуация межкультурного взаимодействия характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями. Одна заключается в стремлении к знакомству с другой культурой, в желании понять ее. Несмотря на все межнациональные различия такое понимание возможно прежде всего благодаря существованию общечеловеческих духовных и этических ценностей. Суть другой, противоположной тенденции заключается в возможности существования двух презумпций — презумпции неполного понимания и презумпции негативной оценки. Презумпция неполного понимания заключается в том, что к другой культуре мы всегда подходим,

уже гипотетически предполагая, что в этой культуре для нас что-то окажется непонятным. Презумпция негативной оценки означает, что человек всегда, сознательно или неосознанно, но так или иначе настороженно или даже враждебно относится к другой культуре. Например, одна и та же черта психического склада, свойственная своему и чужому этносу, может расцениваться по-разному.

Презумпцию негативной оценки мы находим в мемуарах иностранных путешественников, в путеводителях по России, написанных иностранцами, в литературе, кино, средствах массовой информации, в компьютерных играх и даже в музыкальных видеоклипах. Справедливости ради следует отметить, что то же самое явление мы можем наблюдать и в отношении России и русских к другим культурам и их представителям. Трудно, например, назвать кого-нибудь из писателей XIX в., кто не критиковал бы иностранцев, образы которых чаще всего отрицательны или комичны.

За последние годы накопилось огромное количество научных работ — культурологов, филологов, лингвистов, социологов, политологов — на тему «Россия глазами Запада», в связи с чем, на наш взгляд, возникает необходимость их суммарного представления и разработки методики их исследования. Способом классификации накопленного материала, а также методом изучения особенностей восприятия России и русских иностранцами может стать словарь единиц, которые отражали бы, как видят Россию и русских иностранцы.

Почему именно словарь? Отвечая на этот вопрос, мы руководствуемся следующими положениями: 1) словарь позволяет системно организовать исследуемый материал; 2) словарь помогает расположить материал компактно; 3) словарь представляет материал наглядно, из чего следует то, что он удобен для пользователя, для тех, кто интересуется вопросами восприятия России и русских носителями иных культур; 4) словарь позволяет отразить материал более-менее объективно, что, однако, вовсе не означает невозможности для автора словарной статьи так или иначе выразить свою позицию.

Единицы, описываемые в словаре, мы называем гештальтами — в исходном, гумбольдтовском понимании этого термина, т. е. «индивидуальные образования, представления, образы». Основным

критерием выявления гештальта для словарного описания (т. е. определения входа словарной статьи) является следующее: гештальт выражается словом, сочетанием слов, предложением, микротекстом, которые можно подставить в качестве ответа на вопрос «Что для вас Россия и русские?» («С чем у вас ассоциируются Россия и русские?»). Гештальт выбирается исключительно из текста источника материала (мемуары, дневники, путевые заметки, путеводители по России, материалы СМИ, учебники русского языка, художественные фильмы, мультфильмы, спектакли, различного рода экспериментальные данные, интернет-чаты, компьютерные игры и др.) и не является результатом обобщающе-классифицирующей деятельности автора словарной статьи. Одним из основных видов гештальтов являются стереотипы, так или иначе выражающие оценку, чаще — негативную: *Россия коррумпированная страна; Русские покорны и послушны* и т. п.

Другими видами гештальтов являются: 1) названия (прецедентные тексты): «*Преступление и наказание*», «*Катюша*»...; 2) имена: *Достоевский, Гоголь, Иван, Курникова, Чебурашка*...; 3) топонимы: *Москва, Байкал, Волга*...; 4) предметы одежды, быта, продукты питания: *шапка-ушанка, икра, блины, водка*...; 5) вербально выраженные концепты: *гостеприимство, хитрость*... Данные гештальты могут объединяться в ассоциативные цепочки (в том случае, если такая цепочка представлена в тексте источника материала). Тогда входом словарной статьи является вся цепочка ассоциаций, или, если использовать термин Ю. Н. Караулова, «семантический гештальт» — особый национально обусловленный тип ассоциативных структур, фиксирующих целостность восприятия: *депрессивные условия — самоубийство — дожди — пробки*.

Рассмотрим некоторые примеры подобных семантических гештальтов, оформленные в соответствии со структурой словарной статьи, лексикографическими параметрами которой являются: заглавное слово, указание на источник, указание на страну, в которой появился этот источник материала, фиксация времени появления источника материала и, факультативно, комментарий, в котором может даваться расширенный текст, краткое преставление, если это необходимо, содержания всего текста или ситуации — фрейма, авторская интерпретация материала, включая его оценку.

Достоевский → «Преступление и наказание» → жестокое убийство

- «Матч пойнт» («Match Point»)
- Великобритания–США
- 2005 г. В 2006 г. фильм был номинирован на «Оскар» за лучший сценарий.

Комментарий. В начале фильма главный герой показан с книгой «Преступление и наказание» в руках. Затем он устраивается тренером в престижный спортивный клуб, где обучает теннису богатую англичанку, на которой впоследствии женится. Потом влюбляется в подругу брата этой англичанки, она беременеет от него и начинает шантажировать, после чего он и замышляет убийство. Сам фрейм убийства в фильме сильно напоминает описание в «Преступлении и наказании» — подъезд, лестница, ни в чем не виновная соседка и другие детали, даже аналог Порфирия Петровича присутствует. Вряд ли режиссер фильма, Вуди Аллен, стремился сознательно исказить образ России, хотя сюжет «Американской трагедии» Теодора Драйзера в большей степени соответствовал бы сценарию «Match Point».

неулыбающиеся → недружелюбные → не бросят друга в беде

- «Mysterious Russian soul. Part 2: Gloomy attitude»
- США
- 2007 г.

Комментарий. «Любой, кто бывал в России, знает не понаслышке, что здесь не встретишь ни одного *улыбающегося* или радостного просто так человека. В отличие от американцев русские не видят необходимости улыбаться постоянно. Но не принимайте это как отношение лично к вам. Просто это часть культуры, воспитанная с детства. И если сначала любой русский кажется вам *недружелюбным*, то, как только он назовет вас *другом*, вы можете полностью рассчитывать на его помощь. И будьте уверены, он вас *не бросит в беде*, пока вам нужна его поддержка».

понятие «русская душа» → «загадочный» → «романтический взгляд на мир» → противоречивость и непредсказуемость → не может служить для понимания современных российских реалий

- Roland Oliphant, «Упражнение в неверии»
- Великобритания
- 2010 г.

Комментарий. «<...> понятие «*русская душа*» никогда не было носителем глубокого смысла. Словосочетание «*русская душа*» должно было стать ключом к пониманию того, о чем его создатели не имели ясного представления, а их собственный романтический взгляд на мир способствовал излишней романтизации этой таинственной

субстанции. Потому термин *“русская душа”*, появляющийся обычно с эпитетом *“загадочная”*, *вряд ли может служить путеводной звездой для понимания современных российских реалий*, прошлого и будущего страны. <...> Можно было бы резюмировать, что основной чертой *русской души* является то, что русские люди противоречивы и непредсказуемы. Но подобное обобщение столь же неточно, сколь сомнительно использование прилагательного *“загадочная”* применительно к их душе».

Если мы имеем дело с процессом межкультурной коммуникации, то такие единицы, как ассоциативные цепочки (семантические гештальты), становятся основными. Связано это и со сложностью объекта восприятия («иная культура»), и с картинностью, образностью его представления, как правило, включающего и оценку: негативную, положительную, а часто и противоречивую. Выделение ассоциативных цепочек, их объединение в соответствующие ассоциативные поля позволяет системно отразить такой сложный объект, как Россия и русские, в языковом сознании носителей иных культур.

© Ж. Сатмари
г. Будапешт, Венгрия

ОБРАЗ РОССИИ И РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В ВЕНГРИИ (В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ)

Цель доклада — проследить основные стадии в развитии понятия *русский человек* с момента его появления в венгерском языке до его форм и видов существования в пространстве перестройки. Мы рассматриваем наименования русского человека в венгерском языке в отдельные исторические периоды, делая акцент на их коннотацию. Особое внимание уделяется некоторым историческим периодам и датам: революции 1848 г., Первой и Второй мировым войнам, революции 1956 г. и периоду перестройки. Отношение венгерской нации к России и русскому человеку демонстрируется через множество плакатов и фотографий данного исторического времени.

После занятия Карпатского бассейна одну из этнических групп, находящихся на этой территории, венгры называли именем *orosz*, что по сегодняшний день означает *русский человек*. Это название пришло в венгерский язык в IX в. через тюркские языки, где оно имело форму *urus* (в туркменском) или *urns* (в татарском). В это время наименование *orosz* обозначало тех восточных славян, которые жили на карпатской территории после 1320 г. и которых позже называли *ruszin*, *rutén* или *rusznyák*. Впоследствии, в XI–XII вв., лексема *orosz* включалась во многие наименования городов и поселков (например, в название города Oroszvár), которые можно найти в исторических документах 1208–1359 гг. [1]. С XIV в. лексема *orosz* встречается в венгерских фамилиях, в настоящее время 16 259 фамилий содержат ее [Там же].

В XIX в. начали использовать наименование *muszka* с целью различия россиян (*muszka-orosz*) и русин (*magyar-orosz*). Изначально нейтральное слово *muszka* с 1848 г. приобретает новую, негативную коннотацию. Этим словом называли тех «изменников родины» (*muszkavezűr* ~ *лидер русских*), которые помогали русским войскам ориентироваться на оккупированной венгерской территории. Помощь, которую австрийский император в 1848 г. получал от русского царя для подавления венгерской революции, повлекла за собой первую негативную оценку русского человека в Венгрии. Интересно отметить, что в карикатурах и рисунках этих годов Россия часто предстает в образе медведя, например, помогающего двухголовоу австрийскому орлу причинять боль беззащитной женщине Венгрии. Этот элемент страха (от нападающего большого государства) противоречит той картине, которую можно обнаружить в словаре пословиц Маргалич 1864 г. Здесь образ русского человека тоже отнюдь не позитивен, но элемент страха отсутствует: «*умный русский редкость*», «*ум у русских только до полдня*», «*лютеранский цыган, каменщик кальвинист, умный русский, дохлый осел — редкость*» [2]. Интересно отметить параллель образа России в немецкой карикатуре XIX–XX вв., где также «подчеркивалась сила и грубость... *русского медведя*» [3].

Во время двух мировых войн Россия (Советский Союз) и Венгрия воевали на противоположных сторонах, что естественным образом послужило причиной усиления негативной картины России. После Первой мировой войны, в 1920-х гг., велись переговоры о судьбе военных пленных и территорий Трансильва-

нии и Бессарабии. В 1934–1939 гг. между Венгрией и Советским Союзом были установлены дипломатические отношения. В эти годы оценка русских в Венгрии была противоречивой, меняясь в зависимости от типа печатного издания. В мирный период, в частности, из-за того, что Советский Союз не пострадал от экономического кризиса, венгерская либеральная пресса восхваляла его, называя русских вождей современными *апостолами* человечества [4, 1]. В то же время в лишенной значительного количества территорий и граждан Венгрии окрепли группы националистической ориентации, которые способствовали углублению русофобии и постепенному приближению к идейным позициям фашистской Германии. В эти годы русский человек в прессе именовался *большевиком* или *рыжим* (*vörös*), на плакатах олицетворял врага.

По окончании Второй мировой войны восприятие русского человека и Советского Союза радикально изменилось. Венгрия попала в зону влияния Советского Союза и политически подстраивалась под него в течение следующих сорока лет. Русский человек представлялся сильным *партнером* или *старшим братом* венгерской нации. Плакаты того времени соответствовали образцам пропагандистских продуктов Советского Союза. Вскоре после окончания Второй мировой войны последовало болезненное для Венгрии событие — революция 1956 г. Впоследствии в венгерском языке активизировалась форма *muszkavezér* и появилась новая негативная форма наименования во множественном числе — *ruszkik*. Революция показала, что без Запада Венгрия не сможет достичь «освобождения», но она сможет расширить круг своих свобод [5, 19–20]. Этот процесс продолжился в 1960–1980-е гг., в связи с чем Венгрия получила титул «самого веселого барака Советского Союза» и «гулящкоммунизма». Ослабление режима ознаменовалось карикатурами, где русский человек представлялся в образе *Ивана*. Крылатая фраза культового венгерского фильма — *Русские уже в кладовке* — означала, что они негласно присутствуют и имеют контроль над событиями [6].

Когда в России наступила перестройка, Венгрия в политическом плане уже была готова к переменам. Из исследований венгерского академика Йено Киш можно заключить, что в начале 1990-х гг. в венгерском обществе не было отрицательного отношения к русским. Большинство респондентов на вопрос «Хотели бы вы общаться с русским человеком?» дали положительный ответ

[7, 140–141]. Неуклюжий солдат *Сергей*, оказавшийся на улицах венгерских городов, вызывал скорее сочувствие у населения, чем опасение, редкие случаи контактов заканчивались доброжелательными разговорами. Однако, как показывают нам политические плакаты и карикатуры этого времени, венгры желали распроситься с советским военным и медведем. Существующие до сегодняшнего дня отрицательные стереотипы, главным образом среди молодежи, — это результат внутривнутриполитической борьбы, начавшейся в годы смены политического строя.

Примечания

1. *Rácz A.* Szláv népképeink jelentéstörténetéhez // Magyar nyelv. 2010. № 4. О. 396–410.
2. *Margalits E.* Magyar közmondások és közmondásszerű szólások. Kókai Lajos, 1864.
3. *Жаковска М.* Медведь на охоте, охота на медведя: Россия в немецкой карикатуре XIX и XX вв. // Полит. лингвистика. 2011. № 35. С. 15–19.
4. *Nemzeti Újság.* 1922. № 8, apr.
5. *Lendvai P.* Az eltékozolt ország. Noran Libro. Budapest, 2011.
6. *A tizedes meg a többiek.* 1965.
7. *Kiss J.* Társadalom és nyelvhasználat. Szociolingvisztikai alapgalmak. Nemzeti Tankönyvkiadó. Budapest, 1995. О. 140–141.

© Н. Е. Сулименко
г. Санкт-Петербург

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ В ЛЕКСИЧЕСКОМ СТРУКТУРИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕКСТА

Стык когнитивистики и синергетики как познавательных моделей устройства универсума и человека как его части обнаруживается в лексической структуре текстов разной жанрово-стилевой направленности. Об этих возможностях писал еще С. Н. Булгаков, используя сравнение саморождения, саморазвития первослов с зарождением ребенка, которому родители «предоставляют свою плоть» [1, 45], уподобляя развитие слова саморазвитию живых систем. Становление же понятий происходит «через пробитые окна первослов» [Там же]. Укорененность в бытии разных

© Сулименко Н. Е., 2011

дискурсивных практик, им порождаемых, позволяет «увидеть, что таинственные *джунгли* бессознательного не так уж *сумрачны и непроходимы*, какими они могут показаться с первого взгляда. Там тоже существует некая структура — *светлые “полянки”*, расположенные как раз напротив соответствующих БИФУРКАЦИЙ — своего рода “*зазеркалье*” по отношению к рациональному миру. Если уподобить область ХАОСА подсознанию, то “*полянки*” будут соответствовать неким познавательным “архетипам”. Эти “архетипы” как бы “управляют” процессом познания, влияя на выбор того или иного направления мысли. У каждого исследователя доминирует свой “архетип”, поэтому он интуитивно тянется к близкой по складу его ума интерпретации познавательной модели. “Познание не есть ряд непротиворечивых теорий, приближающихся к некой идеальной концепции. Оно не является постепенным приближением к истине, а скорее представляет собой увеличивающийся *океан* взаимно несовместимых альтернатив, в котором каждая отдельная теория или миф являются частями одной совокупности, *побуждающими* друг друга к более тщательной разработке” (П. Фейерабенд). Между крайностями тривиальности и непознаваемости расположена промежуточная пограничная область... имеющая ярко выраженный ФРАКТАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР... никогда нет стопроцентной уверенности в том, что найденная нами закономерность достаточно универсальна... в наше время, после открытия глубинной ФРАКТАЛЬНОСТИ МИРА, стало очевидным для всех... в полную меру человеческая свобода может проявиться только в его интеллекте...» [2]. Заглавными буквами в тексте выделены основные синергетические термины, организующие его структуру.

Когнитивно-синергетический способ мышления имеет и свои прагматические следствия, служит основой выводного знания в тексте с опорой на лексикосистемные связи слов. База этого взаимодействия — образная и дискурсивная, определяющая выбор того или иного слова и его значения в зависимости от типа дискурсивной практики. Сам общеэстетический термин «красота», «прекрасное», включающий ее в область космического закона вибраций, связанных с ритмами вселенной, становится синонимичным синергетическому термину «порядок», объясняя его роль в процессах познавательной деятельности человека, в преодолении хаоса, энтропии. «А природа всякой формы — красота,

и критерий всякой формы как формы один — эстетический» [1, 213]. Идея гармонии, порядка соединяется с другой важной для синергетики идеей — идеей малых резонансных воздействий, имеющих большие следствия: «...звучание какой-нибудь одной струны в какой-нибудь одной точке заставляет вибрировать и остальные созвучные струны, придавая тем самым широту диапазона. В этом — природа художественного символа, через который открываются глубины бытия и слышится гармония миров». И далее: «...ибо всякая совершенная форма имеет символическую природу, силу и глубину. Она говорит об ином, не утилитарном, не рабьем, свободном отношении человека к миру, свидетельствует о человечности мира, антропокосмосе, о едином логосе в человеке и в мире. И все в человеке космически целостно, целомудренно осознанно, есть красота всего во всем» [Там же]. Автор пытается примирить разные взгляды на источник и природу бытия: «Принять, что слово как физическое явление, как звук или краска (писанное) пребывает и остается в мире, причем действие его неуничтожимо, это может и должен всякий, кто исповедует “закон” сохранения энергии» [Там же]. Нельзя не вспомнить о лексико-системном следствии этого закона — правиле шести семантических шагов (Ю. Н. Караулов), обнаруживающем единство семантического пространства лексики.

А. Битов рассматривает человека творческого, пишущего также в синергетическом ключе — как диссипативную структуру: «Часто можно услышать упрек в адрес писателя, что, мол, он исписался или что это высосано из пальца. А, по-моему, тот не писатель, который не исписался... Он обязан исписаться, выплеснуть все, что ему дано... После Блока и Набокова оставались пустые столы: последовательные люди, они все сделали. Дано сколько-то свободы, любви, текста, жизни, энергии. Вопрос только — как это потратить. Жизнь — это Дар Божий или хотя бы родительский дар, но долг надо возвращать. Исписаться, изжить. Идеально — это просто раствориться и исчезнуть...» [3, 54]. Существование точки роста, недоадаптированность (К. Лоренц) системы (например, сохранение у взрослого детскости взгляда на мир) выступают условиями ее креативности. Эта мысль доносится А. Битовым через ассоциативно-деривационные сближения слов одного словообразовательного гнезда (вспомним о роли корня слова как зародыша концепта), лексическую многозначность чис-

лительных, выступающую в различиях их сочетаемости как способе объективации стоящего за словами концепта: «Большого диссидентства, чем в текстах, написанных благородными, талантливыми людьми, в советское время просто не могло быть. Это, по-моему, была самая запретная литература. Когда появились какие-то свободы, все нахинулось на *шестидесятников*. Себя я никогда таковым не ощущал и даже придумал формулу: я *шестидесятник* лишь потому, что мне за 60; мои первые дети родились в *шестидесятые*, и Ленинград находится на 60-й параллели — это мое *шестидесятничество*. Наше поколение раздражает тем, что совершенно не умеет понимать возраст. Люди не видят себя такими, какие они есть... **Неадаптированность** к тому, что время *прошло*, и время *пришло*, похожа на какую-то **задержку в росте**» [Там же]. Представление о толерантности и роли в ее объективации интертекстуальных включений отвечает общим духовным исканиям современности — поиску новой синкреты, объединению разных видов знания. Мысли об этом мы находим уже у С. Н. Булгакова: «...человек интегрированный, восстановленный в своей целомудренности, может через языковую оболочку принять внутреннее слово, т. е. победить многоязычность» [1]. Это перекликается с идеей М. Эпштейна о двуязычии как пути к двукультурию, с современными идеями толерантности и глобализации как путях к интеграции, оправдывающими обращение к междисциплинарной синергетической парадигме. Ср.: «Многие открытия европейской науки не могут быть объяснены иначе, как с позиций восточных воззрений об энергетической составляющей всего сущего на Земле и в Космосе... “ненаучные знания” все чаще подтверждаются западным «научным опытом» [4]. Установка на игру также сближает постмодернистский дискурс и синергетику. Не случайно синергетически мыслящий человек определяется как человек играющий, в том числе и со словом, поскольку игра обещает новую реальность, перестройку сложившихся стереотипов. Ср., например, «синергетические» раздумья, имитирующие разговорную сказовость, у В. Пьецуха: «...Или можно **порассуждать** на такую тему: вот и **крестьяне, и горожане, и чиновники, и воры** совершенно **гармонизируются** с нашей национальной традицией, и только **интеллигенция выпадает из слаженного ансамбля. К чему бы это..?** » [5]. Для этого автора (и не только для него) настолько значимы синергетические идеи и понятия, что

соответствующие однокорневые образования повторяются в игровом, шутливо-ироническом контексте, в соседстве со сниженной лексикой: «Водка в России — это не спиртной напиток, а **гармонизатор** личности с внешним миром. Выпил стакан-другой, и уже ты такой же кретин, как все» [6].

Примечания

1. Булгаков С. Н. Философия имени. СПб., 2008.
2. Яржембовский С. Засохшая смоковница // Звезда. 2007. № 10.
3. Битов А. О пустом столе. Из цикла устных эссе // Октябрь. 2005. № 3.
4. Александров Н. Истина грядет с Востока? // Смена. 2002. Авг.
5. Пьецух В. Деревенские дневники // Октябрь. 2001. № 2.
6. Пьецух В. Жизнь замечательных людей. М., 2008.

© В. В. Химик
г. Санкт-Петербург

МОСКОВИЗМЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Московизмы, в понимании В. В. Виноградова, это «общерусизмы», за которыми в соответствии с «принципами и мотивами московской канонизации областной лексики <...> признавалось право на включение в общенациональную словарную сокровищницу» [1, 125].

Московизмами следует считать и одну из топонимических достопримечательностей Москвы — известные конденсаты [2] на -ка: *Варварка, Дмитровка, Лубянка, Ордынка, Остоженка, Полянка, Пречистенка, Рождественка, Серпуховка, Таганка, Тишинка, Ходынка, Якиманка* и др. Все они образованы по типовой морфолого-синтаксической модели универбации [3, 4], например: *Таганка* от *Таганская площадь*, с усечением основы прилагательного, наращением суффикса существительного -к- и флексии женского рода.

Большинство универбатов-топонимов сохраняют синонимическую связь с производящими атрибутивными словосочетаниями: *Лубянка* — *Лубянская площадь*; *Пречистенка* — *Пречистенская улица*; *Рождественка* — *Рождественский бульвар*; *Ходынка* — *Ходынское поле*; *Якиманка* — *Якиманская набережная* и т. п. Однако

это синхронные оппозиции и связи, которые в историческом ракурсе оказываются более сложными и опосредованными.

В историко-культурном плане типовые понятийные источники топонимов-универбатов представляли три основных варианта исходного топоса: слобода/поселение (*Таганка, Дмитровка*); путь/дорога (*Ордынка, Серпуховка, Полянка*); церковь/монастырь/икона (*Рождественка, Пречистенка, Варварка*). При этом три локальных варианта нередко сходились в одном: путь-дорога к определенной цели, вокруг которой образовывалась слобода (как, например, *Ордынка, Серпуховка* или *Дмитровка*).

Производные универбаты-названия локусов Москвы вполне соответствуют русской топонимической традиции — названиям населенных пунктов (сел) на *-ка*, широко распространенных в России, привычных и понятных для русского слуха (ср.: *Дмитровка, Березовка, Никитовка, Шепетовка, Виновка, Подлиповка...*). С учетом всех приведенных обстоятельств рассмотренные универбаты-топонимы следует считать *первичными*.

Популярность первичных московских топонимов-универбатов и регулярный характер их образования стали причиной активизации рассматриваемой модели и постепенного формирования *вторичных* дериватов, которые продолжили традицию образования местных названий на *-ка*. В отличие от первичных, вторичные топонимические универбаты возникают исключительно как неофициальные разговорные варианты исходных, производящих топонимов официального статуса, т. е. сосуществуют вместе с ними и этим часто сбивают с толку неискушенного гостя Москвы. Так, есть официально-нейтральное *Варшавское шоссе* и параллельно разговорно-фамильярное *Варшавка*. Аналогично: *проспект им. Вернадского* — *Вернадка*, *Волгоградский проспект* — *Волгоградка*, *Волоколамское шоссе* — *Волоколамка*, *Каширское шоссе* — *Каширка*, *Люсиновская улица* — *Люсиновка*, *Рублевское шоссе* — *Рублевка*. Другая принципиальная особенность вторичных топонимических универбатов — распространение модели словообразования едва ли не на любые целевые объекты современного города, например: *Бабаевка* (Бабаевская кондитерская фабрика), *Бакулевка* (Бакулевский институт сердечно-сосудистой хирургии), *Гнесинка* (Гнесинская музыкальная академия), *Историчка* (Историческая библиотека), *Олимпийка* (Олимпийский спортивный центр), *Пушкинка* («Пушкинский музей», или музей им. А. С. Пушкина) и т. д.

Вторичные универбаты-московизмы активно распространяются за пределами Москвы: словообразовательный прием сокращения и фамильяризации официальных городских названий стал необыкновенно популярным. Но не сразу и не везде. Первичные универбаты-топонимы, московизмы, в Санкт-Петербурге почти отсутствуют. При двух исключениях.

Первое из них *Лиговка* — старый петербургский топоним, известный с начала XIX в. Казалось бы, его появление можно связать с производящими топонимическими словосочетаниями XVIII–XX столетий: *Лиговская* улица, *Лиговский* бульвар, *Лиговский* канал, *Лиговский* проспект. Однако городским артефактам предшествовали сельские и природные: в этом южном направлении протекала речка *Лига*, или *Лиговка*, на которой стояло село Лигово.

Другой старый разговорный топоним Санкт-Петербурга, тяготеющий к рассматриваемым московизмам, лишь частично соотносится со словообразовательной моделью универбации, зато всей своей историей обращен к Москве. Это полузабытые *Семенцы* — городские кварталы между Загородным проспектом и Обводным каналом, в которых до революции был расквартирован Семеновский лейб-гвардии полк и которые были известны как *Семеновская солдатская слобода*. До 1723 г. полк дислоцировался в Москве, в селе Семеновском, откуда и номинация. Слово-конденсат могло быть образовано под влиянием существительного *семеновцы*, а также, вероятно, не без воздействия известного и в других районах России сельского топонима *Семенцы* и при возможной ассоциативной связи с созвучными антропонимами: *Семенец*, *Семенцов* и т.п.

Двумя этими образованиями и исчерпывается ряд первичных городских топонимов, которые можно было бы условно отнести к московизмам-конденсатам. Но и вторичные локальные номинации по модели универбатов в петербургском речевом обороте почти не появлялись, во всяком случае до начала XX в. Почему?

— Причины *лингвистические*. Во-первых, в Петербурге не было естественной словообразовательной среды, поддержки для формирования разговорных универбатов-топонимов, не было исторических образцов типа *Таганка*, *Дмитровка* и т. п., какие были и остаются в Москве. Во-вторых, среди названий большинства популярных городских топонимов (проспектов, площадей) было совсем немного таких, которые по своей морфологической и/или семантической структуре были бы предрасположены к универбации, ср.:

Невский проспект — **Невка?* Каменноостровский проспект — **Каменноостровка?* Но даже те названия, которые формальную универбацию допускали (ср.: **Литейка*, **Владимирка*, **Гороховка*), в имперской столице прошлых столетий не появились.

— Причины *культурно-исторические*. Санкт-Петербург XVIII–XIX вв. — город столичный, регулярный, во многом искусственный и, в отличие от естественной Москвы, город строгих регламентаций, противодействующий всяким вольностям, включая речевую фамильярность в официальных обозначениях. Санкт-Петербург — город, в котором проживало много иностранцев, что также не могло не отражаться и на языковых процессах.

Однако вторичные универбаты-москвовизмы в Петербурге все-таки постепенно появились. Едва ли не первый и самый показательный: *Александринка* — разговорный синоним официального названия «Александринский драматический театр». Однако в этом универбате середины XIX в. воплотилось не столько позитивное дружеское расположение театралов, как может показаться нынешнему горожанину, сколько фамильярное пренебрежение к месту невзыскательного вкуса того времени, о чем свидетельствуют современники [5, 6].

В XX столетии вместе с распространением массовой речевой культуры вторичные москвовизмы-универбаты в петербургской, ленинградской и затем снова петербургской живой речи постепенно становились все более заметными и активными: сначала названия разного рода учреждений (*Петропавловка*, *Мариинка*, *Техноложка*), а затем и городских локусов (*Петроградка*, *Пискаревка*, *Гражданка*). Мотивацией образования фамильярно-разговорных вариантов официальных названий обычно служила и продолжает служить популярность объекта. Ведущую роль в процессе фамильяризации топонимов играет речь молодых горожан, причем вне прямой зависимости от их социального и образовательного статуса: от вариантов названия научной библиотеки (например: *Публичка*, *Щедринка*) до популярного москвовизма ленинградских фарцовщиков 1970-х гг. (Гостинный двор — *Гостинка*).

На рубеже XX–XXI столетий процесс распространения универбатов-москвовизмов резко активизировался, массовые развлекательные мероприятия на Дворцовой площади отозвались фамильярно-панибратским словом *Дворцовка*. Процесс коллоквиального упрощения городских топонимов ускорился и стал необратимым: *Фрунзенка*, *Вагановка*, *Мухинка*... А вслед за ними стали

популяризоваться и ассоциативно-смысловые модификации фамильно-сниженных топонимов: *Муха, Крупа, Васька, Катька* и т. п., которые перекликаются с аналогичными московскими: *Горбушка, Лужа, Плешка, Птичка, Пушка, Щепка, Щука, Труба* и т. п.

Важнейшее условие и следствие транслирования атрибутивных топонимов в разговорные универбаты — высокий уровень популяризации объекта, места или учреждения, известность в СМИ. Москвизмы продолжают множиться не только за пределами Москвы, но и в самой Москве. Новейшие образования в столице: *Манежка* и *Триумфалка* — языковые отголоски массовых акций и их отражения в СМИ. Активность топонимической модификации не знает границ, и вот уже наши сограждане освоили *Лазурку* — Лазурный берег — знаменитый и популярный у россиян курорт на юго-восточном берегу Средиземного моря.

Примечания

1. *Виноградов В. В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // Виноградов В. В. Избр. тр.: История рус. лит. яз. М., 1978. С. 65–151.
2. *Исаченко А. В.* К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // *Slavia*. 1958. № 3. С. 334–352.
3. *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие. М., 1973.
4. *Лопатин В. В.* Суффиксальная универбация // Русский язык : энцикл. М., 1997. С. 548–549.
5. *Писемский А. Ф.* Тысяча душ // Писемский А. Ф. Собр. соч. : в 9 т. М., 1959. Т. 3.
6. *Боборыкин П. Д.* За полвека : воспоминания. М., 2003.

© А. П. Чудинов
г. Екатеринбург

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики метафорическое моделирование — это отражающее национальное самосознание средство постижения, категоризации,

концептуализации и оценки действительности в народной ментальности. Поэтому исследование базисных метафор — это своего рода ключ к выявлению особенностей национального сознания на определенном этапе развития общества. Соответственно наблюдение над динамикой базисных метафор, сопоставление закономерностей образного представления действительности позволяют выделить наиболее существенные общие и особенные признаки в национальном сознании различных народов с учетом специфики исторического развития соответствующего общества.

Каждая историческая эпоха приносит новую систему концептуальных политических метафор. Периоды «метафорических бурь» сменяются «метафорическими затишьями», после которых начинается извержение новых «метафорических вулканов». В рамках каждой эпохи выделяются свои доминантные метафорические модели. Так, эпоха Б. Н. Ельцина в значительной мере определялась метафорическими бурями: в те годы особенно активизировались милитарная, криминальная и театральная метафорические модели. В соответствии с последней на политической сцене по заранее подготовленным сценариям и под руководством опытных режиссеров разыгрывались комедии, трагедии и фарсы, в которых играли свои роли актеры (иногда по подсказкам сфлелеров). Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предназначения.

Вместе с тем необходимо отметить, что в политической жизни последнего десятилетия XX в. наряду с отмеченным выше метафорическим вектором имитации реальности важную роль играет метафорический вектор опасности и агрессивности. А этот вектор реализуется в совсем иных метафорических моделях. По нашим наблюдениям, к числу доминантных метафорических моделей, характерных для конца прошлого столетия, следует отнести прежде всего концептуальные метафоры с исходными понятиями сферами «криминал», «война», «болезнь», «мир животных». Все это отражает типовые социальные представления о жестокости новой эпохи, где человек человеку уже не «друг, товарищ и брат», а волк, враг, менеджер, пахан, путана, источник инфекции или конкурент.

Заканчивая монографию, посвященную политическим метафорам эпохи Б. Н. Ельцина, я писал в 2000 г., что в рассматриваемый период «получили развитие метафорические модели (и их отдельные фреймы, слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества (война, криминал, спорт и др.), отклонения от естественного порядка вещей (болезнь, криминал, сексуальные извращения и др.). Показательно, что подобные же прагматические смыслы оказались наиболее востребованными и у других моделей; это, в частности, характерно для современной зооморфной метафоры, а также для традиционно «неагрессивных» метафор «дома», «пути» и «мира растений». Еще одна группа сильных концептуальных векторов современной российской политической метафоры — это неправдоподобие происходящего, неискренность политиков, излишняя карнавальность находящихся в центре общественного внимания событий, несамостоятельность публичных политиков, наличие каких-то тайных «сценаристов», «режиссеров» и «тренеров» в политической жизни страны (театральная, игровая и спортивная метафоры)» [1, 225].

Далее отмечалось, что «начинается новая эпоха, и страна ждет совершенно новых концептуальных метафор», и выражалась надежда на то, что «уже в ближайшем будущем будут созданы необходимые средства для взвешенного описания социальной реальности, что политические гиперболы окончательно выйдут из моды». Было высказано предположение, что «в новой метафоре будет меньше образов, проникнутых концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, неискренности и двоямыслия», а «с изменением системы концептуальных метафор наши граждане перестанут ощущать себя пешками, винтиками, лохами, солдатами, подопытными кроликами, актерами, пассажирами тонущего корабля или захваченного террористами самолета» [Там же]. С тех пор как был сделан этот вывод, прошло почти десять лет, и пришло время проанализировать, насколько изменились за эти годы российские политические метафоры и насколько оправдались высказанные предположения.

В современной политической метафорологии обнаруживаются несколько закономерностей, которые по причине их регулярной повторяемости в самых различных политических дискурсах и общепризнанности можно представить как своего рода аксио-

мы, которые уже не нуждаются в каких-то доказательствах и определяют методологию соответствующего научного направления.

1. Национальная система политических метафор постоянно развивается в условиях диалектического взаимодействия тенденции к обновлению метафорического арсенала и тенденции к его традиционности. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

2. Национальная система политических метафор характеризуется, с одной стороны, тенденцией к сохранению своей культурной самобытности, а с другой — тенденцией к взаимодействию с системами политических метафор, характерными для иных государств. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

3. Динамика развития национальной системы политических метафор неравномерна: периоды интенсивного развития (метафорические бури) сменяются периодами относительной стабильности (метафорического затишья, метафорического штиля).

4. Метафорические бури обычно совпадают по времени с периодами политических потрясений (и даже знаменуют собой будущие политические преобразования), а метафорическое затишье обычно характерно для периодов политической стабильности.

5. Сферы-мишени политической метафоры более динамичны, чем ее сферы-источники. Политические реалии, привлекающие повышенное внимание общества, быстро становятся центрами метафорического притяжения: постоянно возникают новые и новые метафоры для их обозначения.

6. Метафорические бури характеризуются не столько появлением новых метафорических моделей, сколько активизацией уже существующих, т. е. вовлечением все новых и новых концептов, детальным развертыванием метафорических моделей, созданием ярких и свежих метафорических образов. Метафоры в такие периоды часто становятся предметом обсуждения политиков и широкой общественности, используются в качестве аргументов в полемике.

7. Метафорическое затишье характеризуется традиционностью используемых метафор, которые становятся привычными, «стертыми», вызывают меньше эмоций. Это ведет к сокращению

частотности использования соответствующих моделей и почти полному прекращению употребления отдельных метафор.

8. Максимальную метафорическую активность при обсуждении политической жизни проявляют крайне левая и крайне правая оппозиции, тогда как центристы и политики, принадлежащие к правящим партиям, как правило, избегают чрезмерной метафорической агрессивности.

9. Метафорическое затишье обычно начинается в коммуникации правящей партии, а метафорические бури — в выступлениях радикальной непарламентской оппозиции. Переход от метафорической бури к метафорическому затишью — это продолжительный процесс: невозможно мгновенное изменение политико-метафорической «погоды».

10. Метафорическое затишье редко бывает полным «штилем»: развитие общества предопределяет появление новых метафор, но крайне сложно определить, какие из этих метафор найдут широкий отклик (вызовут метафорическую бурю) и когда это произойдет.

Наши наблюдения над закономерностями метафорического моделирования в российском политическом дискурсе начала XXI в. позволили выделить в динамике политической метафоры две стадии. На первой из них (2000–2003) во многом сохранялись тенденции, характерные для предшествующего десятилетия, когда ведущую роль играли метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом (ведущие сферы-источники — война, криминал, мир животных) и векторами неискренности и нереальности (театр, отчасти — спорт). Особенно это было характерно для дискурса оппозиции. Однако эти метафоры все чаще воспринимались как стандартные, стершиеся, устаревшие, а поэтому не производили на избирателей прежнего впечатления.

На второй стадии (2004–2010) все более активными становятся традиционные для русского национального сознания природоморфные метафоры. Увеличилось количество антропоморфной метафорики, привносящей в осмысление современной российской действительности естественную перспективу развития. На смену милитарным метафорам все чаще приходят спортивные образы, которые отличаются меньшей агрессивностью, что свидетельствует о стремлении общества заменить все опустошающую войну на стабильность и здоровое соперничество. Все реже и реже стали использоваться криминальные метафоры, которые высту-

пали как доминантные в период «бандитского» капитализма. Все меньше появляется по-настоящему свежих метафор, все реже эти метафоры становятся предметом политических дискуссий. На данной стадии значительно сокращается некритическое заимствование метафор из зарубежной прессы.

Вместе с тем среди относительно новых метафорических образов следует выделить активизацию колористических метафор («цветные» революции) и особенно все более многообразное развертывание традиционного для национального сознания образа медведя как символа России и правящей в ней партии. Все активнее в российской политической коммуникации отражается стремление к национальной и культурной преемственности и самобытности.

Судя по всему, российская национальная система политических метафор переходит к этапу стабилизации и возвращения к национальным традициям. Метафорическая буря сменилась метафорическим затишьем. В соответствии с общей закономерностью политическая стабильность находит отражение в сфере политических метафор.

Как известно, тиражирование метафор, ярко воспринимаемых в прошлую эпоху, и минимальное количество новых образов — это типичные признаки метафорического затишья, которое всегда сопровождает периоды политической стабильности. Об этом же говорит снижение агрессивности метафорического словоупотребления. Политическая коммуникация становится все более скучной и уже не вызывает прежнего интереса. Современные метафоры способны привести людей на избирательные участки, но уже не в состоянии вывести их на митинги и демонстрации, поднять на штурм Белого дома или телестудии.

Разумеется, ни лингвисты, ни кто-либо иной не могут повлиять на активность рассмотренных или каких-либо иных метафорических моделей, а также способствовать активизации метафорической бури или наступлению метафорического затишья. Метафорический образ отражает бессознательное мировосприятие социума, формирующееся под влиянием национальных традиций и духа времени. Но языковеды обязаны зафиксировать существующую в национальном сознании на определенном этапе развития общества систему базисных метафор и попытаться сделать выводы об истоках и перспективах той или иной модели, а также

рассмотреть факторы, способствующие активизации метафорических бурь или служащие признаками их затухания. Начавшееся метафорическое затишье — это еще одно свидетельство наступления в России периода политической стабильности.

Примечание

1. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. Екатеринбург, 2001.

© А. Д. Шмелев
г. Москва

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И КАРТИНА МИРА ТЕКСТА: ТОЧКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В докладе формулируются общие принципы подхода Новомосковской школы концептуального анализа к моделированию языковой картины мира (далее — ЯКМ), описываются механизмы, объясняющие, каким образом получается, что система взглядов и предписаний, составляющая ЯКМ, в той или иной степени разделяется всеми носителями языка. Представления, формирующие ЯКМ, составляют семантические «презумпции», так что участники коммуникации на данном языке обычно принимают их на веру, не задумываясь. Напротив того, смысловые компоненты, которые составляют ядро значения слов и выражений и попадают в фокус внимания говорящих, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка и поэтому не входят в языковую картину мира, общую для всех говорящих на данном языке.

Истинность презумпций, формирующих ЯКМ, чаще всего воспринимается носителями языка как нечто само собою разумеющееся, пока кто-то не поставит ее под сомнение, обратив внимание на скрытые компоненты значения и поместив в фокус внимания. Это происходит, в частности, в процессе лингвистического анализа, когда скрытые компоненты значения подвергаются экспликации; но это возможно и в повседневной речевой деятельности в рамках метаязыковой рефлексии. Кроме того, носитель языка

может вообще отказаться от употребления какой-то языковой единицы или же сознательно модифицировать значение и употреблять ее, мысленно устранив неявные элементы смысла, если они соответствуют представлениям о мире, которые он не разделяет. В случаях такого рода имеет место особый сдвинутый режим употребления языковой единицы.

Можно также говорить о картине мира некоторого текста. Под картиной мира некоторого текста понимается набор презумпций, заключенных в данном тексте. Этот набор включает в себя как презумпции, заключенные в значении языковых единиц, использованных в тексте (т. е. относящиеся к ЯКМ), так и презумпции, которые обнаруживаются в тексте, но не могут быть приписаны какой-то отдельно взятой единице; они представляют собой результат взаимодействия семантики сочетающихся единиц.

Картина мира некоторого текста или группы текстов может в каких-то деталях противоречить общезыковой картине мира. Если мы обратимся к «петербургскому тексту» русской литературы, то можем видеть, что восприятие больших пространств в нем, как и в русской языковой картине мира в целом, амбивалентно, причем это касается как природных, так и культурных объектов. С одной стороны, большие пространства, *простирающиеся* во все стороны, дают ощущение свободы; с другой стороны, большие пространства могут ассоциироваться с *вьюгой, метелью*, холодом и опасностями. Но в отношении небольших закрытых помещений «петербургский текст» дает картину, несколько отличающуюся от русской общезыковой картины мира. *Уют* в нем отсутствует; узкие пространства ассоциируются с *душной* атмосферой и могут служить источником экзистенциального страха.

Возвращаясь к понятию ЯКМ, следует отметить, что язык сам по себе неоднороден: разные сферы его использования обслуживаются разными подязыками, каждый из которых обладает своим набором языковых единиц (хотя, поскольку речь идет о разновидностях одного и того же языка, эти наборы в большой степени пересекаются). Ясно, например, что язык церковной проповеди и язык советской газеты существенно отличаются набором используемых языковых единиц и скрывающихся за ними концептуальных конфигураций; тем самым различаются и соответствующие языковые картины мира. Можно сказать, что ЯКМ

некоторого подъязыка представляет собой инвариант картин мира текстов на данном подъязыке.

Говоря о различии картин мира разных подъязыков, особенно важно отметить отличие наивной и научной ЯКМ: первая реконструируется на основе наблюдений над использованием языка в повседневном общении, тогда как вторая отражена в научных текстах соответствующей специальности. Как наивная, так и научная картина мира могут быть реконструированы на основе лингвистического анализа. Если использование языка в повседневной речи отражает наивную ЯКМ, то научные тексты опираются на научную картину мира, которая представляется «само собою разумеющейся» адресатам этих текстов.

Отличие наивной ЯКМ и научной ЯКМ связано с тем, что первая в норме реконструируется исключительно на основе наблюдений над использованием языковых единиц в повседневной речи, тогда как овладение научной картиной мира часто предполагает сознательное усилие. Экспликации научных представлений о мире — разумеется, в рамках некоторой данной науки — посвящены бесчисленные сочинения, выполненные в жанре «введения в науку». Эти сочинения не могут претендовать на то, чтобы быть написанными на подлинном научном языке: там подробно излагаются сведения, которые специалистам — носителям научной картины мира — и так прекрасно известны. Однако сообщение их не будет бессмысленным или бесполезным, поскольку владение соответствующими сведениями не является общим достоянием всех носителей языка, оно представляет собой необходимую предпосылку умения пользоваться языком соответствующей науки.

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

© Н. А. Ахманаева

г. Екатеринбург

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, НАЗЫВАЮЩИХ РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ, В ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Исследователи предлагают различные схемы структуры семантического поля речевых действий. Так, Л. М. Васильев, классификация которого основана на известной модели коммуникативного акта Р. О. Якобсона, рассматривает речевое действие с шести точек зрения: с внешней стороны (произнесение, издавание звуков, письмо, чтение, именование), со стороны содержания (высказывание, болтовня, шутка, острословие, обман, философствование), с коммуникативной стороны (сообщение, обещание, совет, объяснение, доказательство), речевого взаимодействия и контакта (разговор, договор, спор, вопрос, ответ, согласие и т. д.), побуждения (приказание, поручение, запрещение и т. д.), выражения эмоционального отношения и оценки. Р. Бах и Р. М. Харниш, опираясь на теорию речевых актов, делят речевые действия на локуционные (фонетические, фатические, ретические), иллокуционные (констативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, эффе́ктивы, вердиктивы), перлокуционные и коллатеральные (открытые, скрытые, нейтральные). В тезаурусе Роже представлена классификация, не связанная ни с каким лингвистическим учением о речевом (коммуникативном) действии. Речевое действие в самом общем виде здесь разделено на три группы: относящееся к сфере интеллекта; относящееся к сфере воли (волеизъявления); относящееся к сфере чувств (подробнее об этом см. [1]).

Авторы-составители «Словаря-тезауруса русских прилагательных» в разделе «Язык и речь» распределяют имена прилагательные по следующим группам: языковые единицы, языковые категории, уровни языка, текст, знак, а также характеристики речи человека (характерные особенности произношения, выговора, манеры речи и характерные особенности изложения, текста, стиля), речевое сообщение, речевое общение, речевое воздействие, характеристика человека по особенностям речи. По количеству пространственных метафорических номинаций лидирует лексико-семантическая группа со значением характерных особенностей изложения, текста, стиля (45 ЛСВ): *компактный, закругленный, долгий, растянутый, тяжеловесный, тяжелый*. Менее важными оказываются группы прилагательных со значением речевого общения (всего одно ЛСВ — *перекрестный*) и речевого воздействия (*колючий, колкий, разгромный*). Примечательно, что в лексико-семантической группе со значением характеристики человека по особенностям речи вообще отсутствуют ЛСВ, значение которых сформировалось благодаря пространственной метафоре.

В «Большом толковом словаре русских глаголов» под ред. Л. Г. Бабенко (далее — ТИСРГ) [2] глаголы, характеризующие речевую деятельность и называющие качества речи, представлены в пяти лексико-семантических группах: глаголы характеризованной речевой деятельности; глаголы речевого сообщения; глаголы речевого общения; глаголы обращения и глаголы речевого воздействия. Среди данных групп по количеству лексических лидируют глаголы со значением характеризованной речи (25 ЛСВ: *выталкивать, долбить, запинаться, ломать, сыпать* и т. д.), передачи сообщения (15 ЛСВ: *ввертывать, вылетать, обронить, передавать, разносить* и т. д.), а также речевого воздействия (17 ЛСВ: *клонить, колоть, нападать, обрывать, приводить* и т. д.), Меньшее количество ЛСВ приходится на группы со значением речевого общения и обращения (всего 8 и 4 ЛСВ соответственно).

В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» [3] фразеологизмы, называющие речевую деятельность и качества речи, представлены в пяти группах: язык, речь, письмо; тайна, секрет, скрытность; клевета, сплетни, злословие; звук, голос; тихо-громко; речевые акты (благодарность, просьба, предложение, обещание, приветствие, прощание, проклятие и т. д.).

Опираясь на принятую нами классификацию (разработанную авторами ТИСРГ), можно установить, что и в группе фразеологизмов, называющих речевые действия и различные качества речи, наиболее активными оказываются две лексико-семантические группы: характерные особенности выговора, произношения, манеры речи (около 40 фразеологизмов: *разводить антимонии, плетение словес, наплести с три короба, длинный язык* и т. д.) и речевое сообщение (60 фразеологизмов: *болтать языком, перебросить словечко, распустить язык* и т. д.).

Исходя из количественного распределения лексических и фразеологических единиц по данным группам, можно предположить, что в ситуации речевой деятельности более важными, и поэтому требующими дополнительной метафрорической номинации, оказываются фрагменты характеризованной речи, характерные особенности изложения, текста, стиля, а более абстрактными — группы глаголов со значением речевого общения и обращения

Примечания

1. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учебник. М., 2000.
2. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты, синонимы, антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999
3. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М., 2007.

© Э. В. Будаев

г. Нижний Тагил

МЕТАФОРИКА БОЛЕЗНИ КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В современной лингвистике отмечается повышенный интерес ученых к анализу политического дискурса, с одной стороны, и когнитивных метафор — с другой. Интерес этот настолько велик, а количество публикаций столь многочисленно, что исследователи все чаще выделяют политическую метафорологию в отдельную область лингвистических изысканий. Вместе с тем подавляющее большинство публикаций в этой области ориентировано на

синхроническое изучение политических метафор [1]. В связи с этим недостаточно изученными остаются диахронические аспекты функционирования политической метафорики, в том числе вопрос о динамике метафорических моделей.

На наш взгляд, большой гносеологический потенциал для изучения динамики политической метафорики содержит метод фрагментации дискурса, суть которого заключается в разделении анализируемого периода времени на определенные сегменты, параметры которых планируется сопоставлять.

Фрагментация дискурса бывает фокусной и равномерной. При фокусной фрагментации исследователь сравнивает особенности дискурса, хронологически предшествующего определенному политическому событию, а затем сопоставляет эти данные с данными, полученными при анализе дискурса, актуализированного после рассматриваемого события. При равномерной фрагментации временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации. Шаг фрагментации может быть различным. Он может быть равен году, месяцу, неделе и другим периодам времени. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о темпоральных изменениях метафорики. Особенно любопытны сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации (комбинированная фрагментация).

Рассмотрим гносеологический потенциал метода комбинированной фрагментации на примере анализа российской морбиальной политической метафорики периода президентства В. В. Путина. Для этого применим разный шаг фрагментации (шф) к одному и тому же текстовому материалу, а затем сопоставим результаты исследований.

В качестве материала исследования послужил электронный корпус российской прессы, включающий в себя тексты статей из 314 периодических изданий за 8 лет. Единицей корпусного анализа является газетная статья, тематика которой связана с политической, экономической и общественной жизнью современной России. Нижняя граница выборки датируется 01.01.2000 г., верхняя — 31.12.2007 г. (данные границы приблизительно совпадают с периодом президентства В. В. Путина).

Для исследования с шагом фрагментации, равным одному году, использовался корпус текстов, разделенный на восемь групп

в соответствии с годом публикации. (по 8 400 текстов в группе). В результате выборка составила 67 200 текстов. В данных текстах на основе сплошной выборки фиксировались метафорические контексты, объединяемые сферой-источником «Болезнь», которая традиционно относится к одной из наиболее «чувствительных» к дискурсивным условиям сфер-источников. При подсчетах не учитывалась та незначительная группа морбиальных метафор, которая актуализирует мелиоративные смыслы. Полученные для каждого сегмента показатели сопоставлялись между собой.

Как показали результаты анализа, уровень морбиальной метафорики планомерно снижается от 2000 г. к 2006 г., а в 2007 г. отмечается незначительный рост (по сравнению с 2006 г.). Эти данные коррелируют с представлениями граждан России об улучшении социально-экономической ситуации, наблюдаемом в годы президентства В. В. Путина. Если в 90-е гг. метафорическая модель «Современная Россия — это больной организм» относилась к доминантным метафорическим моделям, то в начале XXI в. наблюдается значительное ослабление концептуальных векторов нежелательного развития ситуации.

На втором этапе исследования проводилась равномерная фрагментация политического дискурса с шагом, равным сезону (трем месяцам). При таком шаге фрагментации обнаруживается другая закономерность. Колебание уровня метафор болезни имеет циклический характер, при этом нижняя точка амплитуды колебаний приходится на летние месяцы, а верхняя точка колебаний в зависимости от года — на зимние, весенние или осенние периоды.

Подобное распределение может быть связано с традиционными для России представлениями о холодном времени года как о периоде болезней, ослабления организма, в то время как лето обычно ассоциируется с восполнением жизненных сил и здоровья. Эти представления восходят к целому ряду факторов, связанных с особенностями экстралингвистических реалий медицинского и климатического характера, и сознательно или бессознательно проявляются в метафорике политического дискурса.

С помощью комбинированной методики равномерной фрагментации удалось проследить динамические закономерности корреляции метафор болезни и ряда экстралингвистических факторов. Анализ показал, что частотность метафор из сферы-источника «Болезнь» находится в зависимости, с одной стороны, от тенденции

развития политической и социально-экономической ситуации, с другой — от геоклиматических условий проживания определенного лингвокультурного сообщества.

Примечание

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.

© Т. М. Воронина
г. Екатеринбург

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СФЕРЫ «ОБРАЗОВАНИЕ» В СЛОВАРЕ И СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Способ представления того или иного фрагмента действительности в словарях определяется как типом и задачами словаря, так и особенностями самого материала (и отображаемого фрагмента действительности, и слов — его репрезентантов). При рассмотрении лексики как совокупности частных систем и подсистем единиц соответствующим способом лексикографирования оказывается идеографический словарь. Исходя из анализа семантики слов, принадлежащих к определенному классу, можно выявить основные составляющие и существенные признаки и характеристики (преимущественно объективные) определенного класса объектов. Анализ же фразового материала позволяет увидеть многие субъективные смыслы: в публицистическом тексте в контекстном окружении слов той или иной группы отражаются актуальные смыслы, обусловленные общественными и культурными изменениями.

Рассмотрим особенности представления сферы «Образование» в словарях, созданных проблемной группой «Русский глагол», работающей под руководством проф. Л. Г. Бабенко.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», № 2.1.3./14060.

В «Толковом идеографическом словаре русских глаголов» [1] главным критерием выделения классов единиц является собственно семантический — категориально-лексическая семантика слов. Поэтому глаголы, репрезентирующие процессы в сфере образования, мы находим в разных ЛСГ: глаголы познания (*знакомиться, изучать, осваивать*), проверки (*сдавать, экзаменовать*), речевого сообщения (*преподавать*), профессионально-трудовой деятельности (*учительствовать*), передачи объекта, создания объекта в результате интеллектуального труда и др. Компонентами значения, относящими их к сфере «Образование», являются дифференциальные семы, ср.: изучать 'узнавать что-л. в процессе *обучения*, приобретая глубокие *знания* в чем-л.'. В «Большом толковом словаре русских существительных» «при выделении классов существительных учитывались как структура их лексического значения, так и тип отображаемой ими общей ситуации или компонента ситуации — денотата существительного» [2, 16]. В этом словаре образование рассматривается как отдельная денотативная сфера; при этом базовые имена, выделяемые для каждой ЛСГ, являются обобщенными наименованиями зафиксированных в языке структурных элементов данной сферы: учебное заведение/учреждение/подразделение (*академия, вуз, гимназия, интернат, кафедра*), человек/группа людей (*абитуриент, аспирант, выпускник, поток, профессор*), форма обучения (*аудирование, диктант, экстернат*), средство обучения (*азбука, глобус, учебник*), учебный предмет (*дисциплина, курс, предмет*), промежуток времени <отводимый на какой-л. вид деятельности в учебном процессе> (*год, каникулы, семестр, сессия, урок*), отметка (*балл, двойка, зачет*), результат образования (*навык, успеваемость, образование*), документ (*аттестат, диплом, зачетка*). В «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи», где «верхний уровень иерархии... составляют денотативные сферы, которые отображают основные фрагменты действительности» [3, 18] идеографический класс «Наука и образование» входит в денотативную сферу «Социальная деятельность». Очевидна также пересекаемость сферы «Образование» со сферой «Интеллект», ср. отражение этой пересекаемости на уровне выделения приядерных когнитивных признаков концептов данных сфер в лингвокультурологическом словаре концептов [4]: «*Знания* связаны с *образованностью* человека, их человек получает, *специально обучаясь*» (концепт «Знания»); «*Образованность* — прежде

всего *интеллектуальное* качество человека: наличие в его памяти, опыте каких-либо знаний, данных, познаний, сведений относительно кого-, чего-либо и умение ими пользоваться в научной или практической деятельности» (концепт «Образованный»).

В современном публицистическом тексте (по данным газетного корпуса Национального корпуса русского языка [5]) актуализируются следующие параметры и связи сферы «Образование». Частотными оказались контексты, репрезентирующие связь сферы «Образование» со сферами «Экономика» и «Политика»: образование выступает как социальный институт, объект реформирования и финансирования: *«Уже в ближайшие годы необходимо обеспечить переход к образованию по стандартам нового поколения, отвечающим требованиям современной инновационной экономики»*, — сказал глава российского государства [РИА Новости, 2008]; *Развитие образования — один из четырех приоритетных национальных проектов, реализация которых начинается с 1 января 2006 года* [Труд-7, 2005]. В этих же контекстах часто наблюдается выражение субъективно-оценочного отношения к ситуации в данной сфере, преимущественно отрицательного. Например: *Само по себе повышение окладов бюджетных работников — это неплохо, но что даст эта мера без параллельного проведения реформ в сфере образования и здравоохранения — это еще вопрос* [РБК Daily, 2005]; *Если высшее образование — это так называемые экономисты, получившие диплом в техническом вузе второй руки, то совершенно не факт, что оно пригодно* [РИА Новости, 2008]. Актуализируются такие признаки ситуации образования, как способы его получения (платное/бесплатное, дистанционное, с помощью интернет-ресурсов), его качество, связь с практической деятельностью, роль в жизни современного человека; также в сочетании с выражением оценки: *Как известно, учиться в вузе хочется многим, а вот платить за обучение могут далеко не все* [Труд-7, 2005]; *Уже не говоря о том, что качество медицины и образования зачастую оказывается на таком уровне, когда они становятся не нужны даже в бесплатном виде* [Известия, 2005]; *А интернет-канал дает таким людям неограниченный доступ к знаниям, информации* [Труд-7, 2005]; *Просвещение по компьютеру обычно заканчивается копированием школьных сочинений, рефератов, решений задач и ответов на вопросы контрольных* [РИА Новости, 2005]; *Современная экономика строится на знаниях, и*

горе той стране, которая начнет беспечно относиться к своему интеллектуальному капиталу [Труд-7, 2005]. Таким образом, актуализируются или наводятся контекстным окружением те смыслы, которые являются значимыми для современного общества; а также выявляются связи сферы «Образование» с единицами других семантических сфер.

Примечания

1. Толковый идеографический словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 1999.

2. Бабенко Л. Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005.

3. Бабенко Л. Г. Структура и лексикографические параметры словаря // Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

4. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : проспект словаря / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010.

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

© Т. А. Гридина
г. Екатеринбург

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ КОД ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМА СЧИТЫВАЕМОСТИ

Рекламный дискурс — одна из сфер речевой коммуникации, со всей очевидностью обнажающая не только ценностные жизненные ориентиры современного социума, но и лингвокультурную компетенцию языковой личности. В семиотическом плане реклама представляет собой креолизованный текст [1], содержащий как вербальный, так и невербальный компоненты передачи сообщения. В этом отношении чрезвычайно показательно функционирование прецедентных феноменов (ПФ) в качестве игрового кода рекламы. Этот код апеллирует к способности говорящих

опознать исходный ПФ и интерпретировать его смысл в контексте рекламного сообщения, построенного на технике языковой игры, связанной с переключением ассоциативных стереотипов [2]. Под ПФ понимаются сложные знаки разной природы, «знакомые любому *среднему* (выделено нами. — Т. Г.) члену национально-культурного сообщества»: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации (сюжеты) [3]. В данном определении акцентирован именно факт узнаваемости прецедента, что важно для «считывания» рекламного предложения. Необходимо, однако, иметь в виду, что «прецедентные» знания адресата и адресанта могут не совпадать, следовательно, чтобы быть эффективным в плане воздействия, рекламный текст должен строиться с учетом уровня компетенции разных групп потребителей. Представляется, что глубина считываемости реципиентами прецедентных смыслов рекламного сообщения может быть выявлена с помощью методов психолингвистического эксперимента (с учетом показаний языкового сознания адресата). Исходя из того, что обыденное языковое сознание реципиента наиболее естественным образом проявляется в процедуре ассоциирования и интерпретации знаковых единиц, мы использовали для установления степени понимания игрового прецедентного кода метод направленного ассоциативного эксперимента с элементами методики прямого толкования. ПФ транслируются в рекламе (чаще всего в слогане) разнообразными способами: иногда включаются в текст без изменения, но чаще используются в трансформированном виде — «изменяются» фонетически, графически, семантически. С учетом этого обстоятельства нами было отобрано 10 слоганов, базирующихся на использовании ПФ (чаще всего это прецедентные высказывания). Испытуемым предлагалось определить, какое исходное (прецедентное) выражение лежит в основе рекламного слогана, выделить его и объяснить смысл рекламного предложения. При этом участники эксперимента по возможности должны были указать на «технический» прием формального и/или смыслового обыгрывания прецедента. Это условие направлено на выявление операционального уровня способности говорящих к актуализации (выведению) запрограммированного эффекта языковой игры. В качестве респондентов выступили школьники-старшеклассники, студенты-филологи и студенты-культурологи Уральского государственного педагогического университета

(1–4-го курса). Такой отбор информантов предполагал возможность сравнительного анализа экспериментальных данных с учетом возрастного фактора и профессиональной компетенции, влияющей на глубину считывания прецедента. В качестве материала для эксперимента были использованы тексты наружной рекламы г. Екатеринбурга, предъявляемые в виде слайдов (целостного образа рекламы). Особенностью наружной рекламы является ситуативность восприятия, что требует для ее запоминания предельной броскости, сочетания вербального и невербального видеоряда, при этом прецедентный код (как вербальный, так и невербальный) оказывается предпочтительным ввиду его гештального «хранения» в памяти и узнаваемости.

Результаты проведенного эксперимента позволяют выделить несколько уровней, связанных с характером считываемости прецедентных смыслов.

1. Нулевой уровень считывания прецедента. В таких случаях испытуемые дают некий комментарий к приведенному слогану, который, однако, никак не соотносится с заданным прецедентным контекстом, обнаруживая непонимание респондентами предметной направленности рекламного сообщения и/или его ассоциативной двуплановости. Например, *«Искусство высшего трикотажа»* (реклама магазина одежды *Пеликан*). В анкете одного из респондентов находим следующее объяснение: *«...магазин детской обуви, название взято из детской песни»*. Из приведенного комментария видно, что прецедентное выражение *искусство высшего пилотажа* не только не считывается как символ высокого качества (в данном случае — высокого качества трикотажных изделий), но и в целом смысл рекламного предложения не воспринят (об этом свидетельствует неверное соотнесение слогана с рекламируемым объектом — *магазин детской обуви*). Ср.: *«С таким подарком чокнуться можно. Икеа»* (слоган сопровождается изображением *двух фужеров в подарочной упаковке*). Комментарий к данному рекламному тексту: *«Подарок типа черт из коробки, х/ф “Бриллиантовая рука”* — свидетельствует о том, что прецедент *«чокнуться можно»* не считан вообще: не воспринято не только переносное (экспрессивно-оценочное), но и прямое значение выражения (*«соприкоснуться бокалами, фужерами»*). Языковая игра, построенная на многозначности фразы, актуализации двоякого смысла глагола *чокнуться*, не воспринята. На фоновом уровне

восприятия в сознании респондента всплывает прецедент совсем из другой сферы — подарок с подвохом (эпизод из кинофильма «Бриллиантовая рука»).

2. Формальное считывание прецедента, выявляющее поверхностный уровень его восприятия. В этом случае часто называется («опознается») использованный в рекламном тексте ПФ, но из этого не вытекает смысл прецедентной аллюзии. Игнорируется (остается незамеченным респондентами) и использованный прием создания прецедентной «трансформы». Ср., например, зафиксированный в нашем экспериментальном материале комментарий к слогану из рекламы автосалона: «*Вольному — Volvo*». Прецедентным источником выступает в данном случае устойчивое выражение *вольному — воля* («о том, кто может поступать по своему усмотрению»). В основе игровой трансформации ПФ лежит фонетическая мимикрия — сходство звучания слов *воля* и «*Volvo*». Благодаря намеренной фонетической подмене компонента исходной фраземы расширяется ситуативно-оценочный контекст ее восприятия (ср. компоненты ассоциативного фона слова *вольный*: «перен. ничем не стесненный, не сдерживаемый, не знающий препятствий»). В игровом слогане используются аргументы к престижу адресата и уникальным качествам рекламируемого товара (дорогой иномарки, обеспечивающей не только качество быстрой езды, но и престиж ее потенциальному владельцу). Ср. реакцию школьника: «...а *лоху — “копейка”*», которая свидетельствует о том, что трансформа «*Вольному — Volvo*» воспринята буквально: богатому, обеспеченному человеку — автомобиль марки «*Volvo*», простоватому — плохой (отечественную «копейку»). Формальный уровень считываемости наблюдается и в анкете другого респондента-школьника при толковании слогана из наружной рекламы поисковой системы «Яндекс»: «**На Большом Каплетном. Яндекс. Найдется все**». Текст данного рекламного сообщения представляет собой редуцированную форму вопросно-ответного диалога, в котором опущена первая часть (вопрос), а «озвучена» вторая (ответ). При помощи такого «неявного» диалога с адресатом сообщения моделируется интенция последнего к получению ответов на интересующие вопросы посредством поисковой системы *Яндекс* (в данном случае это возможность получить информацию о творчестве В. В. Высоцкого и других бардов). Однако для пользования таким кодом необходимо правильно счи-

тать прецедент, отсылающий к определенной предметной области. При недостаточной интертекстуальной компетенции адресата возможны сбои в «опознании» прецедентного источника (узнавание прецедентной формы при неправильной идентификации ее «происхождения» и смысла). Так, к приведенному выше слогану «*На Большом каретном*» респондентом дан лаконичный комментарий: «шансон». Очевидно, текст песни знаком респонденту, но он не соотносит его с конкретным автором, формально воспринимая прецедент как отсылку к музыкальной культуре шансона. Другой респондент приписывает эту цитату Б. Окуджаве, что также является компетентностным «дефектом» восприятия ПФ.

3. Уровень лингворефлексии, при котором осознается источник и прием трансформации ПФ, а также (с разной степенью глубины) вторичный смысл использованного прецедента. Так, приведенный выше текст рекламы «Вольному — Volvo» объяснен рядом респондентов (студентов-филологов) как «игра слов, основанная на созвучии» и как «игра на фонетическом уровне, сближение неоднокоренных похожих слов с одинаковыми звуками [в] и [л]». В подобных случаях налицо такой компонент лингворефлексии, как актуализация профильных знаний: в качестве примеров подобных профессиональных комментариев к приемам обыгрывания прецедента отмечены следующие: «каламбур на основе сближения однокоренных слов» («*Суперцен*» — реклама сети магазинов бытовой техники), «игра слов, основанная на омонимии» («*Чокнуться можно*»). Разная глубина считываемости рекламного сообщения с использованием прецедента зависит не только от знания респондентами первичного и вторичного смыслов ПФ, но и от правильного выбора контекста, с которым может быть ассоциирована реклама. Так, при истолковании группой студентов-культурологов рекламного сообщения «*Крепкий орешек. Nuts*» был актуализирован вторичный культурный смысл прецедента, связанный с использованием устойчивого выражения *крепкий орешек* в названии х/ф «Крепкий орешек» (что явно не было запланировано при создании рекламного слогана). Это говорит не только о возможности многопланового истолкования ПФ, но и о различии интертекстуальной компетенции адресанта и адресата рекламного сообщения. Глубинный уровень считывания прецедента отмечается при опознании источника, объяснении приема трансформации ПФ. При этом восприятие трансформы проецируется

на рекламируемое предложение, объясняется, зачем здесь нужен тот или иной ПФ. Так, уже упоминавшийся слоган *«Крепкий орешек. Nuts»* был интерпретирован респондентами-культурологами, во-первых, как перевод с английского «лесной орех», во-вторых, через связь с прямым и переносным смыслом выражения «крепкий орешек» (*в этом батончике есть крепкие лесные орешки, их грызть — одно удовольствие; Nuts не всем по зубам, но он полезный, молодежный продукт, в нем тонус*). Одним из респондентов отмечено, что в данном рекламном сообщении есть *«четкое позиционирование товара как некоего атрибута успешности, жизненной ценности, внедряемых в массовое молодежное сознание посредством рекламы»*.

Резюмируя сказанное, отметим как основную тенденцию то обстоятельство, что уровень считывания прецедентного кода языковой игры в рекламе задается смысловой многоплановостью и актуальностью обыгрываемого прецедента для потенциального адресата (целевой аудитории); возможностью многомерной ассоциативной интерпретации ПФ в зависимости от широты культурного фона респондентов, их профессиональной ориентации, возрастной ментальности, развитости рефлексивной составляющей языковой способности, а также от степени заданного рекламным текстом взаимодействия вербальной и невербальной составляющих. Во многих случаях считывание прецедента в рекламном слогане невозможно без учета невербального видеоряда, который, как правило, актуализирует буквальный («предметный») план рекламного сообщения, направленный на предлагаемую услугу, товар (придает ПФ ситуативный смысл, создает игровое «напряжение», игровую «разрядку» и т. п.). Изучение прецедентного кода языковой игры в рекламном тексте в аспекте его продуцирования и считывания — один из важных источников постижения образа мира нашего современника, его культурных ценностей и языковых предпочтений.

Примечания

1. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
2. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
3. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9 : Филология. 1997. № 3.

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ
В СЛОВАРНОМ ВОПЛОЩЕНИИ**
(на материале словаря «Концептосфера русского языка:
ключевые концепты и их репрезентации»)

Наряду с временными и каузативными отношениями, пространственные отношения определяют основные принципы концептуализации и категоризации мира, и, следовательно, находят регулярное и системное языковое выражение. Слова, называющие различные типы пространственных объектов (*небо, земля, река, лес, сад* и др.), будучи репрезентантами концептов базового уровня, неоднократно попадали в поле зрения исследователей, рассматривающих как языковые, так и художественные концепты.

Интерес ученых к пространственным концептам, отнесение их к базовым или ключевым концептам культуры и языка объясняется их очевидной антропоцентричностью. По словам В. Г. Гака, пространство «организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Это одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [1, 127].

В предисловии к словарю «Концептосфера русского языка» Л. Г. Бабенко указывает, что под ключевыми концептами понимаются «концепты, участвующие в формировании наивной картины мира, т. е. концепты, аккумулирующие знания о самых существенных и необходимых сторонах жизни человека, составляющие ядро его представлений о мире» [2, 9]. Лексикографическая параметризация всех концептов, в том числе пространственных, осуществляется в этом словаре в соответствии с моделью, предложенной Л. Г. Бабенко. Принципиальным отличием развиваемого в словаре подхода является индуктивный способ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., № 16.740.11.0413; АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», № 2.1.3./14060 и гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых — кандидатов наук МК-6962.2010.6.

систематизации материала, основанный на том, что содержание концепта определяется не субъективно, т. е. самим исследователем, а на основании лексических, фразеологических и паремиологических репрезентаций концепта, количество которых также свидетельствует о значимости того или иного концепта. В результате проведенной идеографической классификации лексики были определены ключевые пространственные концепты: *небо, земля, космос, луна, солнце, море, степь, дорога* и др., которые должны получить в словаре лексикографическое описание.

Толкование пространственных концептов невозможно без учета тех признаков, которые в когнитивной семантике называют топологическими моделями. В первую очередь это противопоставление фигуры и фона, заимствованное из гештальт-психологии и введенное в лингвистику Л. Талми. По Л. Талми, основным принципом языкового представления пространственных отношений является разбиение места действия на первичный и вторичный объекты, что в результате определяет пространственную конфигурацию [3]. Так, в толковании приядерной зоны концепта «небо» определяется, что небо выступает фоном (и это его прототипическая функция) по отношению к целой совокупности фигур: «На небе располагаются и перемещаются различные объекты (днем — Солнце, облака, тучи; ночью — Луна, звезды) и фиксируются различные оптические явления (восход/рассвет, заря, закат, зарница, радуга, молния)».

Кроме того, важным топологическим признаком концептов является их включенность в серию универсальных пространственных оппозиций, таких как верх — низ, внешний — внутренний, видимый — невидимый и т. д. Толкование концепта «небо» строится с учетом множества таких оппозиций, которые выступают классификаторами и позволяют отобразить научные и наивные представления о небе. Для концепта «небо», естественно, особое значение приобретает оппозиция «верх — низ», так как небо воспринимается человеком как достаточно удаленное от земли пространство, хотя иногда оно может казаться расположенным низко. Мифологические представления о небе, в частности его уподобление куполу, своду, по которому перемещаются солнце, луна и звезды, движется колесница, связаны с метафорой контейнера, которая так же, как и перечисленные выше оппозиции, относится к числу важнейших классификаторов.

В формировании концепта «небо» особую роль приобретает положение наблюдателя, т. е. та точка, в которую говорящий помещает себя и из которой осуществляет восприятие. В каждой зоне словарной статьи концепта представлены языковые маркеры, указывающие на положение наблюдателя и распределение внимания: «небо воспринимается человеком как удаленное пространство»; «люди воспринимают Солнце, Луну, звезды и другие космические объекты как часть небесного пространства»; «небесные явления воспринимаются как действия высшей силы»; «небо обычно представляется чем-то далеким, недостижимым». Думается, что толкование любого пространственного концепта предполагает учет положения наблюдателя.

Безусловно, значимым признаком пространственных концептов является их способность проецироваться в сферы эмоциональных, физиологических и социальных состояний человека и порождать те метафоры, которые Дж. Лакофф и М. Джонсон называют ориентационными. В словарной статье концепта «небо» эти метафорические проекции также получают отражение: «...необычные явления и выдающиеся в какой-либо области люди соотносятся с небесным пространством и небесными объектами (*небесная красота, солнце русской поэзии, звезда на спортивном небосклоне*)».

Учитывать выделенные признаки (фигура-фон; положение наблюдателя; включенность в пространственные оппозиции и участие в ориентационных метафорах) важно при систематизации тех данных, которые представлены в толкованиях слов, репрезентирующих пространственные концепты, и для создания словарных статей этих концептов.

Примечания

1. Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.
2. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010.
3. Talmy L. How language structures space // Spatial orientation: theory, research, and applications. N. Y., 1983. P. 225–282.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНТЕНЦИИ И ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В ТЕКСТЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Текст в лингвистике традиционно рассматривается как пространство реализации авторского замысла. Элементами замысла можно считать интенции. Интенциональность как свойство речи представляет собой совокупность коммуникативных интенций, обнаруживаемых в языковых формах.

Интенциональность существует в рамках различных наук и научных направлений. Это понятие восходит к философским идеям Эдмунда Гуссерля. В гносеологической теории немецкого ученого интенциональность соотносима с «чистым сознанием» и «бытием-в-мире». В лингвистику термин «интенциональность» внесен теорией речевых актов. Особое преломление это понятие приобрело в работах Серля. Широкое распространение получила интенциональность, в том числе и как термин, в теории речевой деятельности, которая явилась истоком психолингвистики. Это понятие нашло отражение в трудах А. А. Леонтьева, Л. В. Сахарного, А. А. Залевской и др. В рамках различных наук и направлений интенциональность имеет разнообразные и неоднозначные определения, тем не менее можно обобщить все имеющиеся определения и выявить общенаучное (междисциплинарное) понимание интенциональности. В структуре концепта «интенциональность» выделяются следующие компоненты: отношение, связь между сознанием субъекта и предметом как частью мира, направление сознания на предмет, осознанность, включенность в замысел деятельности, пресуппозиция.

Интенциональность в области грамматики отражает связь формы как средства плана выражения с ее семантическими функциями, т. е. планом содержания. Понятие «интенциональность грамматического значения» в научный обиход введено А. В. Бондарко. Под интенциональностью в данном случае понимается смысловая актуализация в рамках всего высказывания грамматической семантики, выражаемой словоформой. Ученый предлагает рассматривать интенциональность как свойство семантико-прагматической

функции формы (слова), проявляющееся в большей или меньшей степени.

Объектом анализа является интенциональное содержание текста / высказывания в научном тексте словарной статьи. Предметом изучения стали тексты статей из лингвистических словарей разных типов. **Интенциональное содержание** трактуется нами как тот аспект (элемент) смысла высказывания, который включает в себя все, что отражает замысел (намерения, цели, коммуникативная направленность и ориентация говорящего и слушающего на общие / различные presupпозиции).

Интенции в научном тексте отличаются своеобразием. Это проявляется в двух аспектах: во-первых, в особенностях мотивации читателя, во-вторых, в способах реализации интенций в тексте. Словарь содержит все признаки научного текста. Однако это специфический текст.

Мотивация к чтению словаря и работе с ним предполагает обращение к категории адресованности, в то время как способы реализации интенций в словаре отражают авторскую интерпретацию языкового материала в лексикографической форме.

Мы исходим из того, что коммуникативные интенции базируются на мотивах, побуждающих индивида вступать в процесс коммуникации и обуславливающих интерес к партнеру по коммуникации и/или к теме коммуникации.

На лексико-композиционном уровне словаря как текста коммуникативные интенции, как правило, обнаруживаются в названии, в авторском предисловии и композиции (комбинации зон) словарной статьи. Интенциональность грамматических средств связывается прежде всего с «говорящей» и запланированной типизированностью и воспроизводимостью грамматических элементов в тексте словарной статьи.

Лексическая, фразеологическая и орфографическая интенциональность чаще всего лежит на поверхностном уровне понимания и с легкостью осознается адресатом. Например, названия словарей, включающие интенцию «заигрывания с читателем»: «Ругайтесь правильно! Современный толковый словарь русской брани» Л. Арбатского; «Зри в корень. Толковый словарь иностранных слов греческого и латинского происхождения» С. Ю. Афонькина; «Живой словарь иностранных слов» С. Жуковского.

Интенции заинтересовать читателя, привлечь внимание, обозначить актуальность и новизну материала, а также способы его представления побуждают авторов-составителей использовать в названии слова «новый», «новейший», «современный», «актуальный». Одним из способов отражения авторского отношения к интерпретируемому материалу становится выбор иллюстраций: цитат, высказываний, речений.

Несколько сложнее выявляется грамматическая интенциональность высказываний. Так, например, характер и способ построенных дефиниций дает возможность оценить способ, детализацию представления и индивидуальный взгляд на явление. Противопоставление типизированных и индивидуально-авторских ресурсов построения высказывания, выявляемое при составлении текстов словарных статей, позволяет выделить набор грамматических форм и типы синтаксических конструкций, которые раскрывают авторские интенции. Определение набора коммуникативных интенций и их описание становится возможным благодаря анализу коммуникативно-прагматических функций грамматических форм и конструкций с точки зрения намеренности / ненамеренности (облигаторности) их употребления в тексте. Такой тип изучения грамматических категорий мы называем функционально-грамматическим интен-анализом. Текст словарной статьи в ходе интен-анализа раскрывает речевую индивидуальность ученого — составителя словаря.

ОБРАЗ ПРАВОСЛАВНОГО РОССИЯНИНА В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Православный россиянин (ПР) — это относительно новый ментефакт отечественной коммуникации постсоветского периода. Для выявления собирательного образа ПР мы анализируем тексты публицистического дискурса: статьи из газет, посты блогеров (в том числе профессиональных журналистов), эссе и интервью популярных писателей и телеведущих. Дабы избежать «левых» и «правых» крайностей в оценках, мы рассматриваем только тексты авторов, которые позиционируют себя как сторонники либеральных и демократических ценностей. Одной из основных либеральных ценностей, как известно, является толерантность, поэтому априори мы полагаем, что реконструированная картинка будет объективной (тексты православных СМИ, по понятным причинам, не рассматриваются).

Как известно, образ складывается из примет внешности, черт характера, уровня образования, особенностей поведения. По данным СМИ, образ ПР с учетом данных параметров выглядит так.

ПР — это неряшливый, не следящий за своей внешностью человек, от которого плохо пахнет: *Отвертительные, гнусные морды из числа «истинно русских православных христиан» <...> руки с грязными, обкусанными ногтями на толстых пальцах <...> за ЧТО вы их [«голубых»] так ненавидите? <...> от них пахнет чистотой вымытого тела и хорошим парфюмом, а не вчерашним перегаром вперемежку с позавчерашним потом* (А. Д., актер, блогер).

ПР — это человек психически нездоровый, потому что православие — это болезнь: *Помимо людей, неизлечимо больных православием головного мозга <...> было много молодых людей, которые просто пришли «не дать превратить Москву в Содом»* (М. А., фотограф, блогер).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», № 2.1.3./14060.

ПР — это отсталый, невоспитанный человек, гомофоб, к тому же он забыл о главной добродетели христианина — смирении: ...оголтелые «православные» громят не понравившиеся им выставки, устраивают походы против сексуальных меньшинств, провоцируют нападения на людей неславянской внешности (К. Л., журналист, «Эхо Москвы»); ...православный гомофоб ударил Лену Костюченко по голове (В. П., сценарист, журналист, блогер); ...смирение, о котором наши воинствующие «верующие» вообще забыли (Грани.ру).

Вера у ПР ненастоящая, потому что сегодняшний ПР — это вчерашний комсомолец или коммунист: Когда рухнула советская власть и в головах растерянных граждан образовался идеологический вакуум, церковь распахнула свои врата <...> граждане рванули к алтарям, не сдав своих партбилетов и не сняв комсомольских значков <...> лучшие места у алтаря заняли те, кто вчера еще стоял на мавзолее <...> Елоховская церковь заменила собой Кремлевский дворец съездов (К. Л., журналист, блогер); ...учтем показную православность наших вождей (А. О., «Эхо Москвы»).

Священники и церковнослужители — это откровенные, гнусные рожи в черных рясах (А. Д., актер, блогер). Они ведут религиозную пропаганду на телевидении, в армии. Например: ...появилась целая когорта медийных батюшек (И. П., «Новая газета»); Теперь эту монополию [православных священников в армии] могут устранить. А попутно устранить и религиозную пропаганду (А. О., «Эхо Москвы»).

Созданию непривлекательного образа современного ПР способствует использование:

- кавычек в словах «православный», «верующий»: воинствующие «верующие» (Грани.ру);

- уничижительных эпитетов: непроходимое невежество, узколобая дремучесть (А. Д., актер, блогер);

- оскорбительных ярлыков: Михалков — политический мародер (С. П., «Эхо Москвы»);

- насмешливых поговорок: Как говорят в народе, поп с кадилом, а черт с рогатиной. Чья взяла? (И. П., блогер);

- слова «поп» вместо «священник»: ...создавалось ощущение, что попы в армии должны были заменить замполитов (А. О., «Эхо Москвы»);

- ироничной интонации, сарказма: ...и святые отцы, и иные рьяные поборники нравственности как только его [телевидение]

не называли: и исчадием ада, и средоточием греха и разврата. А потом осознали, видать, наместники Бога на земле, что бороться с нечистой силой нужно и на ее территории (И. П., «Новая газета»);

– отсылка к прецедентным текстам, компрометирующим сакральные предметы, в частности крест: *Рассказывают, что после появления церкви в «Останкино» заметно сократилось количество призраков, издавна пугавших телевизионный люд. Вот что крест животворящий делает!* (И. П. «Новая газета») — отсылка к персонажу Савелия Крамарова в кинокомедии Л. Гайдая;

– упоминание имен святых в ироничном контексте: *И тогда наш герой, призвав на помощь своего небесного покровителя Никиту Бесогона, объявил нечистой силе решительный бой* (И. П., блогер);

– употребление в одном ряду слов «православие», «церковь» со словами, вызывающими негативные ассоциации: *православие и посконность; Русская православная церковь и консервативно настроенные законодатели; увлечение пинать тех, кто слабей <...> никакими православием и посконностью <...> оправдано быть не может* (А. К., зампред Московской ОНК, блогер); *Русская православная церковь и консервативно настроенные законодатели объединились...* (А. Ф., блогер). Существительное «посконность», например, заставляет вспомнить поговорки «Куда нам с посконным рылом в суконный ряд!», «С посконной рожей да в красные ряды», а также фразеологизм «посконный мужик», которые в старой России использовались для презрительного названия людей низкого сословия.

Сама Церковь не лучше: она консервативна и агрессивна, вмешивается в жизнь государства, претендует на роль властительницы дум, в том время как православие — это темная религия, от которой нечего ждать, кроме вреда и проявления мракобесия: *...более темной и закрытой религией является православие <...> РПЦ нанесла колоссальный вред России <...> [она] вмешивается в политику <...> школьное образование. Она чрезвычайно агрессивна* (В. П., журналист, телеведущий); *Церковь <...> почувствовала себя властительницей дум <...> случилось непредвиденное <...> кто-то неосмотрительно предложил присоединиться к всеобщему покаянию самой Церкви и обнародовать архивы КГБ с указанием имен священнослужителей-агентов* (К. Л., журналист, блогер);

Реакция РПЦ [на гей-парад] вообще мракобесие (В. Е., писатель, телеведущий).

Используя типологию ментефактов, предложенную В. В. Красных, феномен «православный россиянин» можно определить как социумный образ-стереотип [1, 39]. Православный — значит отсталый и некультурный. Такова ментальная картинка по данным публицистического дискурса.

Примечание

1. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М., 2002.

© В. П. Конева

г. Нижний Тагил

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕКСТОВЫХ «СКРЕП» И ПРОБЛЕМАХ ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Одной из глобальных текстовых категорий является связность, которая и превращает последовательность предложений в текст. В силу постоянного развития и обновления коммуникативных целей идет приспособление единиц разных уровней языка к процессам коммуникации. Это касается и единиц, выступающих в функции средств выражения связности, т. е. выполняющих функцию текстовых «скреп». Известно, что служебные слова — это одна из особенно динамических групп слов, склонная к пополнению своих системных рядов, к формированию комплексов или составных служебных слов, по терминологии Р. П. Рогожниковой [1, 3], к стереотипизации (фразеологизации). Интересно отследить векторы динамики единиц, выступающих в функции текстовых «скреп», выявить как универсальные тенденции, так и спецификацию и определить факторы, обуславливающие ее.

Прежде всего необходимо оговорить смысл, вкладываемый нами в понятие текстовой «скрепы». Есть узкое понимание данного термина: «скрепа» как лексико-фразеологическая единица, выражающая отношение между частями текста, например: *итак*,

таким образом, между тем, так вот и др. [2, 3]. Иное толкование встречаем в работах М. И. Черемисиной: под «скрепой» понимается любое служебное слово, формирующее сложное предложение. В этом случае союз рассматривается в качестве разновидности «скрепы». А служебные слова, связывающие части текста, формируют разряд текстовых «скреп» [4, 179]. Есть третий подход, в соответствии с которым используется один термин для названия всех средств связи (и в предложении, и в тексте). В качестве такого термина выступают то «релятив» [5], то «коннектор» [6], то «дискурсивные слова». Хотя, как оценивает А. Ф. Прияткина, по охвату фактов понятия «скрепы» и «коннектор», «дискурсивные слова» не совпадают. Когда говорят о текстовых «скрепах», замечают, что часть их формируется «вводно-модальными словами» [7] или шире — «метатекстом» [5, 8].

В своей статье мы под термином «текстовая скрепа» будем понимать любое средство выражения отношения частей текста, его компонентов, оформленных как самостоятельные высказывания. Это отличает нас от других исследователей, например А. Ф. Прияткиной, которая под текстовой «скрепой» имеет в виду только специальное средство текстовой связи. Образцом «скрепы» в ее понимании является слово «итак».

Мы подчеркиваем целесообразность нашего подхода, так как проделанный нами анализ показывает, что 30 % средств связи самостоятельных высказываний в современных текстах — это союзы, используемые и в сложном предложении (прежде всего 3 сочинительных союза: **и, но, а**). При наличии достаточно широкого ряда текстовых «скреп» в позиции межфразовой связи наиболее частотны и актуальны указанные 3 сочинительных союза. Правда, сразу возникают два вопроса: 1) почему для них не типична позиция межабзацной связи? 2) не соединяют ли они с предшествующим текстом парцеллированную часть сложносочиненного предложения, получающую благодаря именно парцелляции статус самостоятельного высказывания?

Подчеркивая ценность предложенного А. Ф. Прияткиной выделения у средств, используемых в позиции «скрепы», первичных и вторичных функций, отметим важный момент: в коммуникации наиболее востребованы не специально созданные для текста «скрепы», а используемые уже в сложном предложении союзы, склонные к употреблению в позиции текстовой «скрепы».

Логично возникает и 3-й вопрос: новая позиция, т. е. позиция текстовой «скрепы» для союза, меняет ли характер отношений, выражаемых им?

Заметим, что в публикациях последних лет, посвященных проблематике сложного предложения, отмечается также тенденция к минимализации круга актуальных союзов, наиболее частотно используемых в коммуникации (см., например, работы Т. П. Гуськовой). Да, возможно, активное использование указанных союзов обусловлено максимальной абстрактностью и недифференцированностью семантики этих единиц, их многозначностью. Нельзя забывать и об одном очень интересном замечании А. Ф. Приятиной, что наиболее яркими представителями класса текстовых «скреп» являются те, которые выступают в позиции межабзацной связи. Для наших союзов это нетипично. Возможно, это нетипично для всех средств, выступающих во вторичной функции.

Прежде всего подчеркнем преобладание союза **и** в позиции межфразовой связи, а не в позиции межабзацной связи, потому что в первом случае актуализируется роль союза в интеграции текста, что в большей степени соответствует генетической природе данного слова, во втором же случае, на наш взгляд, на первый план выходит делимитирующая функция, а интегрирующая отступает на второй план, поэтому появляются дополнительные компоненты, формирующие комплексы типа **и вот**, **и тут** и т. п. Комплексы, начинающиеся с **и**, продуктивны в современной речи, но в исследованиях нет ответа на вопрос «почему?».

Заметим, что «скрепы», даже будучи выраженными указанными союзами, приобретают в позиции текстовой «скрепы» комплексную семантику, сочетая функции, например, соединения и актуализации, соединения и усиления и т. п. Если расположить по мере частотности значения текстовой «скрепы» **и**, то они расположатся в такой последовательности: соединительное, присоединительное, выделительное, усилительное.

При обращении к союзу **и** в присоединительном значении обращает на себя внимание та же тенденция: способность выражать отношения с протяженными фрагментами текст и способность союза входить в составные комплексы, осложняя отношения присоединения отношениями обобщения или актуализации, формируя соответственно комплексы **и все эти**, **и все это — и именно**. Порой налицо та же тенденция, что и при функционировании

и в соединительном значении — наличие дополнительных актуализаторов присоединительного значения, типа: ***И для сведения...***; ***И добавим...*** и т. п.

При анализе союза в **выделительном значении** налицо дополнительные актуализаторы этого значения в лице усилительно-выделительной частицы ***только***, наречий: ***теперь, тогда, наконец*** и т. п.

Усилительное значение также получает дополнительную актуализацию за счет соединения **и** с восклицательной частицей типа: ***как***.

И участвует в формировании специальных составных комплексов: ***и вот, и все, и все же, и все это, и в этот раз, и еще, и не только, и только, и потом, и так, и тем не менее, и теперь, и то, и тут, и тут же, и это***.

В дальнейшем необходимо уточнить лексикографическое описание уже представленных в словарях единиц и описать оставшиеся ранее вне поля зрения или вновь возникшие текстовые «скрепы».

Примечания

1. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 2003.
2. Булаховский Л. А. Союзы и союзные слова : лекция для учителей-заочников. Киев, 1947.
3. Прияткина А. Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц : межвуз. сб. науч. тр. Елец, 2002.
4. Черемисина М. И. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987. С.179.
5. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.
6. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8 : Лингвистика текста. М., 1978. С. 111–137.
7. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53–87.
8. Вежбицка А. Метатекст в текст // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. С. 402–421.

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

Описание образа России начала XXI в. немыслимо без обращения к проблемам естественного билингвизма, что во многом определяется политическими, социально-экономическими и лингвокультурными факторами. Особенно значимы такие исследования в полиэтнических регионах с наиболее интенсивными миграционными потоками, к которым относится и территория Урала, где, в частности в образовательной сфере, базовой стала поликультурная доминанта деятельности. В докладе будут рассмотрены некоторые аспекты экспериментального изучения лексико-семантического уровня языковой способности детей-билингвов младшего и среднего школьного возраста.

Языковая способность понимается нами как формируемая в онтогенезе под воздействием социально-коммуникативных влияний иерархически организованная система, отражающая в психике индивида элементы системы языка и обеспечивающая коммуникативную компетенцию языковой личности [1, 2]. Языковая способность в преломленном виде не только отражает набор элементов языковой системы, но и обобщает некие прескрипторные правила их употребления (отбора) в различных видах и сферах речевой деятельности. Справедливо отмечается, что «выработанные ребенком “правила” речевого поведения связаны с усвоением значений общеупотребительных слов, с формированием знаний о мире и языковой картине мира, с формированием осознанной установки на использование (порождение) языковых единиц в соответствии с целью общения. Уровень развития языковой способности предсказывает языковую активность — переход от знаний языка к его употреблению» [3, 54].

С целью изучения сформированности лексико-семантического уровня языковой способности билингвов нами были разработаны специальные листы-опросники по известным социолингвистическим методикам [4]. Опросники включают несколько блоков информации: а) собственно паспортизацию, позволяющую опре-

делить «материнский» язык в его соотношении с «этническим» и «доминирующим» языками; б) метаязыковую рефлексивность билингвов относительно степени владения используемыми в разных видах речевой деятельности языками; в) социокультурные параметры, определяющие условия необходимости обращения к одному из используемых языков (обучение в школе; общение с соседями, одноклассниками и т. п.; просмотр фильмов, общение во время подвижных и компьютерных игр и т. п.); г) вербальную диагностику языковой способности с помощью тестовой батареи, включающей 4 типа заданий (свободное ассоциирование, направленное ассоциирование, подбор антонимов и синонимов, завершение языкового знака по данному началу); д) «пилотную» диагностику понимания идиоматики языковых единиц, что является показателем уровня «свободы» владения языком и позволяет выявить стратегии межязыковой интерференции на лексико-семантическом уровне. Степень сформированности речевых умений зависит от разных факторов, не случайно поэтому в социолингвистический лист были внесены вопросы, касающиеся спонтанного речевого поведения (подвижные и компьютерные игры, рассказывание анекдотов и т. д.), которое требует автоматизированного владения не только речевыми клише, но и разговорным синтаксисом и правилами синтагматики.

Всего было обследовано 76 билингвов, из них 14 — учащиеся начальных классов, 7–9 лет; 11 — учащиеся 4–8-х классов, 10–13 лет; остальные (контрольная группа для верификации речевых стратегий, избираемых билингвами со сформированными, во всяком случае по формальным критериям школьного стандарта, языковой и речевой компетенциями) — старшеклассники гимназии № 108 г. Екатеринбурга и выпускники СОШ г. Екатеринбурга и Свердловской области, обучающиеся на 1-м курсе Уральского педагогического университета по разным специальностям. Анализируемую в данном докладе выборку составили только русско-армянские и русско-таджикские билингвы, назвавшие в качестве родного один из трех указанных языков. Приведенные статистические данные по анализируемой выборке свидетельствуют о проявлении двух отмечаемых в современной языковой ситуации потребностей: с одной стороны, «потребности идентичности», с другой — «потребности взаимопонимания» [5, 11–12]. Суть этих потребностей, реализуемых билингвами в речевой деятельности,

характеризуется следующим образом: «Потребность идентичности заключается в стремлении пользоваться в любой ситуации общения полностью “своим” языком, освоенным в первые два-три года жизни. ...потребность взаимопонимания заключается в том, что каждый из участников любой ситуации общения желает без помех общаться со своими собеседниками» [Там же].

Особый интерес, на наш взгляд, представляет диагностика владения языковой идиоматикой. В соответствии с условиями опроса предлагалось (после предъявления нескольких аналогов и «разминочной» серии тренинговых заданий) привести устойчивые выражения, пословицы, поговорки и т. п. на обоих языках, с помощью которых можно охарактеризовать человека по его интеллектуальным, физиологическим, поведенческим характеристикам: как можно назвать человека (очень) умного / глупого, (очень) толстого / худого, здорового / больного и т. п.; какого человека могут назвать бараном, медведем, лисой и т. п. и объяснить, почему (учитывается фактор метаязыковой рефлексии, свидетельствующий об осознанности использования языкового знака). Анализ полученных ответов показал, что все стратегии, которые используют дети для выражения определенного заданием смысла средствами обоих языков, можно свести к нескольким типам:

1. Нет ответа на одном из языков. Некоторые дети сказали, что помнят, как звучит выражение, которое слышали от родителей (или старших родственников), но не очень хорошо понимают, как это сказать на втором языке. Младшие школьники чаще говорили *«обзываться нехорошо»*.

2. Вместо выражения приводится однословный ответ: *ученый, знаток* ‘об умном человеке’, *спортсмен, непьющий, некурящий* ‘о здоровом’, *ненормальный* ‘о глупом’ и т. п. Заметим, что отдельные ответы содержат попытку «привлечения» метафоры, однако слово при этом выбирается неточно: *рентген* ‘об очень худом’, *ишак* ‘о глупом’. Наиболее частыми оказываются метафоры, в основе которых лежат конкретные предметные эталоны: *швабра, палка, шпала, ящерица* ‘о худом человеке’; *гардероб, диван* ‘о толстом человеке’. По сферам метафорических переносов эти метафоры универсальны, имеют межъязыковой характер: в основном фитоморфные метафоры используются армянами, русскими и таджиками для обозначения глупого человека (*дуб, тыква, огурец*,

слива), «продуктивно-пищевые» метафоры — для обозначения толстого человека (*сало, жир, гамбургер*) и т. п.

3. Толкования описательными конструкциями (в том числе игрового характера) с выделением признака, лежащего в основе переноса: 'какого человека могут назвать медведем, бараном, лисой' — *у которого имя Миша или фамилия Медведев* (Лиана, 8 л.), *такого кудрявенького, как вот мех* (Ева, 8 л.), *у него глаза красные или волосы* (Лусине, 8 л.). Чаше подобные толкования даются на основе буквализации метафоры: 'о человеке, которого можно назвать лисой' — *такого вот с лисичьими глазами* (Рубен, 7 л.), *фигурного, ну красивого такого* (Алиджон, 8 л.); 'о человеке, которого можно назвать бараном' — *если сильно избил* (Асим, 7 л.), *мальчика, он такой кривой, ноги кривые* (Мелек, 8 л.), *он плохо себя ведет, не слушается, неумный* (Марьям, 8 л.).

4. Подбираются выражения на родном языке, соотносительные с русскими по основанию метафорического переноса (правда, русский эквивалент может быть ребснку неизвестен и приводится в этом случае в виде развернутой описательной конструкции: 'о глупом человеке' — букв. *откуда ослу знать, что такое миндаль* (здесь и далее записи на разных национальных языках не приводятся, указываются только их буквальные значения), ср. рус. *разбирается как свинья в апельсинах*; букв. *дурак приписывает людям те характеристики, которыми обладает сам*, ср. рус. *по себе людей не судят*; букв. *хромой на мозги*, ср. рус. *мозги набекрень*; 'о больном человеке, который плохо выглядит' — букв. *имеет вид мертвого*, ср. рус. *краше в гроб кладут*; 'о здоровом человеке' букв. *имеет здоровье слона*, ср. рус. *здоров как бык*, букв. *голова перхотью набита* — ср. рус. *голова опилками набита*.

5. Использование безэквивалентной лексики и фразеологии, лишь в самом общем виде выражающей обозначенный в задании смысл: букв. *пройдешь через ушко иглы, рассосанная карамелька* 'об очень худом человеке'; букв. *кураца, которую задела болезнь животного* = *редкая, серьезная болезнь* 'о больном человеке', букв. *съевший сегодня лапшу* 'о рассеянном человеке'; букв. *самый неприятный из голосов — это голос осла; не имеющий дырок в носу* = *не имеющий естественного, того, что есть у всех* — *не понимающий элементарного* 'о глупом человеке', букв. *боль коровьего стада* 'о толстом человеке'.

Отметим, что две последние стратегии используются только старшеклассниками, это может свидетельствовать об осознании ими номинативных лакун в одном из используемых языков и относительно свободном оперировании знаниями в области обоих языков в речевой деятельности. В этом случае «работа» — интеллектуальная операция не тормозится процессом дословного перевода каждого выражения и подбором соответствующего эквивалента, а переводится в русло гештальтной речемыслительной деятельности. Оперирование смыслами, а не отдельными (конкретными) языковыми единицами характеризует более высокий уровень языковой и речевой компетенций.

Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что наши наблюдения имеют лишь предварительный характер и нуждаются в дальнейшей верификации. Тем не менее уже на данном этапе можно говорить о некоторых тенденциях, обнаруживающихся в речевой деятельности билингвов.

Примечания

1. *Шерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
2. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. 3-е. изд. М. ; СПб., 2003.
3. *Гридина Т. А.* Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи : учеб. пособие. М., 2006.
4. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика. М., 2001.
5. *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917–2000 // Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. С. 11–12.

© **Н. Н. Кошкарлова**
г. Челябинск

РОССИЯ — ОБЩЕСТВО ОСКОРБЛЕНИЯ? (Реализация дискурсивных практик в СМИ)

Либерализация деятельности социальных институтов и групп, свободное выражение мнения и точки зрения по тому или иному вопросу стало причиной того, что оскорбление, клевета, диффамация прочно вошли в дискурсивное поле российских средств массовой информации. Полагаем, что подобные тенденции развития СМИ нельзя не охарактеризовать как антиобщественные.

© Кошкарлова Н. Н., 2011

Экстралингвистическая зависимость языкового наполнения текстов в них не вызывает никакого сомнения, так как окружающая реальность находит свое непосредственное отражение в языке, эксплицируется в речевом взаимодействии членов социума, в связи с чем протекающие в ней процессы попадают в круг анализируемых лингвистами явлений. И. Т. Вепрева [1] отмечает общую тенденцию к стилистической сниженности речи в русском дискурсе. Автор указывает, что либерализация норм литературного языка обусловила использование сниженной лексики, увеличение числа жаргонных, инвективных лексических единиц. Масштабность трансформации текстов различного рода (в частности в публицистике) отражает действие одного из законов диалектики — единства и борьбы противоположностей. С одной стороны, происходит демократизация языка, с другой — вульгаризация, люмпенизация и даже криминализация языка. Одна из языковых антиномий между стандартом и экспрессией разрешается в пользу последней.

Н. Д. Голев [2] указывает на то, что речевые действия, входящие в юрисдикцию закона (на наш взгляд, к ним принадлежат упоминавшиеся выше клевета, оскорбление и диффамация), возможно приравнять к деянию такого типа, которое имеет следствием необходимость юридического вмешательства. Тенденция синкретизма наук различной парадигмы позволяет исследователю взять за точку отсчета анализа перечисленных выше деструктивных феноменов как социальное функционирование языка, так и правовое регулирование речевого поведения коммуникантов. Предложим краткое описание таких речевых действий, как *клевета*, *оскорбление* и *диффамация* с опорой на лингвистические и юридические аспекты анализируемых явлений. При этом изучение различных проявлений заявленных деструктивных феноменов производится на массиве интервью в средствах массовой информации, которые являются действенным инструментом формирования коммуникативной среды современного человека. Материалом для исследования в работе, частью которой является настоящая статья, выбраны тексты интервью российских политиков и общественных политических деятелей средствам массовой информации, эти тексты служат ярким примером проявления всех специфических характеристик конфликтного дискурса, национальных особенностей ситуации и партнеров по общению, оказывают эмоциональное воздействие на слушателя и адресата.

Клевета — это распространение заведомо ложных сведений о каком-либо лице, сообщение заведомо неверной информации о конкретных фактах, касающихся потерпевшего. Оскорбление представляет собой выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего, унижающую его честь и достоинство. Г. В. Дмитриенко [3] указывает на следующие условия, при которых оскорбление признается преступлением против чести и достоинства гражданина: 1) умышленный характер; 2) направленность на унижение чести и/или умаление достоинства; 3) вербальная формула выражения, признаваемая инвективной или оскорбительной для пострадавшего. Автор предлагает считать оскорблением любые векторно направленные вербальные формулы, относящиеся к следующим уровням шкалы инвективности: 1) вербальная инвектива с отрицательно-оценочной шкалой, так как инвектива данного уровня несет в себе ярко выраженную отрицательную оценку личности; 2) вербальная инвектива с осуждающей окраской, так как осуждение — это проявление отрицательных эмоций, вызванных человеческим поведением; 3) вербальная инвектива с презрительной оценкой, так как презрение всегда оскорбительно; 4) вербальная инвектива с грубой оценкой, так как грубость по отношению к человеку всегда оскорбительна; 5) вербальная инвектива с дисфеместической оценкой; 6) вербальная инвектива с ругательно-бранной оценкой; 7) вербальная инвектива с уничижительно-пейоративной оценкой; 8) вербальная инвектива с вульгарно-табу оценкой. Представленная выше интерпретация оскорбления носит, скорее всего, юридический характер. В лингвистическом смысле, по нашему мнению, оскорбление следует трактовать как способ речевого воздействия в интервью, функционирующий в рамках конфликтного дискурса. Оскорбление как стратегия речевого поведения в конфликтной коммуникации располагает набором речевых тактик, которым свойственно определенное лексико-семантическое, грамматическое и синтаксическое воплощение, в частности в форме конфликтного диалога как разновидности коммуникативного конфликта. По нашим наблюдениям, в современных интервью при реализации оскорбления как способа речевого воздействия анализируемый агрессивный речевой акт может реализовываться в следующих значениях: 1) сам поступок, направленный на понижение социального статуса оппонента; 2) речевые средства,

адресованные объекту оскорбления; 3) проявление враждебности против государства; 4) обида на какое-то действие, совершенное оппонентом (третьим лицом); 5) неудовлетворенность существующим положением дел; 6) оценка чьих-либо действий (констатация факта) как оскорбительных; 7) юридическая оценка того или иного события. По нашему мнению, юридическая оценка тех или иных действий как оскорбительных характерна лишь для интервью на специальные темы и крайне редко встречается в беседах по политическим и общественным проблемам, так как вопросы юридической практики — это прерогатива специалистов другого профиля. В современном российском законодательстве лишь диффамация не рассматривается как наказуемое деяние. Диффамация — это распространение порочащих сведений в СМИ. Диффамация может содержать истинные сведения, тогда как клевета содержит заведомо ложные данные. В зависимости от соответствия распространяемых сведений действительности и субъективного отношения распространителя к своим действиям можно выделить следующие ее виды: 1) распространение заведомо ложных порочащих сведений — собственно клевета, о которой речь шла выше; 2) неумышленное распространение ложных порочащих сведений — неумышленная недостоверная диффамация; 3) распространение правдивых порочащих сведений — собственно диффамация. Распространитель порочащих сведений использует большой арсенал языковых и речевых приемов для достижения поставленной цели: подмена понятий, умолчание, преувеличение и т. д.

Как видно из приведенных выше определений таких речевых действий, как клевета, оскорбление и диффамация, временами чрезвычайно сложно провести грань между этими явлениями. Сложность заключается как в юридической классификации описанных феноменов, так и в определении лингвистических механизмов выделения и описания подобных деструктивных явлений. Мы твердо убеждены в том, что только четкое представление каждым россиянином того, что входит в деструктивное поле СМИ, позволит нам защитить честь и достоинство наших граждан, избавиться от «правового нигилизма», а России не стать обществом оскорбления.

Примечания

1. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.

2. Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул, 2002. С. 110–122.

3. Дмитриенко Г. В. Вербальная инвектива в англоязычном лексическом суб-стандарте : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007.

© С. Г. Крылосова

г. Париж, Франция

В. И. Томашпольский

г. Екатеринбург

СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ VS. РЕАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ

В последние десятилетия в русской речи распространилось не вполне ясное семантически существительное *официоз*. Появившись в СМИ и в Интернете, оно проникло оттуда в устный и письменный язык. Конечно, слово не ускользнуло от внимания лексикографов, но его реальное использование не соответствует словарным описаниям. Наши наблюдения построены на фактах, зафиксированных в устной и письменной речи (примеры приводятся ниже с указанием года фиксации), т. е. собранных из источников СМИ, из Интернета и из современной разговорной речи. На примере этого слова мы сравним реальные употребления с существующими словарными описаниями.

Анализ контекстов позволяет установить лексико-семантические варианты лексемы *официоз*:

А. Неисчисляемое существительное: 1) 'Официальные круги': *Карпов был представителем официоза* (1995); 2) 'Официальная сфера': *Официоз будет, раз государство существует* (1998); 3) 'Официальная наука': *Астрономия – это официоз, и полностью верить тому, что пишет официоз, неразумно* (2008); 4) 'Официальная информация': *Если этого официоза Вам недостаточно, читайте в газете раздел официальной хроники* (1995); 5) 'Официальный вид': *И, для официоза наглухо застегнувшись, поднялся ваш корреспондент на второй этаж* (1982); 6) 'Серьезная информация': *Через пару минут мы вернемся к нашей беседе, а сейчас немного официоза* (1995); 7) 'Серьезные разговоры': *Ну, хватит*

официоза. Давайте послушаем музыку (1998). Б. Исчисляемое существительное: 8) 'Официальное издание': *Википедия — не официоз, туда могу я написать, можешь ты* (2010); 9) 'Представитель официальных кругов, официальной науки и т. п.': *Я опроверг СТО и создал взамен нее принципиально новую теорию. Кстати, Рыков с ней знаком, но делает вид, как все официозы, что ничего не произошло* (2008); 10) 'Официальный производитель или представитель': *Насколько официальные они официозы я не знаю, но вроде как работают напрямую с заводом* (2010). В этом значении возможно также слово *официал*, относящееся к той же сфере употребления.

Официоз обладает широким значением, которое в употреблении подвергается конкретизации. Его общая **предметная** информация — 'официальность'. **Непредметная** информация представлена тремя компонентами: а) оценочным — слово *официоз* несет отрицательную оценку предмета речи; б) функциональным — слово обозначает сферу своего употребления («неофициальный / неформальный подъязык»); в) социальным — слово характеризует говорящего / пишущего («представитель антиофициоза, противник официоза»).

С исторической точки зрения, *официоз* в русском языке — результат усечения словосочетаний, включающих прилагательное *официозный* + сущ. (*официозные круги, официозная наука, официозный источник* и др.). Прилагательное *официозный* — следствие францужско-русских языковых контактов. Оно восходит к франц. *officieux, -ieuse* [1] в латинизированной форме [2], претерпевая в дальнейшем изменения предметного значения и непредметных признаков: а) 'неофициальный' + книжное; б) 'неофициальный' + отрицательная оценка + книжное (идеологизация с появлением отрицательной оценки, возможно, не без влияния адъектива *тенденциозный*); в) 'официальный' + отрицательная оценка + разговорное («неофициальный язык»); на этом этапе в разговорной речи, в отличие от книжной, происходит нейтрализация противопоставления «официальный vs неофициальный», при сохранении отрицательной оценки и принадлежности к «неофициальному языку»; г) 'официальный' + отрицательная оценка / нейтральное + разговорное («неофициальный язык»).

В основе современного словообразовательного гнезда лежит, скорее всего, существительное ***официоз***, поскольку все слова производны от него формально и семантически:

а) **прилагательные** (*официозный* → *сверхоофициозный*, *супероофициозный*, *гипероофициозный*, *антиофициозный*, *контр(а)официозный*, *неофициозный*): *Последний неофициозный телеканал накрылся. Пойду отрезать антенну* (2005);

б) **наречия** (*официозно* и др., образуемые от прилагательных прибавлением наречного суффикса): *Высокое начальство ведет себя весьма официозно* (1994);

в) **существительные** (*официозность*; *официозник*, *официозница*; *антиофициоз*, *контрофициоз*, *суперофициоз*, *гиперофициоз*): *Официозности здесь не нужно. Поговорим запросто, без формальностей* (1996). *Или нянька официозница попалась?* (2010). *Откуда качал-то, с официозника?* (2005);

г) **глаголы** (*официозничать*, *переофициозничать*, *поофициозничать*; *официозить*, *заофициозить*, *обофициозить*, *переофициозить*, *поофициозить*): *Заканчивай официозничать, я не такой старый* (2009).

В русских лексикографических изданиях раньше других (кон. 1860-х гг.) появляется прилагательное *официозный*. Оно, а также производное *официозность*, впервые встречаются у В. И. Даля — ‘полуофициальный или правительственный, под видом частного’ [3]. Сущ. *официоз*, судя по примерам, появляется в употреблении в конце первого десятилетия XX в. Например, такие единицы, как *официозно*, *официозность*, *официозный* фиксируются в словаре Макарова (1910) [4], материалы для которого собирались в предыдущие годы, но лексема *официоз* отмечается в текстах, датированных концом первого — началом второго десятилетия XX в. и включается в словари русского языка в значении ‘неофициальное издание’ (*Германские официозы считают политику Италии в последнем кризисе двусмысленной*). В так называемой «советской лексикографии» *официоз* и *официозный* получают идеологическое толкование и воспринимаются как книжные [5]. В переиздаваемом словаре С. И. Ожегова эта помета по инерции сохраняется до настоящего времени [6], хотя слово утрачивает такую стилистическую принадлежность в 1980-е гг., что отражено, например, в Словаре русского языка АН СССР [7] и в конкретных употреблениях. В 1990-е гг. авторы словарей замечают, что *официоз* и *официозный* претерпели семантическую и стилистическую эволюцию [8]: интернет-словари фиксируют происходящие в употреблении изменения, но и их описания явно не поспевают за

темпами развития, а потому далеки от полноты и реализма в описании — ‘официозный печатный орган’; ‘официальная, правительственная информация’; ‘содержащий или проводящий проправительственную точку зрения’; *разг.* ‘об официально-вежливом обращении, отношении’.

Таким образом, сопоставление реального употребления и лексикографического описания словообразовательного гнезда (*официоз* и его производные) показывает следующее:

1. В лексикографических трудах зафиксированы только отдельные компоненты и отмечены лишь некоторые значения, составляющие около 15 % всего множества.

2. Ясно, что изученный нами материал не составляет исключения.

3. На примере одного словообразовательного гнезда мы приходим к неутешительному выводу: значительная доля русской лексики, бытующей в реальном употреблении, лексикографически не описана.

4. Для сокращения разрыва между описаниями и реальным употреблением необходимо обращение к новейшим данным корпусов русского языка с учетом всех сфер употребления, доступных для изучения.

Примечания

1. Dictionnaire de l'Académie française. P., 1831 ; Trésor de la langue française informatisé en ligne, 2011 ; Le nouveau Petit Robert [version électronique], 2001 ; Grand Robert de la langue française [version électronique], 2005 ; Le nouveau Petit Robert [version électronique], 2010.

2. *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots. P., 1985; *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1986.

3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1881.

4. *Макаров Н. П.* Французско-русский словарь. СПб., 1910.

5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940 ; 1947–1948.

6. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1970 ; *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2005.

7. Словарь русского языка АН СССР : в 4 т. М., 1982 ; Словарь иностранных слов. М., 1983.

8. Краткий словарь современных понятий и терминов. М., 1995 ; Словарь Ефремовой. URL: <http://www.efremova.info>; Большой толковый словарь. URL: <http://www.e-slovar.ru>.

УМНЫЙ – ДУРАК В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Внимание человека к собственной познавательной деятельности находит отражение в лексических и фразеологических единицах, репрезентирующих данный процесс. В языковом сознании человека отражается процесс объективации сознания, мыслительные операции, имеющие в нем место. Человек в языке является субъектом познания, в языке находят отражение его собственные представления об интеллектуальной деятельности, поэтому лексика с значением «интеллект» привлекает внимание лингвистов. В лингвистике традиция представления ментального поля связана с работами В. Г. Гака [1], М. К. Головановской [2], С. Р. Омельченко [3] и др.

Согласно данным «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» [4], сфера «Интеллект» в русском языке прежде всего представлена словами, обозначающими интеллектуальные свойства личности и интеллектуальную деятельность человека: процесс мышления, познания, понимания, воображения. Определение интеллектуальных свойств личности связано с оценкой; единицы, называющие эти свойства, практически без остатка могут быть распределены на две группы с использованием абсолютной оценки «хороший – плохой», с учетом наличия в них положительной или отрицательной коннотации, ср.: *глупость, тупость, ограниченность, дурак – ум, разум, проницательность, умный*. Положительная коннотация единиц «ум», «разум» расширяется в художественной речи за счет генитивных метафор с лексемой «разум»: *лоза разума, крылья разума, солнце разума, свеча разума, луч разума* [5]. Отрицательная коннотация единиц «глупость», «тупость», «дурак» расширяется благодаря устойчивым выражениям. Устойчивые выражения расширяют представления об умном человеке и дураке, акцентируя их типичные свойства.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», № 2.1.3./14060.

Умный человек представлен в идиомах как человек, обладающий положительными качествами, у которого *голова (котелок) варит, голова светлая, который схватывает на ходу*. Он отличается прозорливостью, сообразительностью: *его на мякине не проведешь, на кривой не объедешь, он ловит (схватывает) на лету*. Очевидно, абсолютная оценка «хороший — плохой» здесь также имеет место: с умным человеком связана оценка «хороший».

Дурак, напротив, обладает *дырявой, садовой головой*, у него *мозги набекрень* или таковых он вообще не имеет, у дурака *голова мякинная, пустая голова*, мозг устроен особым образом: *одна извилина в мозгу и та прямая*. Фразеологизмов, обозначающих дурака, гораздо больше, чем фразеологизмов, обозначающих умного человека. В проспекте словаря «Концептосфера русского языка...» [6] приведено 66 фразеологических единиц, обозначающих дурака, и 20 лексических единиц, обозначающих умного человека, что позволяет конкретизировать тезис Н. Д. Арутюновой о слабом выходе нормы в лексику [7, 234]. Очевидно, «не норма» более последовательно представлена и на фразеологическом уровне языка. Следует заметить, что в характеристике дурака отражаются явления современности или недавнего прошлого, в том числе связанные с определенным регионом: *дважды дятел Советского Союза; Маша с Уралмаша*. Состав фразеологизмов со значением «дурак» активно пополняется: *лохнесское чудовище; Джузеппе Даун; четыре валета, и все козырные; не голова, а дом терпимости*, что трудно сказать о фразеологизмах со значением «умный человек». Безусловно, и в этой группе появляются новые единицы, в том числе обусловленные временем: *не голова — а дом Советов; масло в чайнике; есть копф на голове*, но их значительно меньше.

Фразеологизмы могут указывать на причину появления дурака: *из-за угла мешком прибит, растерять разум; сойти с ума*, а могут представлять данное качество как априори присущее человеку: *по жизни дурак, олух царя небесного*.

Представление умного и дурака в языковой картине мира дополняют пословицы и поговорки, а также различные выражения, приобретающие статус афоризмов. В пословицах, поговорках, афоризмах отмечаются те же признаки, что и во фразеологических единицах, нередко видна параллель пословиц, поговорок и фразеологизмов: *Красен как майский день, а умом пень* (ср. *пень пнем*); *Вырос, как осина, а ума в пол-осмина* (ср. *дубина стоеросовая*).

Присутствие умного человека облегчает жизнь: *На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко*; тогда как быть рядом с дураком опасно: *С кем поведешься — от того и наберешься* (ср. *С умным разговориться, что меду напиться*); *Бойся убогих людей!*

Заметим, что в пословицах и поговорках, где фигурирует дурак, речь идет только о данном качестве; очевидно, никаких достижений у дурака быть не может, его способность к деятельности даже не рассматривается. Умный человек упоминается в контексте созиданий, значимых результатов: *Где не возьмет топор, там возьмет смекалка; Смекалка и воду останавливает; С умом больше сделаешь, чем одной силой*.

В пословицах, поговорках, афоризмах умный и дурак нередко противопоставляются. Противопоставление «умный — дурак» отражается в лексическом наполнении идиом, в их структуре, нередко представляющей антитезу. В идиомах умный и дурак упоминаются одновременно с указанием на противоположные события, явления, определяемые этими интеллектуальными качествами: *Дуракам везет в сказках, умным — в жизни; Только дурак откажет, если умный просит; Умные чешут лоб, а дураки затылок; Свой дурак лучше, чем чужой да умный; Лучше с умным потерять, чем с дураком найти* [8].

Обращение к пословицам, поговоркам и афоризмам, прежде всего к пословице *Дуракам везет в сказках, умным — в жизни* позволило установить тот факт, что данные единицы не поддерживают образ умного дурака, имеющий место в русских народных сказках. Напротив, пословицы, поговорки, афоризмы отмечают социальную опасность такого явления, как дурак, причем более последовательно эта опасность акцентируется в сравнительно недавно появившихся афоризмах: *Благодаря телевидению дурак дурака видит издалека; Пустые кастрюли громче гремят; Дураки умного никогда не поймут; У мудрости есть границы, тупость же безгранична; Глупость часто рождает подлость*.

Таким образом, обращение к описанию фразеологизмов, пословиц, поговорок, афоризмов, связанных с представлением *умный-дурак*, позволяет сделать вывод, что без обращения к данным единицам невозможно полное описание ментального поля. Анализ семантики данных единиц дает возможность говорить о языковой и национальной специфике противопоставления *умный-дурак* как противопоставления плохого и хорошего.

Примечания

1. Гак В. Г. Пространство мысли: опыт систематизации слов ментального поля // Логический анализ языка: ментальные действия. М., 1993. С. 22–29.
2. Голованивская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка: контрастивный анализ лексических групп со значением «высшие силы и абсолюты», «органы наивной анатомии», «основные мыслительные категории», «базовые эмоции». М., 1997.
3. Омельченко С. Р. Ментальные глаголы в речи казаков Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006.
4. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.
5. Патроева Н. В. Лексемы «рассудок» и «разум» в системе русского литературного языка // Междунар. конгр. по когнитивной лингвистике : сб. материалов / отв. ред Н. Н. Болдырев. Тамбов, 2008. С. 804–806.
6. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и парамеологии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010.
7. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
8. Зырянов Н. А. Живое и мудрое слово в речи моих современников. Не скупайтесь — прочитайте! Шадринск, 2007.

© У. С. Кутяева
г. Екатеринбург

СОЗНАНИЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА РУБЕЖА 1980–1990-х гг. В ДИСКУРСЕ ПЬЕС Н. В. КОЛЯДЫ

Типичный персонаж пьес Н. В. Коляды — человек 1980–1990-х гг., выросший в советском государстве. Особенности сознания человека этой сложной, переломной эпохи как нельзя лучше передается Колядой через речь персонажей его произведений, где взаимодействуют, сталкиваются и даже вступают в борьбу между собой элементы самых различных текстов, культур и стилей.

Вся советская эпоха отмечена небывалой прежде активизацией институциональных форм культуры. В это время самые разные социальные институты и учреждения подчинены целям государственной пропаганды, создана безупречная государственная машина по формированию сознания советского человека. Образование,

теле- и радиовещание, журналистика и литература поучают, направляют, воспитывают. Поэтому неудивительно, что слова политических лозунгов и воззваний, созданных в рамках официальной советской идеологии, так прочно вошли в речевой обиход, проникли в сознание человека. В пьесах Н. В. Коляды ее следы обнаруживаются на уровне языковых клише (*бригада* — «Кармен жива»; *стройка коммунизма* — «Мурлин Мурло»), аббревиатур (*райком, райисполком* — «Мурлин Мурло»; *КГБ* — «Полонез Огинского»), расхожих цитат (*Свобода, равенство, братство; Не был, не состоял, не участвовал* — «Мы едем, едем, едем»), прецедентных имен (*Брежнев* — «Сказка о мертвой царевне»; *Горбачев, Левитан* — «Мурлин Мурло»; *Буденный* — «Мы едем, едем, едем»).

Однако расхождение официально заявленных ценностей и стандартов с действительностью, ложный пафос государственной идеологии в конечном итоге привели к глубочайшему кризису всей советской культуры. Как пишет Н. Л. Лейдерман, «наше время, все “постсоветские” годы есть время обвального крушения предания — той религии уравнительного братства и тоталитарного единства, которая насаждалась в течение семидесяти лет. Это крушение вызвало глубочайший кризис массового сознания, разрушив систему мифов, на которой оно как-то держалось. В первую очередь рухнула прежняя иерархия ценностей, по которой было принято определять статус человека, уровень его достижений, которая задавала какие-то ориентиры притязаниям личности» [1, 131]. Десакрализация прежних идеалов нашла отражение в ироническом обыгрывании типично советских текстов и прецедентных имен в речи персонажей Коляды:

З и н а. <...>Да посмотри ты на него: у него штаны закатанные, как у негра, он же алкота, видно сразу по цвету лица, прям с плаката: «Ты еще не *опохмелился*?!!!!» Ноги иксом и рожа как у *Розы Люксембург*!!!! («Мы едем, едем, едем»)

Процесс отторжения советской культуры оказывается настолько мощным, что распространяется даже на те тексты, которые изначально советскими не являлись, но были приспособлены для идеологического воспитания. Так, в пьесах Коляды обнаруживаем ироническое обыгрывание текстов русской классической литературы:

З и н а. Не городи брахмапутру! Она его за муки полюбила, а он ее за сострадание к себе! *Средь шумного бала с вещами ты встрети-
лась мне!* («Мы едем, едем, едем»)

Распространяется ирония и на тексты идеологически нейтральные, но ставшие приметой советской эпохи, как в случае с популярной с 1960-х гг. песней «Подмосковные вечера»:

З и н а. Я?! Что ты, милая, смотришь искоса, низко голову накло-
ня?! Трудно высказать и не высказать все, что на сердце у меня,
понимаешь?!... («Мы едем, едем, едем»)

Интересно, что почти не подвергаются ироническому переосмыслению ценности народной культуры. Она, во-первых, воплощает условно вневременной, универсальный опыт, передаваемый из поколения в поколение. Все герои Коляды так или иначе обращаются к текстам традиционной народной культуры, особенно к пословицам и поговоркам: *Бедному Ванюшке жениться — так и ночь коротка* («Мы едем, едем, едем»); *Муж и жена — одна сатана* («Мурлин Мурло»); *Век живи — век учись* («Сказка о мертвой царевне», «Мы едем, едем, едем»). А во-вторых, будучи гибкой и подвижной, народная культура незамедлительно реагирует на злобу дня. Например, негативное отношение к советской власти выражено в таком анекдоте перестроечной эпохи:

И н н а. [о жене М. Горбачева] <...> А еще анекдот про нее рассказывают: стоит Равиля, плачет. Ее спрашивают: «Ты чего?» А она говорит: «Талон на сахар потеряла!»

Раскрепощение нравов, связанное с сексуальной революцией, в пьесе 1990-х «Мы едем, едем, едем» обыгрывается в следующем тексте:

З и н а. Прямо как в анекдоте: просыпается девица рано утром, с бодуна, смотрит, а вокруг нее на постели три мужика голых спят. Девица закурила и говорит: «Ах, видела бы моя мама, что я курю!»... Вот так и я.

Как неинституциональная форма культуры народная культура естественным образом питает сознание человека и, подобно лакмусовой бумажке, отражает малейшие изменения в культурном пространстве.

Говоря о сознании человека 1980–1990-х гг., необходимо подчеркнуть, что значение советской культуры даже в период ее

«кризиса» нельзя недооценивать. Для многих людей принятие ценностей нового порядка оказывается невозможным по причине их искренней веры в советские идеалы. Для них разрушение прежних ценностей оборачивается настоящей трагедией. Потеря опоры в настоящем становится одной из причин поэтизации прошлого. Отсюда, например, и частое обращение к теме детства в произведениях Коляды. Так, герои пьесы «Мы едем, едем, едем» Нина и Миша словно бы прячутся от «новой» эпохи за привычным и добрым миром детства, и их речь изобилует отсылками к текстам детского фольклора (*Силач Бамбула поднял четыре стула и совершил прыжок с кровати на горшок; Включите свет, сказал монтер и на полу разжег костер*), мультфильмам (*Бобик в гостях у Барбоса*), стихам (*Мишка косолапый по лесу идет...*). Символом детства для героев становятся и те тексты классической литературы, которые были выучены наизусть еще в школе:

Н и н а. <...> Пожалейте вы меня: я тут одна, *сизжу за решеткой в темнице сырой, вскормленный в неволе орел молодой!* Одна со змеем....

Следует отметить и еще один значимый культурный процесс 1980–1990-х гг. В это время в связи с падением «железного занавеса» происходит активное освоение западной популярной культуры. В пьесах Коляды обнаруживается целый ряд отсылок к бытующим в то время текстам и именам зарубежной попкультуры: многосерийный фильм «Рабыня Изаура», актриса Мэрилин Монро («Мурлин Мурло»), актеры Шварценеггер и Ван Дамм («Мы едем, едем, едем»). В сознании советского человека формируется ряд символов, связанных с определенными реалиями западной культуры. Так, название «Голливуд» ассоциируется с местом обитания кинозвезд, Чикаго — с криминальной сферой, а также успешной борьбой с преступностью и т. д. Тексты западной попкультуры можно считать одним из каналов трансляции таких ценностей «капиталистического мира», как богатство, роскошь, респектабельность, идущих вразрез с «советскими» идеалами.

Итак, сознание советского человека периода 1980–1990-х гг. можно охарактеризовать как кризисное. В это время обесцениваются прежние идеалы, происходит утрата важнейших жизненных ориентиров, в то время как новые еще не сформированы. И человек, потерявший почву под ногами, начинает искать утешения

в воспоминаниях о советском прошлом как о некоем «золотом веке», или же сам становится провозвестником новых ценностей и стремится порвать со всем, что каким-то образом связано с прежней жизнью.

Примечание

1. *Лейдерман Н. Л.* Драматургия Николая Коляды : критический очерк. Каменск-Уральский, 1997.

© Э. А. Лазарева
г. Екатеринбург

ПАРАГРАФЕМНЫЕ СРЕДСТВА КАК ОПОРНЫЕ ТОЧКИ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Интернет сегодня во многом определяет когнитивную деятельность человека. Именно это обусловило то, что этот феномен привлекает внимание огромного числа исследователей, в том числе — лингвистов, которые довольно активно участвуют в формировании новой области знаний — лингвистики Интернета [1]. Представляется важным определить те средства, которые применяются в Сети при формировании дискурсов, обладающих целостным комбинаторным единством. Это элементы внутренней и внешней текстовой системы комплексного целого.

Сущностные свойства дискурса вообще и интернет-дискурса в частности прямо связаны с наличием тех опорных точек, которые определяют целостность дискурса, его расчлененность, оптимизируют поиск и размещение смысловой информации, ее связывание и дробление. Речь идет о заголовочной системе печатного, «бумажного» произведения, с одной стороны, и о системе ссылок-отсылок элементов интернет-произведения — с другой. Нам представляется, что сегодня требуется переосмыслить известные теории, касающиеся текста и его элементов, отдельных самостоятельных произведений в составе комплексного сложного текстового образования, предтекстов, заголовков произведений и формируемой ими заголовочной системы. Представляется важным

остановиться на том, с помощью каких средств осуществляется связывание воедино разрозненных частей дискурсивной системы и какие средства используются для ориентирования пользователя в процессе поиска информации. Обратимся к тому, как трансформируется традиционная теория текстового заголовка в широком смысле применительно к дискурсу Интернета. Указанная теория была разработана для комплексного текста газеты и успешно применяется для анализа интернет-дискурса [2].

Взаимодействующие произведения-тексты в Интернете могут быть представлены двояко. Они или видимы, *размещены на плоскости*, или занимают *внутреннее пространство дискурса*, «спрятаны» в его виртуальной глубине. Именно так возникает интертекстуальная система (в понимании Тартуской школы, поддержанном в работе Н. Пьеге-Гро). Это и определяет двоякую роль заголовка в Сети.

Первая роль заголовков здесь — это хорошо известное по традиционной теории текста название произведения. В такой роли выступают названия и другие элементы заголовочной системы, когда в Сети размещены газеты, книги и другие «бумажные» тексты. Особенности названий таких текстов ничем не отличаются от тех, которые изучались лингвистике. Это *плоскостное, модульное* построение комплексного составного текстового образования, где происходят интертекстуальные взаимодействия: «Текст в тексте», «Текст за текстом», «Текст над текстом».

Во-вторых, существует *глубинное, реально-виртуальное дискурсивное целое*. «Виртуальный текст в интерпространстве», когда произведение существует в глубинном измерении гипертекста и его можно «вызвать», «кликнуть», т. е. активизировать для восприятия с использованием разных способов дискурсивной защиты [3].

Плоскостное, модульное интертекстуальное взаимодействие имеет композиционно-пространственный характер. Оно видимо, хорошо известно при восприятии, например, газетного издания, где отдельные тексты связаны на общем пространстве комплексного текста. С другой стороны, в Интернете возникает новая, специфическая роль заголовка, который формирует разветвленную систему ссылок-отсылок, используемых как знаки, сигналы, способные активизировать скрытые в глубине дискурса компрессируемые тексты. Такие средства предназначены для вызова,

извлечения из глубины дискурса «спрятанных» там произведений, эти ссылочно-отсылочные средства дискурсивной защиты используются, когда «спрятанное» компрессированное произведение «ищется и обнаруживается», активируется путем применения средств компьютерного заголовочного комплекса. Мы назвали такие элементы, опираясь на теорию защит А. А. Реформатского, *элементами дискурсивной защиты*. Направленность интернет-дискурса на адресата обуславливает потребность применения специальных способов построения произведения.

В интернет-дискурсе можно увидеть следующие проявления защит: *сегментация информации* (дробная подача сведений), *компрессия информации* (сокращение передаваемой информации), *повторы разных типов* (дублирование компонента структуры текста), *ссылки и отсылки* (ссылочное чтение), *семиотическое варьирование* (разнообразная кодировка информации), *внутренняя политекстуальность* (взаимодействие субдискурсов внутри гипертекста). Такие дискурсивные способы значительно облегчают задачу адресата в поиске и обработке информации в Интернете.

Примечания

1. См. об этом: *Горошко Е. И.* Интернет-коммуникации в гендерном измерении // Вестн. Перм. ун-та. 2006. Вып. 3 : Язык — культура — цивилизация ; *Донскова О. А.* Тенденции становления паравербальной графемики в системе Интернет. URL: <http://pn.pglu.ru/> ; *Галичкина Е. Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2001 ; *Скворцов О. Г., Лазарева Э. А., Горина Е. В.* Дискурс Интернета. Екатеринбург, 2009.

2. *Лазарева Э. А.* Заголовочный комплекс текста — средство организации и оптимизации восприятия // Изв. Урал. ун-та. 2006. № 40. С. 158–167.

3. *Лазарева Э. А.* Дискурсивные защиты как фактор построения интернет-коммуникации // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2010. Вып. 8. С. 51–59.

**СТУДЕНЧЕСКИЙ СОЦИУМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ОККАЗИОНАЛЬНОГО РЕЧЕТВОРЧЕСТВА
(на материале граффити)**

В активные периоды жизни общества с ростом эмоциональной напряженности творческое использование потенциала языка особенно заметно в окказиональных, преимущественно словообразовательных и лексических, проявлениях (*придурочка, глупостев, Не болтайте ерундой*). Как показывают наблюдения, окказиональное речетворчество наиболее характерно для неформальных дискурсов, изучение специфики которых позволяет по-новому увидеть как продуцентов дискурса, так и репрезентированных в нем человека и окружающий мир в целом.

В материале студенческих граффити окказионализмы мотивированы языковыми единицами, прецедентными источниками, словообразовательными моделями и демонстрируют продуктивные и оригинальные процедуры образования, рассчитанные на разные варианты смыслового осознания граффити.

К таким вариантам относится, во-первых, создание окказионализмов на базе слов, в том числе стилистически маркированных, со значением социально маркированных явлений с помощью известных аффиксальных средств, например: *лохушка, безбабье, безразвратно*.

Во-вторых, явление двойной лексической мотивации, включая квазимотивацию, при которой окказионализм соотносится с несколькими лексемами в качестве производящих в плане содержания и плане выражения. Например, слово *придурочка* словообразовательно может быть соотнесено с семантически близкими словами *дурочка* и *придурок*. В окказионализме *фальшивоминетчица* осознается отсылка к производящей «мужской» номинации, которая в языке лишь потенциальна, и к формально схожему мотивирующему слову *фальшивомонетчик*, включенному в языковую игру для создания окказионализма. В слове *дудак* узнаются семантически близкие слова *дурак* и *мудак*. Подобные окказионализмы вбирают семантику, стилистичес-

кую специфику, морфологическую структуру возможных мотивирующих.

В-третьих, явление окказиональной омонимии, при которой окказионализм формально повторяет существующую в языке лексему, а по словообразовательной модели и по содержанию представляет собой новое слово. Например, слово *электричка* в языке не является окказиональным и широко известно в качестве разговорного в значении «электропоезд». В граффити данное слово используется в качестве окказиональной «женской» номинации, демонстрирующей существующую словообразовательную модель (ср.: *электрик* — *электричка*, *историк* — разг. *историчка*).

В-четвертых, сложение слов или их частей, позволяющее наследовать востребованную в граффити семантику (преимущественно негативной или ироничной признаковости), в том числе сделав публичными нежелательные слова, их части, связанные с ними ассоциации. Например, окказиональное сочетание *Дед Маразм* привлекает вниманис формальной (по структуре словосочетания и звукобуквенной общности) схожестью с известным *Дед Мороз*, но обновляется семантикой негативно коннотированного слова *маразм* (Маразм — '1. Состояние полного упадка психической и физической деятельности человека вследствие старости или длительной хронической болезни' (МАС)). Номинации *Чебуректор*, *Чебулектор* созданы по одному типу — объединением общеупотребительных слов *ректор*, *лектор* и фрагмента слова *Чебурашка*. Последнее в силу прецедентности имеет ассоциативный ряд «смешной, трогательный, нереальный», создавая специфичное восприятие общеупотребительных *ректор*, *лектор* и позволяя выразить определенное отношение социума к предмету номинации. В граффити *Объединились Пежо и Опель и получился Пежопель* окказиональное слово *Пежопель* интересно для продуцента творческой находкой, позволяющей публично представить как бы не зависящий от желания продуцента лексический корень *жоп-*. Окказиональный атрибут *черномозговая*, поддерживая в граффити грубую «женскую» номинацию *кобыла*, создает образ внешне непривлекательной и беспросветно глупой женщины на основе противоречия между производящим сочетанием *черные мозги* и фразеологизированным сочетанием *светлая голова* для обозначения умного человека.

В-пятых, явление формальной мотивации, когда при сохраненном акцентологическом облике, реальной или кажущейся мор-

фологической схожести создаются подчеркнуто искусственные, не всегда четко интерпретируемые слова. Например, слова *безуминка, целеустремленность, шоферку, очковытирательством, бычається, бодунее, похмелее, негееспособен* в соответствующих граффити: *В каждой женщине должна быть своя безуминка; Главное качество таракана — целеустремленность; Крепче за шоферку держись, баран; Что это вы здесь очковытирательством занимаетесь; Идет качок, бычається; Утро вечера бодуне / похмелее; Негееспособен*. Часть подобных окказионализмов соотносится с вульгарно, бранно маркированными и табуированными морфемами. Например, слова *сирюльник, Поносец, похер, в похеровницах, на*битель, е*лив* в граффити — *Цивильный сирюльник; Бронетемкин «Поносец»; Есть еще похер в похеровницах и ягоды в ягодицах; На*битель терпения; Если весел на работе, то на отдыхе е*лив*.

В-шестых, образование окказионализмов, конкурирующих с существующими в языке словами, с использованием нечастотных аффиксальных средств. Например, безаффиксно образованное слово *экономик* (ср. функционирующее в языке *экономист*) в граффити — *Ну а завтра снова экономик и декан, спрос, доходы — они загонят нас в капкан*. В граффити *замутиссимо, накуриссимо, приколиссимо и неспалиссимо* окказионализмы (ср. функционирующие в языке формы *замутили, накурились, приколотись, не спали*) образованы с помощью латинского суффикса превосходной степени *-issimo*, который под влиянием рекламы «качественнейшего» йогурта «Даниссимо» или известного театрального междометия *брависсимо*, выражающего восхищение и благодарность зрителя, ассоциируется с позитивной семантикой «такой, который нравится, вызывает восторг, доставляет удовольствие». Учитывая, что мотивирующие здесь слова *замутить, накуриться, приколоться, не спать* отличаются семантикой чрезмерного признака бравадного поведения (*накуриться, не спать* совсем), жаргонной маркированностью и ограниченной (молодежной) сферой функционирования (*замутить, приколоться*), используемый аффикс вносит семантику положительных коннотаций называемых признаков, экспрессивизируя граффити. Окказиональное граффити *Свиноболтус редкозубикус* образовано с помощью другого латинского суффикса, обеспечивающего терминологическую стилизацию граффити. Данный окказионализм экспрессивизируется

противоречием между формальной терминологичностью и его мотивирующими — бранными номинациями человека *свин, сви- нья, оболтус* и сочетанием *редкие зубы*, ассоциирующимся с не- привлекательным внешним признаком человека.

В-седьмых, окказиональная аббревиация и акронимы. Напри- мер, *ЯрГУ* — *якобы ребенок где-то учится*; *СТУДЕНТ: Сонное, Тео- ретически Умное Дитя, Естественно Не желающее Трудиться*.

Анализируя окказиональное речетворчество в студенческих граффити, можно сделать вывод о творческих установках конк- ретного социума, нацеленности на смысловую и формальную ори- гинальность, которая достигается обращением к языковой игре, привлечением традиционных и оригинальных словообразователь- ных моделей, нечастотных (в том числе иноязычных) аффиксов, семантической спецификой производящих единиц. Фактор выбо- ра способов, приемов и средств создания окказионализмов свиде- тельствует о характерном стиле восприятия окружающего мира и человека в нем, об игнорировании этических и языковых норм общества. Многие окказионализмы мотивированы словами, кото- рые еще до контекстного употребления являются аффективами с уничижительной оценочной семантикой (например, слова *дурак, мудак, маразм, придурок, лох*) или квалифицируются словарем как табуированные или нежелательные для публичного использова- ния (например, слова для граффитийных окказионализмов *«По- носец», сирюльщик, Пежопель, пятах*й, похер, в похеровницах, е*лив, на*битель»*). Технология создания окказионализмов во многих случаях базируется на трансформативном потенциале языковых единиц разных уровней, который усматривается прежде всего в их планах выражения, в коннотациях, в обычно сниженной стилис- тической маркированности, в граффитийном контексте. Таким образом, сквозь данное творчество просматривается раскрепощен- ный, критичный, ерничающий по поводу окружающего мира со- циум, который с целью достижения эмоционального и коммуни- кативного (впечатляющего) эффекта творит окказиональные единицы, конкурирующие с традиционными языковыми и преце- дентными источниками, способами словообразования, передавая в своем стиле представления об актуальных предметах речи.

ОБРАЗ САДА И УСАДЬБЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ РОССИИ В ПОЭЗИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

В русской поэзии к образу сада обращаются в XVIII в. [1]. Для произведений более раннего периода характерна, как отмечает Д. С. Лихачев, «краткость описаний природы и сосредоточенность этих описаний на изменениях в природе...» [2, 39].

Если в конце XVIII — начале XIX в. сад становился естественным продолжением природного пейзажа и труд садовника не должен был быть очевидным, то во второй половине XIX в. парк уже мог «нести явные следы преобразующей человеческой деятельности» [3, 12]. На смену барским садам пришли городские, «городские скверы и сады, огражденные решеткой от улиц и домов, не имеют и не могут иметь ничего общего с окружающей обстановкой; это — микрокосмос или, вернее, оазис среди городской сутолоки и пыли; поэтому никакой идеи пейзажного садоводства в них провести не мыслимо: иллюзии нет» [4, 226–227]. Городской парк или сквер — это широкие аллеи, клумбы, разнородные деревья. Эта разнородность нарочитая — бросающаяся в глаза искусственность. Парк раздроблен на множество извилистых дорожек, «ни живописности, ни красоты не получается, но гуляющий нередко раздражается от бессмысленности дорожек и от непонятности назначения беседок и храмиков» [5, 158]. Ни о каком уединении и речи быть не может, разве что поздним вечером. Если в 1853 г. Афанасий Фет в «Старом парке» писал: *Отсюда вижу я, как бьют в пруде ключи / И над травой стоят недвижные форели. // Один. Ничьих шагов не слышу за собой...* [6, 275], то в 1860-м: *Толпа теснилася. Рука твоя дрожала, / Сдвигая складками бегущий с плеч атлас. / Я знаю: «завтра» ты невнятно прошептала; / Потом ты вспыхнула и скрылася из глаз...* [Там же, 311]. Хотя «многолюдность» в стихотворениях Фета абсолютно не типична, и «Толпа теснилася...», пожалуй, единственное в подобной стилистике.

Наверное, никто из русских поэтов не обращался к образу сада так часто, как Фет. Его перу принадлежит множество стихотворений, в которых этот топос упоминается или становится

необходимым для развития лирического импульса: «Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...» (1847), «Еще весна — как будто неземной...» (1847), «Люди спят: мой друг, пойдем в тенистый сад...» (1853), «В саду» (1854), «В темноте, на треножнике ярком...» (1856), «Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...» (1857), «Я был опять в саду твоём...» (1857), «Цветы» (1858), «Сияла ночь. Луной был полон сад...» (1877), «Дул север. Плакала трава...» (1880), «Сад весь в цвету...» (1884), «Благовонная ночь, благодатная ночь...» (1887), «На кресле отваливаясь, гляжу на потолок...» (1890), «Только месяц взошел...» (1891), «Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...» (1892).

Для символизма предшественницей во многом оказалась эпоха романтизма. Проблема соотношения искусства и Природы, волновавшая русских романтиков, для символистов переродилась в проблему единства и борьбы разума и чувства, светлого и темного, познаваемого и непознаваемого.

Категория Красоты становится важнейшей в мировоззрении русских символистов. К Красоте стремились в Природе, в быту, в окружении. С раннего детства, живя в усадьбах, человек постигал красоту русской природы, отсюда — ностальгия о некогда «райском существовании», сладкие воспоминания, которые питали творчество поэтов. Еще в 1854 г. Фет писал: *Приветствую тебя, мой добрый, старый сад. / Цветущих лет цветущее наследство! / С улыбкой горькою я пью твой аромат, / Которым некогда дышало мое детство...* [6, 266]. В 1893 г. Валерий Брюсов напишет: *В тиши задремавшего парка / «Люблю» мне шепнула она. // <...> Сливая уста в поцелуе, / Я помнил далекие сны, / Другие сверкавшие струи, / Иное мерцание луны...* [7, 48]. Подобным воспоминаниям предается Иван Бунин: *И снилось мне, что всю ночь я ходил / По саду, где ветер кружился и выл, / Искал я отцом посаженную ель, / Тех комнат искал, где собиралась семья, / Где мама качала мою колыбель / И с нежною грустью ласкала меня, / С безумной тоскою кого-то я звал, / И сад обнаженный гудел и стонал...* (1893) [8, 61–62].

На рубеже XIX–XX вв. в русской культуре наблюдалось некое размежевание. Петербуржцы явно тяготели к культу французских садов XVII в., Версалью и его отображению — Петербургу XVIII в. — Петергофу и Царскому Селу. Это превосходно иллюстрируют, например, работы художников К. Сомова «Вечер»

(1900–1902), Е. Лансере «Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе» (1905), А. Бенуа «Фантазия на Версальскую тему», «Прогулка короля» (обе — 1906). В то время как полотна «Из окна старого дома. Введенское» [9] (1897) москвички М. Якунчиковой, художницы, чье творчество во многом определило развитие искусства русского модерна, и В. Борисова-Мусатова «Водоем» (1902), «Прогулка при закате» (1903), «Отблеск заката» (1904), которого князь С. А. Щербатов [10] назвал «москвич, исполненный подлинной поэзией русской жизни» (хотя художник родился и значительную часть своей недолгой жизни провел в Саратове), в своих композициях шли «от русского быта, природы и усадьбы...» [11, 129–130].

Поэзия И. Анненского (1855–1909) соединяет в себе обе эти тенденции: мотив сада, парка у него чаще всего связан с царско-сельскими парками, однако поэт был бесконечно влюблен и в северо- и среднерусскую природу, поэтому слова-символы — «дорога», «лес», «старый сад», «степь», «поле» — становятся ключевыми образами для передачи настроения созерцания, душевной полноты: *Я хотел бы уйти на покой / В монастырь, но в далеком лесу, // Где бы каждому был я слуга / и творенью господнему друг, / И чтоб сосны шумели вокруг, / А на соснах лежали снега...* [12]. Искусствовед М. Нащокина пишет: «Апология красоты родной природы во всех ее проявлениях, от пейзажа до неприметного цветочка, стала одной из характерных черт искусства модерна» [3, 23], как, например, у К. Бальмонта, чьим творчеством Анненский восхищался: *Луг — болото — поле — поле, / Над речонкой ивы. / Сладко дышится на воле! / Все цветы красивы!* [13, 86] («Глушь», сборник «Горящие здания», 1900).

Примечания

1. В России в XVIII в. и первой трети XIX в. парки было принято называть садами.
2. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982.
3. Нащокина М. В. Русские сады. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2007.
4. Регель А. Э. Художественные сады // Дворянские усадьбы России. М., 2009.
5. Курбатов В. Я. О возрождении садовой архитектуры // Архитектурно-художественный еженедельник. 1914. № 15.
6. Фет А. А. Стихотворения. Пермь, 1985.
7. Брюсов В. «В тиши задремавшего парка...» // Поэзия дворянских усадеб / сост. Л. И. Густова. СПб., 2008. С. 48.

8. Бунин И. «И снилось мне, что осенней порой...» // Поэзия дворянских усадеб. С. 61–62.

9. Введенское – усадьба под Звенигородом. Усадьбой владели Пожарские, Лопухины, Якунчиковы, Шереметьевы, Гудовичи.

10. Щербатов Сергей Александрович (1875–1962) – художник, меценат, коллекционер.

11. Щербатов С. Художник в ушедшей России. М., 2000.

12. Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1990.

13. Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макагоненко. М., 1990.

© М. Ю. Мухин

г. Екатеринбург

ВНЕШНОСТЬ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В ОТРАЖЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНТАГМАТИКИ (по произведениям М. Шолохова)

Описание внешности человека практически никогда не обходится без лексики, обозначающей части тела. Именно поэтому слова *рука, глаз, голова, лицо, нога, губа, сердце, рот* часто встречаются в художественных текстах и, следовательно, попадают в верхнюю часть авторских частотных словарей. Судить об индивидуальных особенностях их употребления только по критерию частотности невозможно. Для идиостилевой дифференциации необходим контекстологический анализ, обобщающий лексическое окружение частотных слов. Однако если речь идет о сотнях тысяч (а то и миллионов) словоупотреблений, то формализация лексической синтагматики затрудняется по причинам множественности синтагматических связей лексики (количественный фактор), а также невозможности полной автоматизации анализа семантического варьирования слов и их контекстных партнеров. Острота этих проблем постепенно снимается благодаря появлению текстовых корпусов и развитию программ автоматической

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», № 2.1.3./14060.

© Мухин М. Ю., 2011

обработки речи. Не случайно ставится вопрос о том, «в какой мере словари и корпуса текстов совместимы как носители синтагматической информации, в чем их преимущества и недостатки, каким источникам надо отдавать предпочтение» [1].

Исследование проведено на материале произведений Михаила Шолохова «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека» и «Они сражались за Родину» (всего в них около 700 тыс. словоупотреблений), которые рассматриваются в сопоставлении с прозаическими текстами других авторов (М. Булгакова, В. Набокова и А. Платонова, при общем объеме всего корпуса — около 1,5 млн слов). Модель лексической сочетаемости построена на основании систематизации и анализа лексических биграмм — пар слов, употребляющихся в одном фразовом контексте и, вероятно, связанных семантическими отношениями [2]. При этом рассматриваются как правосторонние, так и левосторонние контекстные партнеры, расположенные на расстоянии не более пяти слов. На основании выборки биграмм, часто встречающихся в разных произведениях одного автора и совсем не характерных для других писателей, установлено, что именно в произведениях Михаила Шолохова больше всего оригинальных контекстных партнеров оказывается у слов, обозначающих части тела человека (*глаз, голова, лицо, рука, нога*).

Например, слово *лицо* используется М. Шолоховым в первую очередь вместе со словами *смуглый* (38 раз), *ладонь* (34), *пот* (24), *румянец* (15), *дышать* (14), *внимательно, оглядывать/оглядеть, взглядывать/взглянуть, глянуть, веселый, загар, осунуться* и др. [3]. Обобщая контексты, можно сформулировать набор семантических отношений между членами лексических пар:

- Внешняя характеристика, портрет: *лицо* ↔ слова *смуглый, загар, осунуться, пот*;
- Выражение эмоции: *лицо* ↔ *веселый, румянец*;
- Зрительное восприятие другим человеком: *лицо* ↔ *оглядывать/оглядеть, взглянуть, глянуть, внимательно*;
- Сенсорное восприятие персонажа: *лицо* ↔ *дышать (в лицо)* и др.

Можно констатировать, что многие семантические аспекты употребления слов *глаз, голова, лицо, рука и нога* сходны. Сплошная маркировка их значений в корпусе текстов как обозначений «частей тела человека» стала бы, как правило, недостаточной или

вообще неверной вследствие особых текстовых функций (например, отражения эмоций, физиологического состояния и т. д.). В то же время чисто физические особенности определяют и языковые ограничения: *качают* головой, *прижмуривают* глаз, а *осунуться* может только лицо.

Типовая сочетаемость указывает на авторские предпочтения в описании человека: *смуглое* или *осунувшееся* лицо; *веселые* или *холодные*, *потемневшие* или *посветлевшие* глаза; голова, которую *вскидывают*, *запрокидывают* или *роняют на ладони*; *сухие* или *потные*, *широкие* руки; *дрожащие* от волнения или гнева ноги, которые часто *тяжело волочат* от усталости, и многие другие. Эти синтагматические приоритеты напрямую связаны с особенностями реализации категории персонажа и — в целом — авторской концептуальной системы в произведениях Михаила Шолохова.

Примечания

1. См.: Митрофанова О. А., Крылов С. А. «Типовой» контекст: случайность или закономерность? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. междунар. конф. «Диалог-2006». М., 2006. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Mitrofanova.htm> (дата обращения: 24.10.2010).

2. В таком лексическом понимании термин «биграмма» используется, например, в работах В. П. Захарова, М. В. Хохловой, О. А. Митрофановой, Е. В. Ягуновой, Л. М. Пивоваровой, в отличие от трактовки биграммы как буквенной (или вообще любой символьной) последовательности. В широком смысле биграмма (или диграмма) — сочетание двух букв, слогов или слов, которое используется в практике статистического анализа текста, а также в криптографических целях. См. статью «Bigram» на сайте свободной энциклопедии «Wikipedia». URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Bigram> (дата обращения: 1.10.2010).

3. Можно предположить, что сочетание *смуглый — лицо* имеет универсальный языковой характер (т. е. не является идиостилевым показателем). Частота этой биграммы, по данным портала АОТ [URL: <http://www.aot.ru/demo/bigrams.html> (дата обращения: 10.11.2010)], — 1226 вхождений на 844 млн словоупотреблений, а в четырех текстах М. Шолохова — 38 на 687 660 слов. Если привести эти данные к универсальному показателю *ирт* (количество словоупотреблений на миллион), то в базе АОТ частота равна 1,45 против 55,26 в нашем корпусе. АОТ приводит статистику для пар слов, следующих друг за другом. Чтобы статистическое сравнение стало корректнее (в нашем случае «окно» между членами биграммы может составлять до пяти слов), приведем данные «Национального корпуса русского языка» (URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.10.2010)). На конец 2010 г. в корпусе объемом в 176 226 551 слово количество вхождений биграмм *смуглый — лицо* и *лицо — смуглый* на расстоянии 5 равно 734, и, значит, *ирт* = 4,17, что в 13 раз меньше, чем в произведениях одного М. Шолохова. Полагаем, что этой информации достаточно, чтобы считать рассматриваемую биграмму чертой авторской синтагматики.

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СИТУАЦИИ ЧАЕПИТИЯ

Концепт «Чаепитие» выступает в качестве ключевого концепта русского национального сознания. Согласно Л. Г. Бабенко, под ключевыми концептами понимаются «концепты, участвующие в формировании наивной картины мира, т. е. концепты, аккумулирующие знания о самых существенных и необходимых сторонах жизни человека, составляющие ядро его представлений о мире» [1, 9]. С целью выделения национально-специфических признаков ситуации чаепития из Национального корпуса русского языка были выбраны контексты со словоупотреблениями лексемы *чаепитие*, анализ которых позволил определить, каким предстает чаепитие в русской языковой картине мира, т. е. как отображаются знания о данном фрагменте действительности, закрепленные в русском национальном сознании.

В чаепитии могут принимать участие родственники, приглашенные на чаепитие гости, друзья (недаром существует пословица *Чай крепче, если он с добрым другом разделен*), знакомые, лица, связанные деловыми отношениями. Контексты демонстрируют то, что «коллективным субъектом» в процессе чаепития могут выступать люди, объединенные по возрастным, профессиональным признакам или по социальному положению. Интересно, что люди, совершающие чаепитие, могут быть объединены по половому признаку — очень часто чаепитие устраивается именно для женщин. Данный факт говорит, на наш взгляд, о том, что в сознании русских людей чисто мужская компания предполагает другие формы совместного приема еды и питья, включающие как необходимый элемент алкогольные напитки. В этой связи интересны контексты с переносным употреблением глагола *чаевничать*: *И как-то дрезинчик не пошел на проверку в барак, а пошел, как вольный, с мужиками; чаевничал с ними водочкой, беседовал...* (О. Павлов). Чай можно пить и в одиночестве: *Сегодня Анискин чаевничал, как всегда, один...* (В. Липатов), но такое чаепитие все-таки не соответствует русским традициям.

Чаепитие в русском национальном сознании предстает как процесс, который включает в себя множество этапов, начиная от собственно заварки чая и заканчивая обязательной беседой, непринужденным общением. Чаепитие может восприниматься как возможность убить время, способ скрасить ожидание чего-либо. Привычки людей, проявляющиеся во время чаепития, оказываются также национально значимыми, часто чисто русскими: *Там, за самоварами, за кончиками косынки бабки Веры, не успевшей, но хотевшей «стать барыней», за бабкиным мизинцем, отставляемым при чаепитии, за фикусами, бегониями и геранями мелкой буржуазии рождались иногда вовсе незаурядные русские люди* (Э. Лимонов). Чаепитие выступает как процесс, как правило, сопровождающий какие-либо другие действия и занятия: оно может устраиваться с целью отдыха на работе во время перерыва, после значительного или трудного мероприятия. Чаепитие может быть процессом, воспринимаемым как последовательный этап других действий. Так, чаепитие может выступать частью ритуала ухаживания: *...консул совершал церемонное чаепитие с дамой редкостной красоты...* (А. Азольский).

С появлением чая на Руси в процессе чаепития стала использоваться специальная посуда для употребления чая, причем русские в основном пили чай из фарфоровых сервизов. Чай пили (и эта традиция сохраняется и в настоящее время) и из обычных стаканов, но сейчас такой способ употребления чая используется обычно в поездках, гостиницах и т. п. «недомашней» обстановке. Атрибуты чаепития, воспринимающиеся как исконно русские — самовар, питье чая из блюда, использование стаканов с подставками, не являются обязательным элементом современного чаепития, во время которого на первый план выходит сама возможность собраться вместе за чайным столом. Во время чаепития на стол обязательно ставится сахарница, используются чайные кружки, чайные ложки, различные тарелочки (для лимона, печенья, пирогов, бутербродов и т. д.). В последнее время в России получили распространение специальные подставки под чайные пакетики. Раньше в русских избах чаепитие проходило исключительно у самовара. «Без самовара, как без хлеба, изба выглядела неполноценной...» [2, 167]. При характеристике традиционного быта использовались описания самовара как дымящего, шумящего живого существа, собирающего вокруг себя целые

компании. Даже и сейчас в сознании русского человека самовар и чаепитие — понятия неразделимые: *О, эти редакционные чаепития с широким шумом самовара, не электрического, нового, нет, натурального — на сосновых шишках, древесных углях...* (А. Вознесенский), поскольку самовар воспринимается как символ российского гостеприимства, благодаря которому в России и закрепились бережно хранимая чайная традиция. Существует чисто русская традиция — пить чай из блюдца, так как такой способ чаепития позволяет насладиться не только вкусом, но и ароматом чая: *Чаевничают небось как положено, пьют из блюдца, по-русски* (Г. Алексеев).

Известный исследователь русской кухни В. В. Похлебкин пишет, что раньше в России чай не воспринимался как самостоятельный напиток, его готовили довольно жидким, и поэтому обязательно пили с сахаром, а также с разнообразными кондитерскими изделиями, с лимоном и другими продуктами [4]. Истинно русская традиция — пить чай с вареньем. Показателен следующий контекст, указывающий на то, что именно сам напиток — чай — и может являться настоящим угощением, так как он сам по себе прекрасен и вкусен: *Но я очень любил чаевничать <...> самым торжественным и лакомым угощением был чай* (Ф. Гладков).

В сознании русских чаепитие тесно связано со временем суток: чаще всего в России пьют чай вечером, чаепитие также может устраиваться утром как необходимый ритуал начала нового дня. Чаепитие — это процесс, который не может быть «расписан по минутам», должен совершаться продолжительное время для того, чтобы его участники получили удовольствие. Очевидно, что длительное чаепитие с близкими, родными людьми оценивается положительно, а «нескончаемые» чаепития воспринимаются отрицательно как не соответствующее нормам традиционного русского чаепития: *...дипломатические переговоры <...> затягивали чаепитие на добрых полтора часа* (О. Славникова).

Распространены в России и чаепития на открытых площадках, на природе, позволяющие, наслаждаясь процессом питья чая, одновременно дышать свежим воздухом. В России существуют обязательные элементы быта, связанные с чаепитием, нашедшие свое отражение и в архитектуре — в строительстве буржуазно-дворянских домов с большими открытыми верандами, как правило, выходящими в сад. Эстетически приятное для русского

человека чаепитие совершается за городом, около дома, на веранде: **На обширной веранде загородного царского терема чаевничали Василий Дубов, доктор Серапионыч и Рыжий** (Е. Абаринова-Кожухова). Для чаепития на открытом воздухе устраивают специально оборудованные места (столик, специальный уголок, беседка): **Посреди двора — беседка для чаепития, а вокруг целое поле ромашек** (газ.).

Чаепитие как мероприятие проводится обычно по какому-либо поводу: это может быть памятная дата, праздник, встреча выпускников, прощание друзей, знакомых и т. д. Чаепитие часто рассматривается как развлечение, доставляющее истинное удовольствие человеку, или может быть обязательной частью других развлекательных мероприятий: концертов, вечеров, посвященных чему-либо, конкурсов, развлекательной программы и т. п. При чаепитии за столом собирается несколько человек, поэтому во время чаепития ведется беседа или должен хотя бы происходить обмен репликами. Часто за чаепитием обсуждаются различные текущие и предстоящие дела и ситуации, строятся планы. Беседа за таким сближающим напитком, как чай, по русской традиции часто бывает *задушевной*, но это происходит только в том случае, если чаепитие совершается «вдали от суеты», вне зависимости от всевозможных хлопот и обязательно с близкими людьми. Тесно связано с русским чаепитием понятие *гостеприимства*, которое, согласно философу Г. Гачеву, является стремлением русского человека «завербовать в друзья и кровно родные» [3, 71]. В России принято приходить в гости на чай, и при этом важно, как тебя встретят и будут развлекать. Итак, чаепитие как особое мероприятие является символом объединения людей, сплочения теплой компании, атрибутом приятного отдыха. Чай у русских считается необходимой частью доброго, душевного общения.

Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и парамологии) : проспект словаря. Екатеринбург, 2010.

2. *Белов В. Лад.* Очерки о народной эстетике. М., 1982.

3. *Похлебкин В. В.* Чай. М., 2007.

4. *Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ЛЕВИНА

Грамматическая метафора (далее — ГМ), под которой мы понимаем использование одной грамматической формы в значении другой [1], широко распространена в современных художественных текстах. Это связано с характерной для постмодернистской литературы установкой на всевозможные эксперименты, в том числе языковые, которые порой приводят к *лингвоцентричности* произведений: язык воспринимается не столько как материал, сколько как феномен, на котором в первую очередь стоит концентрировать внимание, а языковое творчество становится ценно не только благодаря результату, ради которого оно осуществляется, но и непосредственно за счет самого процесса, т. е. замыкается на самом себе. Наглядным примером креативного использования языка являются тексты А. Левина. Его многочисленные эксперименты, называемые исследователями «лингвопластикой», расцениваются как «артистическая игра с системой современного русского языка, его наличной лексико-фразеологической базой и грамматической структурой» [2].

В настоящем исследовании на материале произведений А. Левина рассматриваются особенности и закономерности употребления ГМ, а также определяются, классифицируются и характеризуются основные ее типы относительно наиболее продуктивных для ее образования грамматических категорий и форм.

При рассмотрении ГМ важным оказывается ее соотношение с языковой нормой, поскольку переносное употребление категорий и форм, как правило, становится возможным за счет отклонения от нее либо ее прямого нарушения. Поскольку грамматический уровень строго кодифицирован, любая необычность и/или неправильность выделяется из контекста. Таким образом, экспрессивный эффект, производимый ГМ, как правило, прямо пропорционален степени ее отклонения от нормы.

К специфическим чертам ГМ относится ее связь с языковой игрой (далее — ЯИ), которая, по сути, также является примером

творческого использования языка, «позволяет четче определить языковую норму и отметить многие особенности языка, которые могли бы оставаться незамеченными», т. е. представляет собой «лингвистический эксперимент» [3, 40]. Найти четкую границу между этими понятиями сложно, однако не каждый случай ГМ является одновременно примером ЯИ, поскольку последняя: а) требует осознанной авторской установки на игру; б) существует на разных уровнях языка, ГМ — лишь один из способов ее создания на грамматическом уровне. Помимо этого значительную роль играет функция в тексте: если ГМ вводится, чтобы придать большую экспрессивность тексту в целом, поспособствовать его восприятию (выразительная речь лучше воспринимается читателем/слушателем [4, 36]), то ЯИ самоценна и в то же время ценна прямым взаимодействием с читателем, который должен быть готов к экспериментам и верному истолкованию авторского посыла.

Наиболее распространена так называемая **внутренняя ГМ**, т. е. переносное употребление грамматических категорий и форм в рамках одного лексико-грамматического класса слов. Сосредоточимся на характерных для текстов А. Левина типах ГМ (относительно рассмотренных нами частей речи: имени существительного, имени прилагательного и глагола).

ГМ на базе существительного часто заключается в изменении его родовой отнесенности. Категория рода — одна из самых продуктивных для обыгрывания, поскольку она «не является ни полностью лексической, ни полностью грамматической. Лексика и грамматика нередко вступают в конфликт» [5, 260]. В частности, большой интерес с точки зрения неuzuального употребления представляют одушевленные существительные, у которых «грамматический род выражен, а семантический не маркирован: *человек, птица* и т. п.» [Там же, 264]: *Рыбы поют песни. / Только они тихо, / редко кто их услышит, / разве **другой рыба*** («*Рыбы хотят глубже*»). Помимо этого в произведениях А. Левина встречаются откровенно игровые употребления, в которых семантическое согласование также приводит к грамматическому рассогласованию: *Дома **дерево болел**, / чуть едва **не околел**, / но на даче **поста-рался** / и опять **зазеленел*** («*Буколюшки на переезд с дачи*»). В данном контексте речь идет о *паслене*, соответственно, так как существительное *паслен* — мужского рода,

автор метонимически переносит родовой признак на существительное *дерево*.

Основная тенденция, наблюдающаяся в сфере прилагательного — так называемое *окачествование* относительных прилагательных, в результате чего постоянный и нейтральный признак, называемый ими, воспринимается как изменчивый и оценочный. Это явление демонстрирует взаимосвязь лексической и грамматической метафор: развитие вторичных переносных значений делает возможным образование кратких форм и степеней сравнения (нехарактерно для текстов А. Левина) от окачествленных прилагательных. Краткая форма, в противоположность полной, называющей «постоянный, пассивный признак как отвлеченную категорию» [6, 62], характеризует признак динамичный. Таким образом, признак, называемый относительным прилагательным, воспринимается как могущий проявляться и развиваться в конкретный временной отрезок: *Не спал всю ночь, и все вокруг плывет, / и впалы щеки, и картонны губы* (из «Зимнего цикла»). Дополнительно на временность признака могут указывать фазовые глаголы (*начать, прекратить, стать* и т. п.), союзы (*когда* и т. п.).

Для глагола характерно неузальное образование причастий, в особенности страдательных, обусловленное разными причинами. Одной из них является неполнота глагольной парадигмы: не все переходные глаголы образуют страдательные причастия, причем объяснить наличие лакун порой бывает затруднительно. Поэтому образование от подобных глаголов причастия, потенциально нормативного, неизменно выделяет полученную форму из общего контекста: *Грустная песня мехого лисица, поёмая им под кустом вследствие нанесенной ему жестокой обиды*. Однако страдательные причастия могут быть образованы и от непереходных глаголов, что свидетельствует о появлении в их значении семы прямого объекта: *Спимая радость уснет, / спимая мною одним* («*Стишие колыбельное*»). Глаголу *спать* присваивается не только категория переходности, но и новое значение — так как *радость* воспринимается как сон, который снится человеку, *спать* означает *спать, видя сон*, и в этом случае причастие *спимый* сближается по значению с причастием *снящийся*. Помимо этого контекст демонстрирует яркий пример ЯИ на фонетическом уровне: словосочетание *спимая радость* является омофоном к части известной фразы «Спи, моя радость, усни», а это, в свою очередь, свиде-

тельствует о реализации одного из трех основных принципов ЯИ, а именно **аллюзивного**, заключающегося в том, что игра базируется на «интерпретации общеизвестного прецедента» [7, 6–7].

В текстах А. Левина широко распространена и так называемая **внешняя ГМ**, заключающаяся в переносном употреблении грамматических категорий и форм при частях речи, которым данные категории несвойственны. По сути, она представляет собой *оказиональную омоформу*: автор помещает реальную форму существующего слова в неожиданный контекст, нередко в ряд якобы однородных ей членов, из-за чего читатель вынужден приписывать ей новые синтаксические, а вслед за этим и грамматические признаки. Фактически речь идет об образовании нового слова, одна из форм которого омонимична форме исходного. В результате омоформии происходят процессы **субстантивации**: *Не подходи: укусит! Не трогай укусита!*, в данном случае обыгрывается внешнее сходство формы 3-го л. ед. ч. буд. вр. глагола и формы им. п. ед. ч. существительного м. р. II скл.; **адъсктивации**: *Будь я ловок и булавок, / будь я легок и иголок* («Очень золото»); **вербализации**: «Когда душа *стрела* и пела...» (название стихотворения); **адвербиализации**: *Здесь так клево, / пиво и тепло* («Пивная песня»).

Таким образом, ГМ — как внешняя, так и внутренняя — является одной из наиболее характерных черт художественного языка поэта. Она раскрывает незаурядный креативный потенциал грамматических категорий, зачастую служит основой ЯИ и демонстрирует, с одной стороны, виртуозное обращение автора с языком, с другой — богатство и многогранность нашей языковой системы.

Примечания

1. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры : терминолог. словарь. Ростов н/Д, 2007. С. 196, 210.
2. Кулаков В. Предлог для предложения. URL: <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/kulakov.html>.
3. Санников В. З. Русская языковая шутка. От Пушкина до наших дней. М., 2003.
4. Хазагеров Г. Г. Риторика для делового человека : учеб. пособие. М., 2001.
5. Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
6. Голуб И. Б. Грамматическая стилистика современного русского языка : учеб. пособие для вузов по специальности «Журналистика». М., 1989.
7. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008.

ДИСКУРС СЛОВАРЯ И ДИСКУРС О СЛОВАРЕ

Интерес к проблемам дискурса и дискурсивного анализа получил отражение в работах, посвященных отдельным разновидностям дискурса, количество которых трудно исчислить, так как наряду с такими уже освященными научной традицией типами, как политический, рекламный, научный, учебный, виртуальный дискурс, исследователи обосновывают существование эзотерического, психотерапевтического, экологического, экстремистского, побудительного и других видов дискурса.

Обращение к словарю как социокультурному и языковому феномену, воплощающему в лексикографической форме фрагменты языковой картины мира, позволяет выделять в качестве особого типа коммуникативного взаимодействия **лексикографический дискурс**, реализующийся в ряде устойчивых жанровых форм (словарных статей).

Выделение лексикографического дискурса предполагает характеристику социокультурных, коммуникативно-прагматических, когнитивных и языковых особенностей исследуемого типа дискурса.

Социокультурный аспект лексикографического дискурса неоднократно учитывался при сопоставлении словарей разных эпох и изучении влияния идеологического контекста на словарную статью. Идеологическое влияние обнаруживается при толковании религиозной, общественно-политической лексики, интерпретация которой в словарях советского периода и современных словарях существенно различается. Подчеркивая особую природу словаря как лексикографического произведения, Л. Г. Бабенко пишет: «Словарь как текст обладает также таким качеством, как социологичность: он связан с определенным временем, эпохой, социальным устройством общества и в то же время выполняет

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», № 2.1.3./14060.

важные социальные функции — информативную, коммуникативную, нормативную, дидактическую. Ему свойственна и диалогичность: любой словарь включается в определенную лексикографическую парадигму, опирается на словарные традиции и является реакцией на другие словари» [1, 340]. Так, сравнение классических словарей синонимов русского языка и идеографического словаря синонимов русской речи демонстрирует влияние социокультурной ситуации на язык. Например, синонимический ряд с доминантой *хороший* в современных синонимических словарях включает, помимо нейтральных, стилистически сниженные прилагательные: *разг.-сниж.* обалденный, *разг.-сниж.* офигительный и офигенный, *жарг.* балдежный, *жарг.* здоровский, *жарг.* кайфовый, *жарг.* клевый, *жарг., ирон.* неслабый, *жарг., ирон.* нехилый, *жарг.* ништяковый, *жарг.* отпадный, *жарг.* суперный и *жарг.* суперский [2].

Справедливость слов И. Сандомирской о том, что словарь является не собранием зарегистрированных фактов, а «сложной формой критического комментария», воплощающего в себе «порядок дискурса в не меньшей степени, чем другой письменный документ времени» [3, 209], подтверждается обращением к современным словарям, и особенно словарям концептов, в которых фиксируются различные слои концептуальной информации. Например, в словарной статье концепта «Обман» представлена оценка лжи с юридической и православной точек зрения: «С юридической точки зрения обман как средство получения личной выгоды за счет нанесения ущерба другим лицам (клевета, донос, подделка документов, изготовление фальшивых денег) подлежит наказанию. С точки зрения православного мировоззрения любой из видов обмана, в том числе и ложь во спасение, осуждается» [4, 320].

Коммуникативно-прагматический аспект лексикографического дискурса предполагает учет образа автора, адресата, коммуникативных стратегий и тактик, используемых в дискурсе. Отмечая, что в словаре всегда имплицирован личностный компонент, М. В. Резунова указывает: «Объем и детальность дискурса словарной статьи зависят от того, насколько полными знаниями данного явления обладает автор или коллектив авторов лексикографических изданий, от их социальных установок и целей, эмотивного, рефлексивного осознания определяемого» [5, 111].

Современная лексикографическая практика свидетельствует о повышении роли личностного начала при создании словарных статей. Так, в словаре синонимов под редакцией Л. Г. Бабенко выделяется зона прототипа как отдельная зона словарной статьи, в которой находят воплощение представления говорящих о типичных признаках объектов, качеств, действий. Например, прототип синонимического ряда с доминантой БЕРЕЧЬ представлен таким образом: 'содержать что-либо в целости, сохранности, не давать/дать потеряться, разрушиться, пропасть, исчезнуть; прилагая усилия, заботиться о том, чтобы не причинялся ущерб чему-либо, чтобы что-либо не испытало вредного воздействия, не разрушилось. Часто люди берегут те вещи, которые являются для них ценными, дорогими, памятными. Такая забота оценивается обычно положительно, однако излишнее, чрезмерное внимание к сохранению чего-либо осуждается'. Как видно из приведенного примера, в толковании прототипического значения отображаются знания о фрагменте процессуально-событийного мира как динамической сущности, включающей объект, на который направлено действие сохранения, отношение к объекту, способы и цели этого действия. Наличие данного аспекта обуславливает существование когнитивных характеристик лексикографического дискурса.

Кроме того, в современных словарях в большей степени, чем в традиционных, получают выражение ценностные установки, которые закреплены в сознании говорящих на русском языке. Особенно очевидно это при сопоставлении дефиниций слов, называющих человека по особенностям поведения. Например, слово *циник* в традиционных толковых словарях интерпретируется как «циничный человек», в «Большом толковом словаре синонимов русской речи» — в составе синонимического ряда с доминантой БЕССТЫДНИК: *циник* — бесстыдный, полный цинизма человека, нарушающий этические нормы, обнаруживающий в своем поведении бесстыдство, грубую откровенность, подчеркнуто пренебрежительное отношение к нормам нравственности, благопристойности, к чему-либо пользующемуся всеобщим признанием, уважением [6, 640]. В приведенной словарной дефиниции поведение циника маркируется как нарушение этических норм. Безусловно, нравственная проповедь не является задачей словаря, однако современный словарь отражает те нравственные ценности, которые важны для русской культуры.

Языковой аспект лексикографического дискурса определяется выбором метаязыка (естественный, искусственный или их сочетание) и особенностями словаря и синтаксиса метаязыка, которые являются предметом самостоятельного изучения в теории лексикографии.

Устойчивые жанровые особенности словаря активно эксплуатируются в публицистике и художественной литературе (см. об этом: [7]), что также является доказательством существования лексикографического дискурса.

Значимость словаря, его роль в сохранении языка и культуры всегда осознавались обществом, что порождало и порождает общественные дискуссии о словарях. Огромное количество лексикографических изданий вызывает споры о качестве словарной продукции, появление новых слов ставит вопрос о необходимости фиксации новых лексических единиц, отсутствие навыков работы со словарями требует формирования лексикографической культуры. Металингвистические рассуждения о словарях содержатся в комментариях как лингвистов, так и рядовых пользователей словарей (например: *«Словарь дает ощущение стабильности, связи с остальным человечеством. И ощущение своего могущества: вот ты чего-то не знал — раз — и через 30 секунд уже знаешь»* [8, 175]; *«На словарь необходимо смотреть не как на простой толкователь, а как на сборник научных ответов на вопросы»*). Языковые маркеры оценки словарей, выявленные в результате анализа контекстов, свидетельствуют о том, что в текстах, посвященных словарям, осуществляется апелляция к категориям «пользы», «качества», «традиционности/новизны». Существуют и устойчивые метафорические образы, актуализирующие ценность словаря (словарь — все-ленная, книга книг, друг, помощник).

Таким образом, словарь, особенно современный словарь, представляет собой эффективный способ коммуникации, который может быть изучен в дискурсивном аспекте.

Примечания

1. Бабенко Л. Г. Словарь как текст (на материале идеографических словарей русского языка) // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы IV Междунар. конгр. исследователей рус. яз. М., 2010. С. 340.

2. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2008.

3. *Сандомирская И.* Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.

4. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии, паремиологии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010.

5. *Резунова М. В.* Лексикографический дискурс русского, английского и немецкого языков // III Междунар. Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания : тр. и материалы. Казань, 2006. Т. 1. С. 111.

6. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2008.

7. *Кронгауз М. А.* Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить // Новый мир. 2007. № 6. С. 150–157.

8. *Левонтина И.* Русский со словарем. М., 2010.

© А. А. Поликарпов
г. Москва

ЗАКОНОМЕРНОСТИ АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО ЗНАНИЯ И НЕЗНАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКИМИ СТУДЕНТАМИ

1. Словарь общества и словарь индивида. Вопрос о соотношении словаря общества и словаря отдельного человека относится к фундаментальной, но вместе с тем малоразработанной области общего и русского языкознания. Ведущиеся лексикологические исследования чаще всего имеют дело с отвлеченным «словарем языка в целом», а психолингвистические работы — с тем или иным изолированным идиолексиконом, отвлеченным от того социального контекста, в котором он существует. Подход, который предлагается в настоящей работе к решению проблемы качественного и количественного соотношения индивидуального словаря с общей лексической системой языка, основывается на анализе соотношения различных по характеру единиц лексического знания определенной группы индивидуумов (испытуемых) на фоне всей лексической системы языка, а именно ее *стилистического расслоения, частотных, частеречных характеристик слов, их полисемии, омонимии, различных денотативных областей значений слов*, а также на основе анализа *представленности слов в толковых*

словарях различных типов (в кратком — СО, в средних — МАСе, Словаре Д. Н. Ушакова и большом — БАСе) и некоторых других характеристик лексических единиц [1].

2. Материал. Материалом для длящегося несколько лет исследования служат результаты прямого эксперимента по тестированию словарного знания носителей русского языка одной возрастной и образовательной группы (20–25 лет, студенты 3–5-х курсов филологического факультета МГУ). В докладе представлен анализ части этих данных (12 испытуемых). Список слов для тестирования был составлен на основе случайной выборки (каждое сотое слово) из «Сводного словаря современной русской лексики» под ред. Р. П. Рогожниковой (1991) [2]. Список содержит 1651 слово, каждое из которых участник эксперимента классифицировал по предложенным в анкете принципам, исходя из своих представлений об *употреблении, пассивном знании или полном незнании* каждого тестового слова в собственной речевой практике. На основе этого для 12 испытуемых были исходно выявлены:

- 1) *активный индивидуальный словарь*;
- 2) *пассивный индивидуальный словарь*;
- 3) *негативный индивидуальный словарь*.

3. Анализ. Полученный в ходе эксперимента исходный материал тестирования каждого испытуемого подвергся контролю (через анализ кратких толкований, дававшихся испытуемыми), а полученные таким образом данные вместе с общеязыковыми данными по каждому из 1651 слова были внесены в базу данных (на основе электронных таблиц Excel-2007), которая представляет собой матрицу 1651 × 76.

Анализ базы данных заключался в составлении частотного списка слов по числу активных словарей испытуемых, в которых они представлены, в попарном и последовательном полном соотношении активных словарей разных испытуемых, выявлении их пересечений, объединений и т. п., выявлении особенных системных языковых характеристик пересечения активных и негативных словарей испытуемых.

4. Результаты.

4.1. Соотношение величин активных, пассивных и полных индивидуальных словарей. Из полученных данных следует, что величина активного словаря испытуемых колеблется в пределах от 595 до 1086 слов; величина пассивного словаря — от 200 до

657 слов; величина полного словаря — от 904 до 1379 слов. Из этого следует, что величина активного словаря студентов-филологов старших курсов МГУ (людей с незаконченным высшим образованием) чаще всего не опускается ниже 60 тыс. слов (если пересчитывать объем тестового активного списка на полный объем «Сводного словаря современного русского языка», откуда случайным образом отбирался тестовый список). Величина же полного словаря в подавляющем большинстве случаев превышает 100 тыс. слов (по той же самой пропорции).

4.2. Выявление зависимости специфических общеязыковых характеристик слов тестового списка (их полисемии, стилистике и т. п.) от числа испытуемых, употребляющих их активно. Полученные данные демонстрируют градуальное изменение общеязыковых характеристик слов тестового списка в зависимости от числа испытуемых, употребляющих их активно. Чем меньше тех или иных слов содержится в активном словаре наших испытуемых, тем менее полисемичными, менее омонимичными, более предметными, более стилистически маркированными являются слова, представленные в каждой такой группе, т. е. тем вероятнее, что такое слово в лексической системе языка в целом занимает относительно более периферийную позицию.

4.3. Ядро и периферия: языковые характеристики единиц, попадающих в пересечение активных индивидуальных словарей, в соотношении с единицами, попадающими в пересечение негативных словарей. Полученное в нашем исследовании пересечение активных словарей испытуемых (214 слов), по всей видимости, относится к ядру лексической системы русского языка в большей степени, чем другие слова из тестового списка (а тем более слова из пересечения негативных словарей). Слова из активного пересечения менее предметны, менее стилистически маркированы, более многозначны (средняя общая полисемия слов этого списка существенно выше — *4,0 значения на одно слово*), чем слова всего тестового списка в целом (*1,98 значения на одно слово*), а также все эти слова представлены в словнике ожеговского словаря. 308 слов, никем не употребляемых и даже никому из испытуемых не известных, в отличие от первого списка, относятся к крайней периферии словарного состава русского языка по их характеристикам. Они практически непалисемичны, стилистически сильнее маркированы (и маркированы преимущественно

специальной сферой употребления — более 17 % значений этих слов), а также представлены в словаре Ожегова намного меньше, чем, в среднем, слова тестового списка.

4.4. Денотативные сферы ядерной и периферийной лексики.

На основе тезаурусной схемы, предложенной в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи» под редакцией Л. Г. Бабенко [3], в нашей базе охарактеризованы семантические категории значений слов тестового списка, в том числе расклассифицированы значения тех 214 и 309 слов, которые были рассмотрены выше. Их сопоставление принесло еще более интересные результаты. Оказалось, что слова, которые не знает никто из испытуемых (а это, видимо, крайняя периферия современного словаря), характеризуются в большей степени предметными номинациями (2. *Живая природа*; 1. *Неживая природа*), чем те слова, которые обязательно употребляет каждый из наших испытуемых (предположительно, активное ядро словаря русского языка). Это ядро концентрируется вокруг совершенно очевидно «непредметных» категорий значений: 15. *Восприятие окружающего мира*; 16. *Универсальные представления, смыслы и отношения*; 4. *Эмоции*.

5. О возможном пределе уменьшения объема последовательного пересечения единиц активных словарей. Темп последовательного уменьшения величины пересечения активных словарей при росте числа сопоставляемых словарей постоянно замедляется, что ведет к стабилизации величины этого перечня на нашем материале на уровне 214 слов, т. е. на уровне реального индивидуального словаря величиной около 20 тыс. слов. Разумно предполагать, что эта величина близка к предельной, т. е. к той, которая может быть получена у той же категории носителей русского языка, но с ее дальнейшим количественным расширением.

Примечания

1. Обоснование и некоторые результаты этого подхода в приложении к экспериментальному исследованию проблемы закономерностей устройства и соотношения в обществе индивидуальных словарей см.: Поликарпов А. А. Элементы теоретической социолингвистики. М., 1979 ; Он же. Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1987. (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та ; вып. 774) ; Поликарпов А. А., Крюкова О. С. О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1989. (Учен. зап. Тартус. ун-та ; вып. 872) ; Поликарпова А. О., Поликарпов А. А.

Опыт изучения уровня и характера индивидуального знания русской лексики // Квантитативные аспекты системной организации текста : материалы межвуз. семинара. Тбилиси, 1987 ; *Поликарпов А. А.* Системно-квантитативный подход в лингвистике // Научные школы в лингвистике. Смоленск, 2007 ; *Поликарпов А. А., Курлов А. А.* Стилистика, семантика, грамматика. Опыт анализа системных взаимосвязей (по данным толкового словаря) // *Вопр. языкознания.* 1994. № 1. С. 62–75 ; *Савчук Л. О.* Системные соотношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного и пассивного словарного запаса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

2. *Рогожникова Р. П.* Сводный словарь современной русской лексики : в 2 т. М., 1991.

3. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

© Т. Н. Сивкова

г. Сеул, Корея

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ «КОЛИЧЕСТВО» В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Овладение существительными различных семантических группировок слов зависит от потребностей иностранных учащихся, этапа обучения, уровня подготовки и целевой установки на активное или пассивное усвоение языка. В практическом курсе русского языка как иностранного параллельно с изучением языка ведется работа по освоению русской культуры и ментального мира русского народа. Реализовать в учебном процессе отбор и презентацию сведений о национально-культурной специфике русской языковой личности, обеспечить коммуникативную компетенцию иностранцев, изучающих русский язык, помогают не только пособия по страноведению, но и словари русского языка.

«Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы» под редакцией профессора Л. Г. Бабенко не является лингвострановедческим словарем в рамках традиционно понимаемого лингвострановедения. Тем не менее он способствует сохранению русского языка и русской культуры, так как сведения о стране изучаемого языка, ее истории, географии, традиционном русском бытовом укладе,

религиозных представлениях русского народа, его социальной жизни и т. п. содержатся в словарных статьях, комментариях и в иллюстративном материале.

В словарных дефинициях существительных имеют место уточнения «русский», «в русской деревне», «в русских сказках» и др. Так, в сфере «Количество» (авторы-составители М. Л. Кусова, Т. Н. Сивкова) из 55 представленных в словаре существительных, обозначающих количество чего-либо и единицы измерения расстояний, площадей, объема, веса, теплоты, мощности, энергии, исчисления и т. п., например, *акр, вес, высота, гектар, километр, миллиард, площадь, радиус, тонна, число, ярд* и др., только 8 существительных со значением «единица измерения, мера» имеют указание на национальную принадлежность в виде пояснения «старинный русский» или «русский» в словарной дефиниции:

АРШИН, -а, мн. род. -нов, дат. -нам, м. Старинная русская мера длины, равная 0,71 м, применявшаяся до введения метрической системы мер. *В России аршин использовался с XVI века и был равен 16 вершкам.*

ВЕРШОК, -шка, м. Русская мера длины, равная 13,4 дюйма (4,45 см). *Первоначально вершок как мера длины равнялся длине фаланги указательного пальца.*

ВЕРСТА, -ы, вин. версту и версту, мн. версты, верст, ж. Старинная русская мера длины, равная 500 сажням или 1,06 километра. *До XX века существовала межевая верста (1000 сажень: 2,1336 км), употреблявшаяся для межевания и определения расстояний.*

ДЮЙМ, -а, м. Мера длины, равная 1/12 фута в английской системе мер и в русской метрической системе до 1918 г., равная 2,54 сантиметра. *Мы ехали по белой железобетонной плите толщиной в одиннадцать дюймов* (И. Ильф, Е. Петров).

ЛИНИЯ, -и, ж. *Устар.* Русская мера длины, 1/10 (еще раньше 1/12) дюйма, применявшаяся до введения метрической системы мер. *Иностранные калибры, рассчитанные по метрической системе, не совпадали с русскими, исчислявшимися в дюймах и линиях* (Игнатова).

САЖЕНЬ, -и, мн. род. -ей; сажень, -и, мн. род. -ней и сажень, ж. Старинная русская мера длины, равная 2,134 м, применявшаяся до введения метрической системы мер. *Маховая сажень (1,76 метра) — расстояние между концами пальцев разведенных в стороны рук, кося сажень (2,48 метра) — расстояние от носка левой ноги до конца среднего пальца поднятой вверх правой руки.*

ФУНТ, -а, м. Старинная русская мера веса, равная 409,5 грамма, применявшаяся до введения метрической системы мер, а также мера

веса в странах с англ. системой мер (в Англии, Бельгии и др.), равная 453,6 грамма. *Четверть фунта муки, два фунта орехов.*

ЧЕТВЕРИК, -а, м. Старинная русская мера объема сыпучих тел, равная 26,339 литра (применялась до введения метрической системы мер). *Хозяин дал лошади четверик овса* [1, 299–301].

В данных словарных статьях содержится информация о старинных русских мерах измерения длины, веса и объема чего-либо, которая помогает студенту-иностранцу понять значение и употребление этих слов, например, в русской литературе прошлого времени: *В четырех верстах от меня находилось богатое поместье графини Б** (А. С. Пушкин); *Он (старик) ростом был двенадцати вершков. С домашними был строг неумолимо* (М. Ю. Лермонтов); *В нашей Песчанке, помню, щука в аршин ловилась* (А. П. Чехов).

Словарная информация помогает корейским студентам читать и переводить на родной язык тексты с использованием в них старых русских обозначений мер. В качестве примера приведем текст из архивного материала (дело 1541 «Вопрос о предоставлении острова Роз для устройства угольного склада и других удобностей эскадры») Главного морского штаба России от 30 апреля 1906 г., № 52:

Милостливый государь, князь Алексей Борисович!

В ответ на письмо Вашего сиятельства от 25 апреля с. г. за № 158 имею честь просить не отказать предложить нашему поверенному в делах в Сеулу Морского министерства Контракт с Корейским правительством на уступку 5730 квадратных *сажен земли* на острове Уольмидо (월미도). Прошу ваше сиятельство принять уверение в совершеннейшем почтении и преданности. Подписал: Чиханов.

Его сиятельству князю А. Б. Лобанову-Ростовскому [2].

Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка как иностранного предполагает знакомство иностранных учащихся с традициями и культурой русского народа в процессе изучения языка. Лексика (безэквивалентная, коннотативная, фоновая), фразеология и афористика русского языка дают богатый материал для соизучения языка и культуры.

В ходе занятий по русскому языку с иностранными филологами старших курсов и аспирантами могут быть рассмотрены существительные, обозначающие количество, в их вторичных значениях. В БАСе находим статью *верста*, в которой выделено

значение 'верстовой столб': *Ни огня, ни черной хаты... Глушь и снег... Навстречу мне только версты полосаты попадают* (А. С. Пушкин); в переносных значениях, указанных в многотомных толковых словарях русского языка, например, в составе выражений: *коломенская верста* — о человеке высокого роста, *с коломенскую версту* — об очень высоком человеке; или в выражениях *за версту, на версту* — на расстоянии версты или вообще на далеком расстоянии; *словно аршин проглотил* — о человеке, держащемся неестественно прямо: *Учителю казалось лет 25. Он точно аршин проглотил; ноги передвигал, как палки; головы не поворачивал, рук не поднимал* (Бобр.); *мерить общим, обычным аршином* — подходить с одной и той же меркой к разнородным явлениям: *Подобных ему (Базарову) людей приходится мерить обыкновенным аршином* (И. С. Тургенев); *мерить на свой аршин* — судить о ком-, чем-либо односторонне, с личной точки зрения; *видеть на один, два аршина под землей* — отличаться большой проницательностью; *вырасти, стать на аршин выше* — в глазах окружающих стать выше в умственном, нравственном и т. п. отношении: *Зоя вырос на целых три аршина; от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло* (А. П. Чехов); *хватать, схватывать вершки* — поверхностно, несерьезно, неглубоко заниматься чем-либо; быть, находиться *на вершок от гибели* — рядом со смертью [3, т. 1, 202].

В связи с ограничением объема словаря существительных в сфере «Количество» отсутствуют устаревшие малочастотные существительные, обозначающие старинные русские меры: *берковац* (мера масс), *гарнец* (мера сыпучих тел, хлеба), *десятина* (мера земельной площади), *золотник* (мера веса), *кадь* (хлебная мера), *локоть*, *пядь*, *пядень* (меры длины), *фут* (мера длины) и др., например, существительное *пуд* со значением 'русская мера веса, равная 16, 4 кг'. Но в русском языке есть выражения *пуд соли съесть* — хорошо узнать кого-либо после долгого знакомства, общения; *спор пудов с аршинами* — спорить о чем-либо несоизмеримом или о бессмыслице; пословица *Болезнь входит пудами, а уходит золотниками*. Есть и другие: *Жили с локоть, а жизнь с потьоть. В чужих руках ноготок с локоток. Сам с ноготок, а борода с локоток, которые также могут быть рассмотрены в зеркале русской ментальности и культуры*.

Приведенные в качестве примеров слова, как и многие другие, представленные в словаре, обладают определенной страноведческой

ценностью, но являются устаревшими и не могут использоваться в активной речевой практике иностранных студентов. Эти слова (*капля в море, косая сажень в плечах, от горшка два вершка, а туда же, ни пяди назад, по локоть в грязи, мал золотник да дорог* и др.) вызывают интерес у студентов при чтении произведений русской литературы или в свободном общении, когда необходимо участвовать в коммуникации и понимать речь русского человека.

Если говорить о диалоге культур, о межкультурной коммуникации, то «Большой толковый словарь русских существительных» имеет все возможности для контрастивных исследований лексики разных языков и культурных различий этносов. Так, представляется возможным исследовать существительные, обозначающие количество, в русском и корейском языках. Наряду с лексическими единицами, обозначающими международную метрическую систему мер (грамм, килограмм, киловатт, метр, сантиметр, километр, миля, дюйм, литр, акр, градус и др.), в корейском языке есть свои национальные меры и обозначения количества. Одни из них вышли из употребления, другие используются в современном быте корейцев. Это меры веса (КЫН = 0,6 кг, КВАН = 3,75 кг); меры сыпучих тел (ТВЕ = 1,8 кг, СОДУ = 5 тве; половина маля); меры жидких тел (МАЛЬ = 18 л, СОК = 10 маль или 108,547 л, ХОП = 0,18 л); мера емкости (СОМ = 0,18 куб. м); меры длины (ЧХОК = 30,3 см, ЧА = 30,3 см, ЛИ = 0,393 км); единица жилой площади (ПХЕН = 3,3 кв. м, КАН = 2,5 кв. м); мера земельной площади (ТАНБО = 990 кв. м); мера площади поля (МАДЖИГИ = 1/15 га) и площади поля, обрабатываемой за день одним волом (КАЛЬ (КАРИ) ≈ 6,200 кв. м); мера площади для измерения ткани, стекла (ПХЕН ≈ 981 кв. см) и многие другие [4]. Это конкретное свидетельство сохранения в корейском языке своей национальной культуры и самобытности, а в жизни почти равноправное использование национальной и международной метрической систем.

«Большой толковый словарь русских существительных» — это лингвистический словарь, он демонстрирует факты языка, представляя лексику как систему. Как учебный словарь, он может успешно использоваться в качестве значимого средства изучения русского слова (его грамматической и лексической семантики, синонимических и антонимических отношений, образного потенциала), и его культурного фона, получения страноведческой

информации. Сознательная работа с идеографическим словарем будет способствовать более прочному усвоению иностранными учащимися русской лексики и культурологических сведений.

Примечания

1. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005.
2. См.: РГАВМФ. Ф. 417, оп. 1, д. 1541, л. 1–28.
3. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1948–1965.
4. Русско-корейский и корейско-русский словарь / Ю. Н. Мазур, В. М. Моздыков, Ко Хен, Ким Ын Мо, Лю Ен Голь. Москва ; Пхеньян, 1988.

© Г. Ю. Скорикова
г. Екатеринбург

ОБРАЗ РОССИИ В ПОЭЗИИ А. ТАРКОВСКОГО (на материале топонимов)

Имена собственные (онимы, топонимы) в поэтическом тексте часто выполняют роль ключевых слов, имеющих образное значение, употребление имен собственных актуализирует их культурно-историческую, символическую, мифологическую семантику. «Общее свойство семантики имен собственных — ее суггестивность, т. е. накопление разного рода коннотаций и семантических компонентов, идущих от ассоциаций в тексте и за текстом» [1, 32].

Топонимическая лексика, связанная с пространством России, представляет собой значительный лексический пласт в поэзии А. Тарковского. Мы привлекли к анализу собственно топонимы (названия городов, рек, местностей), являющиеся лексическим ядром класса слов с локальным значением, а также лексику, называющую пейзаж, ландшафт и части ландшафта («река», «лес», «горы» и т. д.).

Топонимы используются поэтом для обозначения реального, физического пространства и выполняют в тексте несколько различных функций:

- 1) обозначение реально существующих географических объектов (*Река Сугакля уходит в камыш...; Спит во гробе город Львов...*);

2) направление движения (*Не из Лодзи, так из Львова, / Не в Казань, так на Уфу...; Ехал из Брянска в теплушке слепой, / Ехал домой со своею судьбой...*);

3) пространственные координаты действий (*Я бы в Каму бросился, да лед на реке...; Горный воздух государства / Пью на Цейском леднике...*);

4) географические реалии как объекты действий человека (*Идет Москву кровавить / Московский государь...*);

5) географические реалии как субъекты действия (*Ложилась Мать Россия / Под конские копыта...; Научи меня, Россия, / Прядать ястребом в седло...; Забеспокоилась Клязьма-река...*).

Ядром топонимического словаря А. Тарковского являются географические названия, обладающие культурной семантикой (Сталинград, Елабуга, Чистополь), мифологической семантикой (Китеж-град), а также географические названия, являющиеся значимыми для поэта в биографическом плане и связанные с определенными вехами в его жизни (Кавказ, Дагестан, Кама).

Топонимикон поэта концентрируется в основном в стихах 30–60-х гг. (Кавказ, Дагестан, Осетия; Сталинград, Чистополь, Елабуга; Москва, Ленинград), что отражает основные этапы его жизни.

I. Стихи 30-х гг. — стихи, содержащие топонимы, связанные с югом и Кавказом: именно здесь родился поэт, здесь повстречал первую любовь, с Востоком связано начало его литературного творчества (восточные переводы А. Тарковского).

II. Стихи 40-х гг. — топонимы, наполненные исторической семантикой тех лет: война, смерть Марины Цветаевой. И то и другое событие являются для поэта не просто культурно значимыми, они коснулись А. Тарковского непосредственно.

III. Стихи 50–60-х гг. — топонимическая лексика в стихах этого периода в большинстве своем связана с Москвой и Ленинградом (ныне Петербург). Это время признания А. Тарковского как самостоятельного поэта, а не только переводчика восточной поэзии. В 1962 г. выходит первый сборник его стихов «Перед снегом».

Анализ текстов различных лет, содержащих топонимическую лексику, показывает некое движение с юга к центру России, что соответствует реальной (биографической) смене мест обитания поэтом. При этом образ России расширяется до границ,

обозначенных самим поэтом, — места его рождения и обитания (это и собственно Россия, и Украина, и Дагестан...).

Подключая к анализу ландшафтную лексику, находящуюся на периферии лексики с локальным значением, можно заметить, что Россия видится поэту как водное пространство (большое в процентном соотношении количество слов, относящихся к тематической группе «Водное пространство» — географические наименования рек и озер).

Подводя итоги, мы можем отметить, что образ России в стихах А. Тарковского за счет топонимов имеет несколько слоев (культурный, интимный, литературный...). Поэт использует реальные, легендарные и мифологические топонимы для называния как реального пространства России, так и метафизического пространства, причем в этом случае топонимы подвергаются символизации и метафоризации (например, топоним «Елабуга», который обозначает не только реальное место на карте России, но и является символом безысходности, отчаяния, неискупленной вины). В этом случае понять причины использования топонима в том или ином контексте позволяет культурно-исторический комментарий.

Примечание

1. *Фонякова О. И.* Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.

© И. К. Скородумова
г. Екатеринбург

ВОКАТИВЫ В ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Способность слова употребляться в вокативной функции рассматривается в современных исследованиях как словарное свойство слов [1], однако толковые словари не фиксируют это свойство, а предлагаемые в них иллюстрации крайне редко включают высказывания, в которых слово было бы употреблено в функции обращения. Функция обращения незаслуженно рассматривается

© Скородумова И. К., 2011

как периферийная синтаксическая характеристика имени, в то время как при представлении многих наименований лиц в словаре эта характеристика может быть учтена и проанализирована.

Для определения границ класса вокативов необходимо учитывать формальные, семантические и коммуникативно-прагматические вокативные ограничения, которые сформулированы в работах В. Е. Гольдина, А. Г. Балакая, В. И. Карасика, Н. И. Формановской. Существуют также социолингвистические традиции употребления слова в вокативной функции. Например, при сопоставлении слов *ученый* и *профессор* обнаруживается, что *профессор* в отличие от *ученый* будет употребляться изолированно в вокативной функции: *Профессор, вас просят спуститься, без вас не начнут.*

Материалом исследования стали 119 наименований лиц по профессии, выбранных из толкового словаря русских существительных [2]. По типологии, предложенной В. И. Карасиком, такие наименования лиц относятся к стандартным статусным вокативам [3, 195]. Для определения способности существительного употребляться в функции вокативов нами был использован экспериментальный прием — подстановка существительного в конструкцию с вокативным значением. Проверить возможности употребления слова в вокативной функции позволяют данные Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

При отборе языкового материала было обнаружено, что в исследуемом словаре не оформлены как самостоятельные лексические единицы производные наименования лиц женского пола, например: *кондукторша, докторша, инспекторша, фермерша, морячка, радистка* и др. Эти единицы по лексикографической традиции помещаются в ту же словарную статью, что и соотносительное с ними существительное мужского рода.

Выявленные в словаре существительные принадлежат к таким идеографическим классам, как военная служба, религия, производство, управление, образование, транспорт, право, сельское хозяйство, сфера обслуживания, средства массовой информации, техника, охота и рыболовство, развлечения, экономика, строительство, т. е. охватывают все зоны, в которых человек обнаруживает социальную активность.

Рассмотрим в качестве примера идеографический класс «Образование», который включает 10 существительных, способных

употребляться в роли обращения: *абитуриент, воспитатель, гимназист, практикант, профессор, студент, ученик, учитель, школьник, юнга*. Чтобы убедиться в вокативном потенциале исследуемых слов, из Национального корпуса русского языка были выбраны все контексты, в которых существительные использованы в роли обращения (в скобках указано количество контекстов): абитуриент (94), воспитатель (6), гимназист (4), практикант (2), профессор (229), студент (58), ученик (14), учитель (79), школьник (5), юнга (6). Из приведенных статистических данных следует, что самым частотным в речи вокативным словом сферы «Образование» является существительное «профессор».

Анализ контекстов позволил обнаружить некоторые важные семантические свойства данного слова. Слово *профессор* способно обозначать роль человека в конкретной ситуации, в этом случае оно употребляется в сочетании с антропонимом, например: *Профессор Сальватор, желаете ли вы дать разъяснение по некоторым вопросам экспертов и прокурора* (А. Беляев). Слово *профессор* в изолированном употреблении обозначает относительно постоянный признак человека: *Вы маг и чародей, профессор, — сконфуженно вымолвил он* (М. Булгаков). Слово *профессор* может быть обращением, реализуя при этом шутливое характеризующее значение 'знарок своего дела'.

Как правило, это существительное употребляется с Вы-формами, хотя были отмечены случаи нарушения этикетных норм: *Короче, профессор, слушай сюда. С тобой тут бодягу разводить никто не будет* (А. Белозеров). Помимо семантических и прагматических особенностей, следует сказать и о синтаксической позиции слова *профессор*, которое способно занимать в высказывании препозицию, интерпозицию и постпозицию.

Как показало проведенное исследование, важным маркером вокативности является способность слова к абсолютному (изолированному) вокативному употреблению в начальной форме. Например, существительное *зритель* в форме единственного числа вряд ли может быть использовано в роли обращения, по крайней мере, такие примеры нами не были зафиксированы. Однако можно найти употребления данного слова в сочетаниях *уважаемые зрители, дорогие зрители*. Существенным обстоятельством представляется нам и идеографическая характеристика слова: очевидно, что «сгущение» вокативов в определенных денотативно-

идеографических сферах указывает на важность этих сфер для коммуникации.

Вокативный потенциал слов должен попасть в фокус внимания лексикографов, поэтому перспективой данного исследования может стать создание идеографического словаря вокативов.

Примечания

1. Янко Т. Е. Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/89.htm> (дата обращения: 01.05.2011).

2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005.

3. Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002.

© М. В. Слаутина

г. Екатеринбург

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Семантическая оппозиция «свой – чужой» (или «свое – чужое») является одной из основных, базовых оппозиций культуры. Ю. С. Степанов пишет: «Противопоставление “свои – чужие” пронизывает, в разных видах, всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, национального мироощущения» [1, 35]. Анализируя пространственную оппозицию «свое – чужое» в народной культуре, Е. Л. Березович отмечает ее преимущественную «вертикальность». «Очевидно, — пишет исследователь, — это объясняется тем, что “вертикальная” оппозиция таит в себе богатейший мифологический потенциал, поскольку пространственная вертикаль, соединяющая подземный

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», № 2.1.3./14060.

© Слаутина М. В., 2011

мир с небесным, неоднородна и не может быть освоена человеком, “закрепленным” в ее средней точке» [2, 43].

Выявление культурной семантики (в том числе оппозитивных смыслов) целесообразно проводить на уровне лексической группировки — синонимического ряда, антонимической группы, лексико-семантической группы, поскольку в этом случае значение слова «поддерживается» значениями других членов парадигмы [3]. Материал для настоящего исследования извлекался из серии словарей, созданных под руководством профессора Л. Г. Бабенко [4].

Оппозиция «свой — чужой» в приложении к обществу осмысливается через разноуровневые социальные связи человека: этнические (свой/чужой народ), конфессиональные (своя/чужая вера), семейные (своя/чужая семья) и т. п.

В религиозной лексике русского языка эта оппозиция соотносится с такими признаками, как вера в существование Бога, отношение к религии, конфессиональная принадлежность, соответствие образа жизни, поведения религиозной норме.

По отношению к религии человек характеризуется как верящий/не верящий в Бога, признающий/не признающий религию. В самом общем виде это противопоставление отражено в антонимической паре *верующий* — *неверующий* (ср.: *Верующий* — человек, который верит в Бога; *Неверующий* — человек, который не верит в существование Бога, отрицает религию. — БТСРС). «Чужой», с позиции религиозного сознания, — это тот, кто находится вне религиозной жизни, живет без Бога — *безбожник*. В значениях слов актуализируется противоположная оценка при отсутствии нейтральной позиции, что находит отражение в лексическом значении синонимов: *Атеист*, *неверующий*, *устар. афей*, *разг. безбожник* (ср.: *Атеист*, *афей* — тот, кто не признает существования Бога и сверхъестественных сил, отрицает религию, при этом пытается научно обосновать свои взгляды; сторонник атеизма; *неверующий* — тот, кто не верит в существование Бога и сверхъестественных сил; *безбожник* — тот, кто не верит в существование Бога, часто агрессивно демонстрирует свое негативное отношение к религии и церкви. — БТСРР). Это связано с тем, что, с точки зрения религиозного сознания, нормой является именно вера в Бога, поэтому отклонение от нормы — неверие — оценивается отрицательно, что подтверждается употреблением слов, входящих

в синонимический ряд, в ироническом контексте. Например: *Довелось наблюдать публичный диспут на ТВ между депутатом Чуевым, отстаивавшим позиции православия в нашем обществе, и совершенно жалким атеистом, жалким, прежде всего, в абсолютной беспомощности его доводов. Протестовал сей реликтовый афей против упоминания Бога в гос. гимне. Если и все прочие атеисты таковы, то опасаться нечего — это жалкие остатки некогда все- сильной воинствующей банды* (<http://pravaya.ru/news/5657>).

Второй аспект противопоставления — **отношение к своей/ чужой конфессии** (своей/ чужой вере). Характерной особенностью восприятия «чужих» религий является отношение к ним как к ненастоящей вере, даже безверию («чужой» Бог оценивается отрицательно, он не может быть истинным Богом). В русской языковой картине мира в первую очередь находит отражение оппозиция *христианство — мусульманство* (ср.: Иноверец, *трад.- поэт.* басурманин, *устар.* басурман, *разг.* некрещеный, *разг.-сниж.* нехристь; Мусульманин, правоверный, *устар.* магометанин; Неверный, *устар.* гяур. — СТСРР).

Характеристика «свой — чужой» может быть приложима и к членам «своего» коллектива, если речь идет о **соответствии или несоответствии образа жизни, поведения человека религиозной норме**. Как «свой» оценивается тот, кто искренне верит в Бога, не нарушает заповедей, соблюдает религиозные обряды и т. п. Оппозитивные смыслы представлены синонимическими рядами с противоположным значением. С одной стороны, Верующий, богобоязненный, богомольный, молитвенный, набожный, праведный, религиозный, *устар.* благочестивый, *устар.* богобоязливый, *устар.* боголюбивый; с другой — Грешный, многогрешный, неправедный, *разг.* безбожный, *разг.* нечестивый и Грешник, святотатец, *разг.* безбожник, *разг.* беззаконник, *разг.* греховодник, *разг.* нечестивец. — СТСРР).

Интересно отметить подвижность оппозиции «свой — чужой» в отношении религии. Так, человек, недавно принявший веру, еще не вполне «свой» (ср.: *Новообращенный, неофит* — человек, недавно принявший новую веру, новый последователь какой-либо религии; *Прозелит* — человек, принявший новую веру, ставший последователем какого-либо учения, возможно отказавшийся при этом от прежних взглядов. — БТСРС). В контексте такой человек оценивается если не отрицательно, то иронично: *У неофита*

на все случаи жизни имеются расхожие правила, а на любую человеческую боль — прописные истины (Г. Дублинский); Что за прибыль в новых прозелитах, которые потом составляют в христианстве тот вредный, но, к сожалению, постоянный кадр людей без веры, без чести, без убеждений — людей, ради коих «имя божие хулится во языцех» (Н. Лесков). Однозначно отрицательно (как «чужой») оценивается тот, кто отрекся от своей веры, однако он воспринимается как «бывший свой» (ср.: *Вероотступник* — тот, кто перестал верить в Бога и/или перешел в другую веру; *Богоотступник* — тот, кто перестал верить в Бога, отрекся от своей веры, религии; *Еретик* — тот, кто отрекся от своей веры и стал приверженцем ереси — вероучения, отклоняющегося от догматов господствующей религии. — БТССРР). Таким образом, человек, бывший членом «чужого» коллектива, может стать «своим», и наоборот, «свой» — перейти в «чужую» веру.

Таким образом, семантическая оппозиция «свой — чужой» затрагивает различные аспекты религиозной жизни человека: отношение к религии как форме общественного сознания, отношение к религиозной конфессии, соответствие или несоответствие поведения религиозной норме.

Примечания

1. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре : монография. М., 2007.
2. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.
3. Бабенко Л. Г. Предисловие // Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007. С. 14–17.
4. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005 (в тексте — БТСРС); Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под. общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007 (в тексте — СТССРР); Большой толковый словарь синонимов русской речи / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2008 (в тексте — БТССРР).

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКИХ В РЕКЛАМНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Эффективность рекламы зависит от многих факторов: экономических, политических, социально-исторических и др. При построении рекламы необходимо учитывать эту множественность условий и требований действительности. Современная реклама развивается в противоречивом мире, в котором действуют две разнонаправленные силы: тенденция к унификации, к стиранию индивидуального, национального и тенденция противоположная — к подчеркиванию национального своеобразия. Как отмечается многими исследователями рекламного дела, реклама будет действенной, если будет включать в себя сигналы именно национального, которые опознаются потребителем как «свои». Поскольку реклама стала неотъемлемой частью городского ландшафта, активно заполняет культурное пространство города, она в той или иной степени транслирует (и формирует) ключевые смыслы национальной картины мира. Если пространство — это выражение «соположения материальных объектов, то для описания этого атрибута бытия важна прежде всего организация этих объектов, выстроенная по определенным параметрам: центр/периферия; верх/низ; справа/слева; далеко/близко; открытость/замкнутость; охват и т. д. Важна семантика расстояний между предметами и точка зрения на объекты, то есть их восприятие» [1]. Для рекламного сообщения важными оказываются еще несколько семантических координат — «свой-чужой», «престижность-непрестижность». Именно с ними связана проблема национальной идентичности потребителей рекламы.

Материальными носителями информации о национальной принадлежности потребителя в рекламном сообщении являются нейм (коммерческое имя товара/фирмы), рекламный образ, обращение к адресату и система аргументов «к человеку», включающая в себя некие эталоны, образцы, с которыми реципиент идентифицирует себя или на которые проецирует свои представления, образы, ценности.

В денотативном пространстве города его житель прежде всего сталкивается с неймами — именами фирм, компаний, товаров. Эти номинации формируют символическое пространство, маркированное по признаку «свой–чужой», причем мы наблюдаем четкую социальную стратификацию: признак «свой», «русский» актуализируется в сегменте среднего и эконом-класса; «чужой», «иноземный, не-русский» — в премиум-классе. Эта дифференциация часто манифестируется и графически — за счет использования разных графических систем (латиницы и кириллицы), а иногда и их причудливого объединения, своеобразного «графического пиджина» (графодериваты типа *TRIжелания, Япона Pub*).

Анализ неймов предприятий питания, служб такси и салонов красоты подтверждает это наблюдение. Так, 31 заведение питания премиум-класса имеет номинации, в 20 (65 %) из которых в графическом начертании используется латиница: *Le Vicomte, Sea Zone, Paparazzi, Vatel, Noble House, Costa Costa* и др.; 11 (35 %) написаны кириллицей: *Морисан, Венеция, Тюрингия, Моретти, Версаль, Порт Стэнли, Зефир, Прокофий, Манилов, Троекуров*. Однако анализ семантики этих номинаций показывает, что лишь три нейма имеют отношение к русской культуре, а сами рестораны, будучи заведениями представительского класса, служат своеобразной визиткой «русскости» в г. Екатеринбурге и ориентированы прежде всего на иностранцев.

Картина меняется при обращении к неймам, называющим предприятия питания среднего и эконом-класса. Из 54 неймов ресторанов и кафе, ориентированных на средний класс, только 5 (9 %) имен написаны с помощью латиницы: *The Perchik, Broadway, Zasada, Marys kitchen, Cherry Berry*. Заведения эконом-класса все написаны на кириллице и так или иначе связаны с русской культурой: *Сытый хлопчик, АмБар, Славянка, Пельмешка, Вознесенская*.

Примерно такая же картина складывается при анализе неймов салонов красоты и служб такси. Во всех трех выделенных сферах выявляется яркая закономерность: среди заведений, ориентированных на представителей элит, для графического оформления неймов широко используется латиница: 65 % неймов среди ресторанов премиум-класса; 45 % неймов среди салонов красоты; 46 % неймов среди транспортных компаний. Помимо латиницы, маркирующей «не-свое, иноземное», используются экзотизмы и транслитерационные написания иностранных слов на кириллице.

В названиях предприятий, заполняющих культурно освоенное пространство г. Екатеринбурга, отчетливо проявляется тенденция в отстройке представителей элиты от остальных групп населения. Для номинации заведений представительского класса, как правило, выбираются «нерусские» имена, сигнализирующие как бы о высоком уровне обслуживания и, следовательно, о статусе как самой компании, так и ее клиентов. В сегменте премиум-услуг транслируются западные ценности и атрибуты иностранных культур, что является следствием глобализации. Получается, что чем выше статус человека, тем сильнее его стремление выглядеть космополитом, жить по европейским стандартам и отталкиваться от национального.

Наши выводы о том, что в неймах осознанно или неосознанно проявляется отмеченная выше социальная стратификация, подтверждает и набор смыслов национальной русской картины мира, активно транслирующихся через коммерческие имена. Этот набор достаточно ограничен и в целом соответствует типичным признакам, формирующим национальную идентичность русских: *воля, свобода, широта души, стремление к крайностям, тоска*. Эти смыслы репрезентируются через слова-символы *Иван-да-Марья, Иван, березка, плакучая ива, тройка, ветер*.

Будучи частью семиозиса культуры, реклама так или иначе отражает и одновременно транслирует, формирует значимые для общества смыслы. В условиях поиска Россией национальной идеи, идентичности реклама играет одну из главных ролей в этом процессе.

Примечание

1. Гак В. Г. Пространство вне пространства // Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998. С. 670–678.

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Авторские неологизмы — явление преимущественно текстовое, создающееся ради определенного контекста и существующее только внутри него, поэтому вступление таких единиц в системно-языковые отношения, участие в процессах концептуализации и категоризации мира выглядит на первый взгляд сомнительным. Но при более внимательном рассмотрении этой группы лексики можно увидеть, что продукты авторского словотворчества (при условии, что это словотворчество носит регулярный характер) способны вступать в системно-языковые отношения и могут быть изучены с применением идеографического метода.

В основу исследования легли две системы словотворчества, представленные в поэзии русского авангарда, созданные В. Хлебниковым и Д. Ревякиным. Сопоставительный аспект в данном случае позволяет не только выявить общие черты и индивидуальные особенности семантики авторских неологизмов, но и применить идеографический метод к разным системам, чтобы определить возможности и границы его использования.

При исследовании семантических особенностей авторских неологизмов В. Хлебникова и Д. Ревякина было произведено разделение лексики на семантические группы (в соответствии с идеографической сеткой Словаря-тезауруса синонимов русской речи под ред. Л. Г. Бабенко [1]).

С точки зрения соответствия языковой категоризации мира представляется возможным выявить следующие особенности неологического творчества исследуемых авторов. Неологизмы В. Хлебникова покрывают все денотативные сферы лексики, отраженные в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи». Слова, созданные Д. Ревякиным, покрывают подавляющее большинство

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», № 2.1.3./14060.

денотативных сфер лексики, отраженных в данном словаре — неологизмами не представлены сферы «оценка» и «нации». Такой показатель соответствия в первую очередь демонстрирует адекватность применяемого метода и позволяет сделать вывод о том, что индивидуально-авторские неологизмы принимают активное участие в категоризации художественного мира создавших их поэтов. Эти единицы называют те объекты и категории, для которых поэту невозможно подобрать имя из существующих в языке слов. Таким образом, неологизация становится маркером процесса познания мира через слово.

С точки зрения частотного распределения неологизмов мы можем говорить о наибольшей проработанности сфер «Живая природа» (44)¹, «Восприятие окружающего мира» (23) и «Эмоции» (17) у В. Хлебникова и «Восприятие окружающего мира» (33), «Социальная сфера жизни» (16) у Д. Ревякина. Если принять гипотезу о том, что важность денотативной сферы для творчества автора определяется ее неологической разработанностью (неологизм — это единица, всегда маркирующая значимость называемой реалии), из приведенных данных можно сделать некоторые выводы об авторской картине мира. В частности, активное неологическое освоение В. Хлебниковым указанных сфер дает подтверждение гипотезе Д. О. Морозова, который полагает, что В. Хлебникову «важно показать многообразие форм внешнего и внутреннего мира» [2, 304] и описать это многообразие наиболее адекватными словами, коими для него являются неологизмы. Разработанность денотативных сфер «Восприятие окружающего мира» и «Социальная сфера жизни» у Д. Ревякина подтверждает нашу гипотезу о том, что в центре мира в его поэзии находится человек, лирический герой, и неологизмы в этом случае задают своего рода «систему координат» — как пространственно-временных, так и социальных.

Показательной для авторской поэтической системы, на наш взгляд, является также неразработанность или крайне малая неологическая представленность отдельных денотативных сфер. Такие сферы можно считать наименее значимыми для построенного автором мира. Так, В. Хлебников наименьшее внимание

¹ Цифра в скобках обозначает количество авторских неологизмов, отнесенных к данной денотативной сфере.

уделяет сферам «Человек как живое существо», «Быт», «Нации», «Населенный пункт», представленным одним неологизмом каждая. Вероятно, так происходит потому, что автору не особенно важен человек как таковой, он скорее интересен как часть природы (эту идею подтверждают неологизмы, «гибридизирующие» человека и окружающий его мир: *утровласая (дева)*, *девищедымный (слон)* и т. д.). Для Д. Ревякина наименее важными оказываются сфера «Человек как живое существо», представленная одним неологизмом, и сферы «Нации» и «Оценка», не представленные вовсе. Незавершенность последней сферы косвенно подтверждает нашу гипотезу о том, что функция оценки для авторского неологизма является периферийной, в то время как номинативная — основной.

Общей семантической особенностью неологизмов В. Хлебникова и Д. Ревякина является тот факт, что некоторые из них могут быть отнесены одновременно к нескольким денотативным сферам. В ряде случаев это связано со способом словообразования: неологизмы, образованные сложением, обладают одновременно семантикой двух корней, и иногда бывает сложно определить, какое значение доминирующее (например, неологизм В. Хлебникова *вечерогривый (И вечерогривы кони...)* [3, 104] можно отнести к сферам «Восприятие окружающего мира» (подсфера «Время») и «Строение живого существа», в зависимости от того, какой из двух корней мы воспринимаем как доминирующий). Иногда это связано с контекстуальной семантикой, каковая обуславливает двойственность значения неологизмов (например, неологизм Д. Ревякина *узарень* не имеет самостоятельной пространственной семантики, но она наводится контекстом: *Успеть принять глазами первых собой, / Плакать в узарень в травах босой*) [4]. В единственном случае это связано с проблемой установления мотивирующего слова (значение неологизма В. Хлебникова *стожарный* можно идентифицировать как «очень ярко горящий», если допустить, что оно образовано сложением, или как «имеющий отношение к созвездию Плеяд», если оно образовано суффиксацией, соответственно он может быть отнесен как к сфере «Восприятие окружающего мира», так и к сфере «Неживая природа», подсфере «Небесное пространство и небесные тела»).

Результаты исследования показали, что создание идеографического словаря авторских неологизмов не только возможно, но и

оправданно. Такой словарь позволит глубже проникнуть в смысловую структуру авангардного текста и продемонстрировать категоризацию авторской картины мира.

Примечания

1. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007.
2. Морозов Д. О. Процессы неологизации в русской поэзии XX века : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
3. Хлебников В. Поэзия, драматические произведения, проза, публицистика. М., 2001.
4. Ревякин Д. Песенные тексты. URL: <http://kalinovmost.ru/albums> (дата обращения: 20. 04. 2010).

© А. А. Упоров
г. Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА «РУССКИЙ» В ПРОЗЕ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Время, на которое пришелся расцвет творческой деятельности русского философа К. Н. Леонтьева (1831–1891), — вторая половина девятнадцатого столетия — период бурных споров о судьбе русского народа и о его национальной исключительности, особом пути, по которому должна развиваться русская цивилизация. К. Н. Леонтьев был одним из активных участников этой полемики.

О значении «русского» для Леонтьева писал Л. А. Тихомиров: «...если нужно выразить самое центральное место его личности, его значения, то, я думаю, что определить это можно так. В Леонтьеве — русский человек резче, яснее, отчетливее чем в ком бы то ни было сознал свое культурно-историческое отличие от европейца, и именно поэтому увидал, какой страшной опасностью

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., № 16.740.11.0413 и АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», № 2.1.3./14060.

грозит ему тип европейский. Сознание высоты своего русского типа у Леонтьева доведено до полной ясности» [1].

По данным Национального корпуса русского языка, слово «русский» употреблено Леонтьевым в 36 документах из 37 текстов, включенных в корпус, количество употреблений достигает 1347 единиц.

Учитывая эту «экстралингвистическую напряженность» слова «русский» в период творчества Леонтьева и его высочайшую употребительность в текстах философа, обратимся к анализу его контекстной семантики.

В большинстве текстов Леонтьева лексема «русский» употребляется в одном из словарных значений: 1. К *Россия* и *Русь*. 2. Принадлежащий русским, созданный русскими или свойственный русским [2]. Однако особый интерес представляет анализ употреблений этой лексики в текстовом пространстве одной повести — «Египетский голубь» (1881), имеющей подзаголовок «Рассказ русского». Очевидно, что с помощью подзаголовка актуализируются определенные повествовательные стратегии.

Приведем наиболее яркие и значимые контексты, обратив предварительно внимание на экстралингвистические сведения.

Дело в том, что несколько контекстов связано с сюжетом, который определяется исследователями (прежде всего В. А. Котельниковым) как автобиографический. Однажды, взбешенный дерзостью французского консула, неуважительно говорившего о России, Леонтьев, бывший сотрудником российского консульства на Балканах, ударил его хлыстом, причем дело происходило в канцелярии консула. Подобная же история, пусть и очень скудно, описывается и в повести.

Я, конечно, не искал формальной правильности, поступая так, — отвечал я. — Я нахожу, что по чести *русской* я поступил правильно, проучив этого негодяя... Я прошу помнить, что он сказал мне (или вернее сказал не мне, а русскому): «извольте выйти вон и чтобы нога ваша не была более на пороге нашей канцелярии...» Разве можно было не ударить его? <...>

Антониади как муж, повторяю, негодует на вас, но как грек, как ваш единоведец, понимаете, он очень доволен вашим поступком с известным вам «печальным европейцем». Об этом ведь так много писали в греческих газетах, и ваше имя в греческой печати известнее, чем вы думаете. Он не любит ту нацию, представитель которой пострадал от *русской* руки... Поэтому подите все-таки и сделайте им визит. Он примет вас внимательно и сам, конечно, отдаст вам его.

Всякий русский может быть рад, что вы его (того, который в отрывке выше назван «печальным европейцем». — А. У.) съездили (чтоб он не смел русским грубить); но ведь нельзя открывать новую эру дипломатии побоев на основании вашего прецедента, который лично, положим, может все-таки нравиться. Держите *русское* знамя высоко; я буду, верьте, помогать вам; но постарайтесь не прибегать уж слишком часто к таким *voies de fait*...

Очень часто с помощью слова «русский» Ладнев подчеркивает свою отличность от других, свою уникальность, а также понимание того, что, находясь на дипломатической службе, он является «лицом нации» (субстантивированное употребление):

Ответственность на мне лежала большая; я был один *русский* на целую обширную иноземную область с населением смешанным, политически впечатлительным.

Принадлежность к русскому народу оценивается Ладневым очень позитивно, он гордится своей национальной принадлежностью. «Русскость» включается им в один ряд с молодостью и пребыванием в Турции. Все перечисленное вместе составляет счастье героя:

Как я счастлив, о Боже! Мне так ловко и тепло в моей меховой *русской* шубке, крытой голубым сукном. Как я рад, что я русский! Как я рад, что я еще молод! Как я рад, что живу в Турции!

Леонтьевская теория «триединого процесса» актуализирует противопоставление слова «русский» слову «европеец». По леонтьевской логике, слово «европеец» ассоциируется со словами «обычный», «тривиальный», «банальный», а слово «русский» — со словами «исключительный», «особенный».

Итак, слово «русский» в повести употребляется весьма часто, оно способно конденсировать авторскую мысль, отсылая нас, в частности, к философско-публицистическим трудам Леонтьева. С помощью этого слова выполняется соотнесение фактологического и концептуального уровней текста.

Примечания

1. Константин Леонтьев: *pro et contra*: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг. : антология : в 2 кн. СПб., 1995.

2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.

ОБРАЗ РОССИЯНИНА В СОВРЕМЕННОЙ АНглиИ (на материале личных наблюдений)

Ни для кого не секрет, что, приезжая в другую страну, каждый путешественник встречается со стереотипами, которые существуют в любой культуре относительно других культур. Временами эти стереотипы бывают очень смешными, временами довольно обидными. Некоторые стереотипы еще можно как-то объяснить, ссылаясь на исторические предпосылки или другие факторы, однако большая часть этих представлений основана на домыслах и догадках, которые подпадают под классификацию «где-то я это видел», «кто-то мне рассказал». Подобным образом и создается восприятие разных культур и представление о носителях этих культур.

Несмотря на это не стоит скрывать, что подобные суждения существуют, но все-таки от них надо как-то избавляться. Одним из способов развенчания стереотипов является общение с иностранцами и в первую очередь ответы на их вопросы.

Общение с представителями английской культуры позволяет составить приблизительный портрет россиянина. К сожалению, этот образ не радует своим содержанием.

Основные характеристики, которые дают россиянам, — это *cold, reserved, drinker, unfriendly*. Рассмотрим эти характеристики немного подробнее.

В оксфордском словаре мы находим следующее значение слова *cold* — *not kind, friendly or enthusiastic* (холодный — нелюбезный, недружелюбный, неэмоциональный — здесь и далее перевод автора) [1, 218]. Характеризуя россиянина, британцы ссылаются на то, что русские недостаточно эмоциональны и отзывчивы, поэтому слово *cold* вполне вписывается в контекст подобных суждений.

Reserved — *slow to show feelings or express opinions* (замкнутый — медленно проявляющий чувства или выражающий мнение [Там же, 997]). Подобная характеристика частично перекликается с предыдущим словом, однако несет в себе идею того, что русские

люди все держат в себе и не высказывают своих суждений. Подобная характеристика вызвана историческими предпосылками. Прекрасно осведомленные о существовании СССР британцы полагают, что политический режим там был настолько жестким, что россияне до сих пор не могут «открыться» миру в плане своих взглядов и своих чувств.

Drinker — a person who drinks alcohol, usually excessively (пьющий — человек, который пьет алкоголь, чаще всего в больших количествах [1, 356]). Данный стереотип очень сильно укоренился в умах иностранцев не только в Англии, но и в других странах мира. Например, в Америке у полицейских, следящих за соблюдением правил дорожного движения, в протоколе освидетельствования есть графа — «смертельная доза (не для русских)». В большинстве случаев данный стереотип очень сильно преувеличен, например, многие иностранцы считают, что русские выпивают по сто грамм водки перед каждым приемом пищи, «для аппетита». Иностранцы очень удивляются, когда русские отказываются выпить или пьют немного, так как они полагают, что каждый русский может выпить огромное количество алкоголя без каких-либо сильных последствий для организма. Однако у данного стереотипа есть еще один стимул. В одной из серий популярного во всем мире мультсериала «The Simpsons» («Симпсоны») Гомер с друзьями, проводя время в баре «У Мо», проверяет степень опьянения каждого, кто присутствует в данном помещении. Шкала оценки начинается с отметки «трезв» и заканчивается самой сильной степенью, которая имеет название «как Борис Ельцин». Исходя из опыта общения, заметим, что с этим стереотипом сложнее всего бороться.

Unfriendly — not kind or sympathetic (недружелюбный — нелюбезный или несочувствующий) [Там же, 1302]. Очередная характеристика, указывающая на закрытость русского характера и невозможность сопереживать чужому несчастью.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что современные представители английской культуры воспринимают *россиянина как человека замкнутого, держащего при себе все чувства и мысли, неспособного сопереживать и сочувствовать*. Формированию подобного представления способствовало отчасти историческое развитие нашей страны, отчасти — ее географическое положение. Но независимо от того, что является причиной подобных

характеристик, необходимо развенчивать эти мифы посредством налаживания контактов с носителями других культур.

Примечание

1. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. J. Crowther. Oxford, 1998.

© Н. В. Царегородцева
г. Екатеринбург

ОПЫТ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ АНТОНИМОВ В СОСТАВЕ ПАРЕМИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В лингвистической литературе можно найти множество примеров, указывающих на целесообразность исследования словарного состава в рамках тематических групп. Данная идея в разные времена привлекала внимание таких ученых, как Д. Н. Шмелев, И. И. Срезневский, Ф. П. Филин, Ю. Д. Караулов, В. Г. Костомаров, Л. А. Новиков. Последний, в частности, в своих трудах подчеркивал правомерность распределения антонимов по тематическим классам [1, 18]. О ценности идеографической классификации замечательно сказал один из современных исследователей теории и практики лексикографии В. В. Дубичинский. По его мнению, идеографический способ представления лексического материала дает возможность хорошо описать лексические единицы и построить систему логических связей [2, 79].

Когда мы задались целью провести парадигматическое описание антонимических корреляций, функционирующих в составе английских оппозитивных паремий (например, *Poor by condition, rich by ambition; An ill cow may have a good calf; Long hair and short wit*), именно идеографический способ расположения исследуемого материала нам показался наиболее приемлемым.

Известно, что идеографическое структурирование лексики основывается на двух фундаментальных парадигматических отношениях: несовместимости и гипонимии. В свою очередь, современная семантика рассматривает антонимию с точки зрения реализации

в ней родо-видовых отношений, постулируя, таким образом, гипонимический характер связей, лежащих в основе антонимических противопоставлений. Такое положение дает нам основание считать, что предпринимаемая нами попытка идеографического описания антонимических корреляций позволит проследить глубинные парадигматические связи между языковыми явлениями, отражающими родо-видовые отношения в лексике.

При выделении тематических групп мы опирались на «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» под общей редакцией профессора Л. Г. Бабенко [3]. Этот выбор далеко не случаен. Синхронная связь между синонимами и антонимами, которая прослеживается в синонимико-антонимических парадигмах, возникает на основе категориально-лексической семы, создающей определенное понятийное пространство. Мы полагаем, что в основе этой связи лежат отношения гипонимии.

Таким образом, вслед за авторами указанного выше словаря мы предварительно распределили отобранные антонимические корреляции по семи тематическим группам: 1) живая природа; 2) неживая природа; 3) эмоции и чувства; 4) интеллектуальная деятельность; 5) конкретная физическая деятельность; 6) социальная сфера; 7) универсальные смыслы.

Каждая из этих групп разделена на подгруппы, количество которых может варьироваться. Так, например, в смысловом континууме группы «Живая природа» выделены три подгруппы: «Животный мир» (*wolf — sheep, cat — mouse, fox — geese, goose — gosling, hen — cock, lion — dog, tortoise — hare*), «Растительный мир» (*oak — reed, grapes — thorn, roses — thorns, grain — chaff, grain — husk*), «Характерные особенности живого существа» (*old — young, healthy — sick, drunk — sober, life — death, body — mind, sleep — wake*). Следует отметить, что подгруппу «Животный мир» можно поделить на более мелкие разряды, например: «Птицы», «Рыбы», «Животные».

В группе «Конкретная физическая деятельность» выделяются две подгруппы: «Движение» (*ascend — descend, rise — fall, raise — lay, open — shut, hit — miss, come — go, fall — stand*) и «Воздействие на объект» (*make — break, make — unmake, make — mar, mend — spoil, mend — tear, sow — reap, sow — mow*).

Ограниченный объем данных нашей выборки, однако, не позволяет произвести деление всех подгрупп на более мелкие

разряды, поскольку в этом случае в них оказывается незначительное количество единиц классификации (антонимических корреляций). Тем не менее опыт убеждает, что целенаправленная работа по созданию идеографического словаря антонимов, безусловно, расширит иерархическую структуру смысловых множеств и соответствующих подмножеств антонимических рядов.

При описании тематических групп мы придерживались следующей процедуры. Во-первых, мы рассматривали отобранные антонимические корреляции по их положению в структуре антонимического поля, т. е. выявляли градуальные и комплементарные оппозиции (ядерная зона), оппозиции конверсиров: релятивов, реверсиров и т. д. (центральная зона), оппозиций квазиантонимов (зона ближайшей периферии) и окказиональные оппозиции (зона дальнейшей периферии).

Оппозиции градуальных и комплементарных антонимов, а также квазиантонимов довольно равномерно расположились во всех группах.

Наибольшее количество конверсиров было обнаружено в группах «Конкретная физическая деятельность» и «Социальная сфера», где они представлены глаголами со значением противоположно направленного действия (реверсивами) и существительными с номинацией социально-ролевых отношений (релятивами).

Окказиональная антонимия наиболее распространена в группе «Живая природа», где она составляет приблизительно половину от общего количества антонимических корреляций (58 из 115). Это главным образом зооморфизмы: *minnow — whale, fly — elephant, ass — horse, sparrow — pheasant, swans — geese, wolf — lamb*.

Во-вторых, мы анализировали количественный состав каждой группы на основе категориально-грамматической семы, т. е. определяли принадлежность членов антонимических корреляций к различным грамматическим классам (частям речи). Полученные данные свидетельствуют о преобладании оппозиций имен существительных во всех группах, кроме пятой и седьмой («Конкретная физическая деятельность» и «Универсальные смыслы»), где соответственно оппозиции глаголов и прилагательных оказались наиболее частотными. В каждой группе были также обнаружены случаи межчастеречной антонимии (грамматически неоднородное противопоставление корневых морфем): *fool — wise man, to see — blind, gain — to lose, deaf — to hear, born — to die*. Интересным

также оказался анализ так называемой «отраженной антонимии» по словообразовательным связям. В исследовании имеются антонимические корреляции с семантикой «жизнь — смерть» (*life — death*), которые образуют антонимическое гнездо по категориально-грамматической семе. Вокруг оппозиции глаголов *live — die* группируются оппозиции других частей речи, в том числе прилагательных (*dead — living, dead — alive*) и образованных от них субстантиватов (*the living — the dead*). Оппозиции соответствующих существительных (*live — death*) встречаются также неоднократно. Кроме того, обнаружены оппозиции герундия (*living — dying*) и причастий Participle I и Participle II (*dying — lived*). Межчастеречная оппозиция глагола и существительного *to live — death* обнаружена дважды.

В-третьих, изучались особенности семантической и семной структур членов антонимических корреляций и анализировались взаимосвязи антонимии с полисемией и синонимией.

Изучение словарных дефиниций исследуемых лексем в моноязычных толковых словарях, сопоставление полученной информации с данными словарей антонимов, синонимов и многозначных слов позволило обнаружить ряд антонимических пар, которые правомерно могут быть признаны принадлежностью языка, а не речи, несмотря на то, что они не зарегистрированы в словарях антонимов, например: *to gather — to give, to gather — to throw, to give — to get, to keep — to lose, king — subject, mistress — maid, dirty — fresh, naughty — good, pickle — mickle* и др.

Примечания

1. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 2006.
2. Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография. Вена ; Харьков, 1998.
3. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

ПОИСКОВЫЕ СИСТЕМЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТИПОВЫХ ЗАПРОСОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

В настоящее время наблюдается особое внимание лингвистов к вопросам функционирования языка в сети Интернет. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных изучению речевого материала сети Интернет, некоторые языковые явления так и остаются неизученными. Одной из таких лакун является весьма специфическая единица — пользовательский поисковый запрос.

Запрос, будучи лингвистическим феноменом, сегодня изучается исключительно в работах нелингвистической направленности. Во-первых, на материале пользовательских поисковых запросов проводятся исследования, связанные с информационным поиском, в частности, разработка и оптимизация поисковых систем. Во-вторых, запросы изучают специалисты по продвижению информации в Интернете, для них самым важным компонентом в пользовательском запросе становится цель поиска, понимание которой способствует более точному донесению информации до пользователя (это особенно актуально, например, для внедрения контекстной рекламы). В-третьих, запросы изучаются в аспекте работы конкретной поисковой системы. Эти исследования занимают промежуточное положение между первым и вторым направлением, так как они, с одной стороны, касаются вопросов разработки поисковых систем, а с другой — отражают механизмы распространения информации в Интернете.

Сложность лингвистического изучения поискового запроса состоит в неприменимости к нему сопоставительного метода, которым до сих пор пользовались исследователи, изучая интернет-тексты. Таким образом можно изучать электронные СМИ, электронное письмо, сопоставляя с традиционными, ранее изученными явлениями и выявляя специфические черты. Что же касается запросов, то для их изучения подобным методом достаточно трудно найти единицу в среде описанных и изученных ранее. Поэтому для лингвистического исследования необходимо определить

статус запроса в языковой системе и дать его описание в системе лингвистических понятий и терминов.

Для осуществления анализа мы взяли 500 пользовательских запросов из прямого эфира поисковой системы Яндекс [1]. В выборку не включались навигационные запросы, запросы, содержащие латиницу и однословные аббревиатуры. Прежде чем начать анализировать структуру запроса, необходимо обратить внимание на то, в каких условиях пользователь формулирует поисковый запрос.

Во-первых, ситуация поиска в коммуникативном отношении однотипна, так как запрос всегда выражает желание пользователя найти какую-то информацию, узнать что-либо. Исходя из этого, мы можем говорить, что в запросе есть некий невербализованный компонент, который характеризует целеустановку пользователя. Л. Н. Мурзин утверждает: «Не нуждается в вербализации та часть содержания текста, которая ясна из ситуации общения. Но вот, что важно подчеркнуть: все невербализованные компоненты текста могут быть при необходимости вербализованы» [2, 23]. Если попытаться реконструировать невербализованные элементы запроса, то мы увидим, что необходимыми и повторяющимися в ситуации информационного поиска всегда являются: субъект поиска — человек, который осуществляет поиск; предикат — желание пользователя узнать что-либо, найти какую-либо информацию. В виде естественно-языковой конструкции эту ситуацию можно обозначить как «Я хочу узнать о...» или «Я хочу получить информацию о...». Позицию объекта в этом случае занимает текст поискового запроса, и если запрос оформлен как единица без грамматических нарушений, то мы вполне можем преобразовать его в простое или сложное предложение (например: [Я хочу найти информацию о] деятельности музеев; [Я хочу узнать о] новом учебном оборудовании, или [Я хочу узнать], что такое Прованс; [Я хочу получить информацию о том], какая польза от кроликов).

Во-вторых, особенность этой коммуникации обусловлена спецификой работы поисковой системы. Методы обработки поискового запроса допускают грамматическую свободу организации высказывания, делают необязательным формальное выражение подчинительной связи, больше внимания уделяя лексической стороне поискового запроса — пользователь должен быть очень внимателен при отборе лексических средств для запроса, так как

именно от них зависит количество релевантных документов. Поэтому можно предположить, что сначала пользователь формулирует запрос в форме естественно-языковой конструкции, затем пытается предположить, какие документы поисковая система будет считать релевантными этому запросу, и в случае необходимости дополняет запрос, не меняя синтаксической структуры исходного запроса. Подобные единицы Л. В. Сахарный определял как тексты-примитивы: «текстовые структуры небольших размеров с полным (или почти полным) отсутствием привычных для нормы специальных средств связности» [3, 221].

Учитывая эти особенности, можно вывести два важнейших качества структуры запроса:

1) структура поискового запроса членима. В ней выделяются структурно-семантические блоки, основанием для разделения которых служит отсутствие грамматической связи между этими блоками;

2) структура поискового запроса принципиально линейна. Она отражает мыслительную деятельность пользователя, поэтому при представлении запроса в виде естественно-языковой конструкции важно сохранить порядок следования частей.

С учетом этих замечаний мы исследовали ряд двухэлементных запросов (слово + словосочетание) и пришли к выводу, что отношения между двумя формально не связанными компонентами могут быть сведены к трем типовым моделям (X — левый компонент, Y — правый компонент):

1. Ограничение количества информации об объекте поиска.

[Я хочу получить информацию о X , но меня интересует не вся информация о X , а только та ее часть, которая имеет отношение к Y].

К данной модели пользователь прибегает, когда понимает многоаспектность компонента X и актуализирует какой-либо аспект компонента X путем введения компонента Y .

Например, запрос «александр невский отчество» следует интерпретировать следующим образом:

[Я хочу получить информацию об Александре Невском, но меня интересует не вся информация об Александре Невском, а только та ее часть, которая имеет отношение к отчеству].

2. Ограничение количества возможных интерпретации объекта поиска.

[Я хочу получить информацию о X, но меня интересует не любой X, а только тот, который имеет отношение к Y].

К данной модели пользователь прибегает, когда понимает, что компонент *X* может быть различно интерпретирован, и для ограничения интерпретаций вводит компонент *Y*.

Например, запрос «сборная России хоккей» следует интерпретировать так:

[Я хочу получить информацию о сборной России, но меня интересует не любая сборная России, а только та, которая имеет отношение к хоккею].

3. Двойное ограничение.

[Я хочу получить информацию о X, но меня интересует не любой X, а только тот, который имеет отношение к Y, при этом мне нужна не вся информация о X, а только та ее часть, которая имеет отношение к Y].

Это достаточно специфичная модель, основанная одновременно на ограничении количества интерпретаций компонента *X* компонентом *Y* и актуализации какого-либо аспекта компонента *X* компонентом *Y*.

Например, запрос «вой синонимы»: в первой части *[Я хочу получить информацию о вое, но меня интересует не любой вой, а только тот, который имеет отношение к синонимам]* компонент *Y* приписывает компоненту *X* значение «слово», поэтому вторая часть должна выглядеть так *[при этом мне нужна не вся информация о слове «вой», а только та ее часть которая имеет отношение к синонимам]*.

Данные модели применимы к любым запросам с нарушениями грамматической сочетаемости. Но нужно отметить, что модель, во-первых, регистрирует сам факт наличия отношений между компонентами, во-вторых, отражает самые общие отношения между ними, частные же виды отношений обусловлены семантикой единиц, вступающих в эти отношения.

Примечания

1. URL: <http://stat.yandex.ru/queries/last20.xml>

2. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

3. Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991.

**СИНТАКСИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В. М. ШУКШИНА И ЕГО МЕСТО В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ
ОПИСАНИИ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ**

Значение синтаксического «участка» текста в устройстве прозы В. М. Шукшина определяется тем, что проза писателя основана на синтаксисе. И в этом плане она на десятилетия опередила художественную прозу конца XX — начала XXI в.

Синтаксис прозы В. М. Шукшина не исчерпывается устно-разговорными формами. Писатель использует разнообразные в речестилевом и стилистическом отношении источники (от диалектного и просторечного до книжного), оставляя в стороне художественно неперспективные элементы, что позволило квалифицировать его как наследника пушкинских традиций, существо которых, по В. В. Виноградову, состоит в синтезе живых форм национально-языковой культуры [1].

Современное состояние лингвистического шукшиноведения позволяет приступить к осуществлению идеи составления синтаксического словаря рассказов писателя, выдвинутой на Первой Всесоюзной научно-практической конференции «В. М. Шукшин. Жизнь и творчество» (Барнаул, 1989).

Сложилось так, что идея эта до настоящего времени не реализована, в частности в силу того, что в лексикографии рубежа 1980–1990-х гг. не была найдена адекватная теоретическая база. Иное положение сейчас. Теоретические и практические достижения уральских лексикографов под руководством профессора Л. Г. Бабенко по своей значимости выходят далеко за пределы решения задачи словарного описания современной русской лексики. Можно утверждать, что комплекс словарей, подготовленных под руководством Л. Г. Бабенко, дает возможность читателю погрузиться в семантический мир русского языка, представленный в интегральном описании, в его многообразии, а филологу-исследователю — разработать платформу для новых лексикографических проектов, в том числе и как способа, перефразируем Ю. Н. Караулова, цитируемого Л. Г. Бабенко, «ословаривания» лингвистического описания [2, 8].

Задача первого проекта синтаксического словаря рассказов В. М. Шукшина (1989–1994) состояла в том, чтобы представить синтаксические конструкции текстов рассказов писателя [3]. В соответствии с этим единицей описания в словаре признавалась синтаксическая конструкция, которая включала и предложения, и непредложенческие образования как единство формы, семантики и функции.

Второй проект (его разработка начата в Алтайском и Горно-Алтайском университетах в 2010 г.), разрабатываемый на базе современных синтаксических и лексикографических учений, направлен на преодоление фактической асемантичности своего предшественника. Согласно этому проекту словарь должен включать все семантические модели предложений (в широком смысле) рассказов писателя. Соответственно единицей описания станет семантическая модель предложения, понимаемая на основе интеграции теоретических достижений в области категоризации русской лексики и семантического синтаксиса [2, 9–10]. Выбор именно названной основы семантического словаря определяется и теоретико-синтаксическими предпосылками, и стремлением осуществить в проекте интегральное описание синтаксической и лексической семантики. (К этому прибавим и возможность на названной основе представить в словаре неглагольные предложения и непредложенческие образования.)

Реализация каждого из проектов может иметь свою значимость для лексикографического описания языка В. М. Шукшина. Если первый проект позволит увидеть индивидуальный синтаксис писателя на фоне национального синтаксического фонда современного русского языка, то второй представит синтаксически выраженную составляющую семантического мира текстов прозы В. М. Шукшина. Сопряжение материалов синтаксических словарей в одном словарном проекте (а именно к этому мы стремимся) с добавлением данных лексикографического описания лексики рассказов создаст условия для более полного представления семантического мира рассказов В. М. Шукшина (а затем — и творчества в целом). Созданная таким образом лексикографическая база может послужить фундаментом интерпретации произведений писателя, что является одной из важнейших задач шукшиноведения.

Примечания

1. Чувакин А. А. Синтаксис художественной прозы В. М. Шукшина в аспекте пушкинских традиций // Язык прозы В. М. Шукшина. Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание. Барнаул, 2001. С. 5–13.

2. Семантические модели русских глагольных предложений : экспериментальный синтаксический словарь : проспект / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1998.

3. Ставская Е. Н. О словаре синтаксических конструкций по произведениям В. М. Шукшина // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул, 1994. С. 146–148.

© П. Е. Шелегин
г. Екатеринбург

ВИРТУАЛЬНЫЙ РЕЧЕВОЙ КОНФЛИКТ: ТИПЫ КОНФЛИКТНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ

Материалом данного исследования являются флейм и флейм-овые единицы в речевых актах пользователей Интернета. Флейм — электронное письмо или сообщение в конференции пользовательской сети, имеющее целью оскорбить, упрекнуть или спровоцировать адресата. Флеймом называют также сам акт посылки такого сообщения.

Стиль поведения в конфликтных ситуациях определяется индивидуальными свойствами личности.

Американские исследователи Р. Адлер и Дж. Родман рассматривают типы конфликтных личностей с точки зрения их ролей в группе. Типы личностей-нарушителей, по Адлеру и Родману, следующие [1, 275]:

1) Блокатор (Blocker): встревает в процесс обсуждения, высмеивает высказанные идеи, открыто выступает против обсуждаемых проблем, отказывается сотрудничать;

2) Агрессор (Aggressor): пытается поднять собственный статус, уязвляя других, хвастается, критикует группу;

3) Дезертир (Deserter): уходит от прямых вопросов, демонстрирует безразличие; отчужден, подчеркнуто официален; часто обсуждает не относящиеся к делу вопросы;

4) Указатель (Dominator): обрывает длинные монологи собеседников, берет всю власть в свои руки, единолично распределяет время выступления каждого из участников;

5) Забывчивый (Recognition Seeker): стремится привлечь внимание довольно сложным способом, пытаясь вспомнить некий важный/забавный эпизод из жизни, обычно хвалится прошлыми успехами, руководствуется целью снискать симпатию и сочувствие;

6) Шутник (Joker): мало вовлечен в общую дискуссию, часто отпускает неуместные шутки;

7) Циник (Cynic): преуменьшает шансы группы на успех (фразой типа «У нас все равно ничего не выйдет»).

А. Неепап выделяет во флеймовой войне шесть основных ролей:

1) Зачинщик (Detonator): субъект, начавший войну. Иногда может начать ее по ошибке, но в большинстве случаев — в виде расчетливого акта мести предыдущему оратору, публикует «неподходящее» сообщение, которое и инициирует спор;

2) Профессионал (Flame Master): пользователь, «выживший» в предыдущих флейм-войнах, берет на себя роль «хранителя морали» (не использует ненормативную лексику) и поддерживает активность битвы;

3) Тролль (Troll): участник, выполняющий сходную с Зачинщиком функцию, но публикует нормативную фразу в той теме, для которой она неприемлема (например, «Жгите деревья, слонов — на мясо» на форуме гринписовцев);

4) Подстрекатель (Two-Cent-er): пользователь, который может оперировать только бытовыми фразами или повторять высказывания других, однако испытывает удовольствие от этого процесса;

5) Борец (Firefighter): в противоположность всем флеймерам, он пытается охладить пыл спорщиков логичными фразами;

6) Виновник (Damp Squib): пользователь, послуживший объектом для нападения со стороны Профессионала [2].

В качестве примера приведем несколько фрагментов одного из флеймовых полилогов. Высказывания рассмотрены по такому плану: фраза, тип участника, характер личности-нарушителя по Родману, этап конфликта, используемое языковое средство.

Тема выбранного фрагмента «Малахов+. Куда бы еще написать, чтоб погромче?», начата в сентябре 2009 г., найдена по адресу: http://community.livejournal.com/doktor_killer/736662.html.

— *А еще лучше — убей себя об стену!* (Detonator, Aggressor, инициативный этап, косвенное оскорбление).

— *Видать, дорого тебе за поисковый спам платят, раз такие посты пишешь. Или реально одержимый* (Flame Master, Blocker, инициативный этап (ответная реакция), косвенное обвинение).

— *Е**нуться, сколько тут ущербных без малейшего чувства юмора* (Troll, Cynic, реактивный этап, прямое оскорбление, нецензурная лексика).

— *+1 :)* (Two-Cent-er, Deserter, реактивный этап, выражение «без смысловой нагрузки»).

— *То, что здесь пишет этот человек, — не юмор. Это г**но* (Detonator, Blocker, реактивный этап, оскорбление с нецензурной лексикой).

— *Вы шарлатан. На самом деле достоверно установлено, что Армагеддон случится 13 апреля 2024 года, а вы за вашу ересь будете вечно гореть в аду!* (Firefighter, Aggressor/Joker, реактивный этап, отсылка к фактам, прямое обвинение, прямая угроза).

— *Армагеддон будет! Я гарантирую это! Автор комента шарит :) +стотыщмультыонов!!!!11111адин!!!! Малахова на мясо однозначно!* (Two-Cent-er, реактивный этап, активное использование интернет-сленга и графики).

— *...а еще земля налетит на космическую ось* (Detonator, Joker/Blocker, финальная стадия, ироническое выражение).

— *Ждем* (Two-Cent-er, Deserter, финальный этап, выражение «без смысловой нагрузки»).

— *А кроме этических, есть возражения ПО СУЩЕСТВУ?* (Firefighter, Dominator, финальный этап, риторический вопрос, призыв к аргументированным рассуждениям).

Нужно отметить, что приведенный фрагмент является лишь ветвью дискуссии, обособившейся от отдельно взятого комментария. На основании этого можно утверждать, что автор комментария исполняет роль «виновника» (Damp Squib'a), и первый комментарий оскорбительного характера дан «зачинщиком» (Detonator), что и было отмечено выше. Такой фрагмент сложно назвать образцом или эталоном флейма, но в нем приведены основные действующие лица и показаны их методы ведения спора.

Таким образом, можно говорить о флейме как особом явлении неформального интернет-общения, имеющем свои особенности, свойства и законы, интересном для изучения и представляющем широкий простор для исследования.

Примечания

1. Rodman G., Adler R. B. Understanding Human Communication. Oxford, 2006.
2. URL: <http://www.flayme.com/>

© А. А. Шмаков
г. Барнаул

ФИГУРЫ ГОВОРЯЩЕГО И СЛУШАЮЩЕГО В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТЕ (на материале обращений в «Живом журнале»)

Обращение к интернет-тексту соответствует общефилологической тенденции выделения и исследования текста в качестве самостоятельного объекта лингвистики. По словам С. С. Аверинцева, «текст во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей — исходная реальность филологии. Сосредоточившись на тексте <...> филология под этим углом зрения вбирает в свой кругозор всю широту и глубину человеческого бытия...» [1, 542–544].

Интернет-текст, как и любой другой тип текста, отражает сложные отношения между его *отправителем* (Говорящим) и *получателем* (Слушающим) (Э. Бенвенист, Б. М. Гаспаров, Ю. Н. Караулов, Ю. С. Степанов и др.), в связи с чем важно определить коммуникативно-прагматические позиции этих фигур относительно третьего компонента коммуникации — текста (сообщения), через который они проявляют себя. В нашем случае текст существует в интернет-среде с ее специфическими лингвотехническими свойствами, фактурно не соотносится ни с текстами устной, ни с текстами письменной коммуникации, а, скорее, *сопрягает* (Е. В. Сидоров, А. А. Чувакин) их свойства.

И. И. Ковтунова писала о том, что функциональная предназначенность типа речи и характерные для него условия отражаются

в семантике и функциях языковых средств [2]. Специфичность этих условий и среда существования текста влияет на выражение и позиций фигур Говорящего и Слушающего, их взаимодействие, диалог.

Задачей данного доклада является соотнесение способов выражения фигур Говорящего и Слушающего в тексте записей в «Живом журнале» (www.livejournal.com) с коммуникативно-прагматическими характеристиками адресанта и адресата сообщения на материале обращений. Исследование выполнено в русле идей филологической теории коммуникации (А. А. Чувакин, Н. В. Панченко, Т. С. Магера), которые включают в себя сопряжение собственно лингвистических исследований с идеями коммуникативистики как комплексной гуманитарной науки о путях, формах и средствах взаимодействия людей. Так, А. В. Пузырев отмечает, что «именно коммуникация демонстрирует собой действительность языка... <...> язык вне своей действительности — это мертвый язык!» [3, 14].

Диалогичность, являясь фундаментальным свойством человеческой речи (М. М. Бахтин, В. С. Библер), заложена в природе интернет-коммуникации, сочетающей в себе институциональные и персональные дискурсы (В. И. Карасик). По мысли Т. А. Митрофановой, «диалогичность связана с дискурсивной деятельностью адресанта и адресата, поэтому она соотносится с такими понятиями, как *адресованность* и *обращенность* (выделено мной. — А. Ш.)» [4, 9]. Обращенность в системно-структурных и в функционально-коммуникативных исследованиях традиционно соотносится с понятием «обращение» (Н. Д. Арутюнова, В. Е. Гольдин, И. В. Зензеря, Н. И. Формановская). В рамках данного исследования понятие «обращение» трактуется широко (Н. И. Формановская, Т. А. Митрофанова) и рассматривается как средство выражения коммуникативно-прагматического вектора воздействия Говорящего на «интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферы» [Там же, 10] Слушающего, направленного на ведение эффективной коммуникации в интернет-среде (уже — в блогосфере Рунета).

С технической точки зрения, отдельного поля, в котором можно было бы обозначить Слушающего при создании записи в «Живом журнале», нет, поэтому Говорящий сам решает, будет ли он заполнять инициальную позицию обращения в создаваемом им тексте.

Поскольку блог-коммуникация представляет собой обмен сообщениями смешанной семиотической природы в условиях недостатка средств невербальной коммуникации, то, находясь в позиции Говорящего, пользователь стремится «упаковать» свое сообщение так, чтобы оно не затерялось среди информационного «шума» и было доставлено Слушающему. Использование различных речевых формул (и этикетных, и неэтикетных) в позиции обращения позволяет собеседникам установить контакт между собой, выбрать тональность и комфортную для обоих социальную дистанцию общения.

Традиционным способом обращения к собеседнику в блогосфере и — шире — в Рунете является обращение при помощи никнейма. Чаще всего он является производным от собственного имени или фамилии (*мищЪ* — от «Мищенко», *asash* — от «Саша»), имени мифических персонажей или героев (*6reK* — от «Шрек»), предметов или животных или имеет символическое образное значение (*snezhnaya_zaika*). Нередко встречаются никнеймы, «украшенные» специальными символами (*{0P0IIIuЙ*, *n4eJla*, *k0LOB0k* и пр.).

Постановка личного имени в позицию обращения является альтернативой использованию «ников»: *Артемий* (здесь и далее выделено мной. — А. Ш.), *а вы сами-то Новый год праздновали?* Данное высказывание представляет собой комментарий к посту, опубликованному ровно в полночь 31 декабря. Автор высказывания удивлен временем отправки сообщения и поэтому интересуется, праздновал ли автор блога Новый год или нет.

Дистанция между Говорящим и Слушающим зависит от стилистических оттенков обращения. Так, обращение с использованием уменьшительно-ласкательного варианта личного имени эксплицирует положительное отношение Говорящего к Слушающему: *Антоша, ты иногда бываешь таким трогательным!*

Функции используемых в блогах формул обращений обусловлены внутренней сущностью обращения как дискурсивного элемента, однако формулы обращений отбираются в соответствии с определенными коммуникативно-прагматическими целями: *Милые Дамы! 8 Марта — единственный день в году, когда не актуальна «Сказка о рыбаке и рыбке». Мечтайте смелее, требуйте, что хотите, все купим, все оплатим!..* Использование обращения *Милые Дамы!* отвечает критерию контекстуальной уместности,

поэтому данная запись вызвала «волну» восторженных откликов-комментариев среди женской аудитории.

По наличию / отсутствию установки на публичность все блоги делятся на: а) *персональные* (блог как записи личного характера); б) *публичные* (блог как подобие средства массовой информации). В обоих типах блогов присутствуют тексты с обращениями. Однако если в блогах персонального типа обращение переносит акцент на Слушающего (*Спасибо, Аня. Две недели уже витает в голове, зачем эти тётки...* — фраза из комментария пользователя к тексту поста. *Аня* — имя автора блога) или его характеристики (*Грызи гантелю, вафел!* — ответ на негативную оценку, данную собеседником), то в блогах публичного типа с претензией на «массовость» («блоги-тысячники») используемые обращения деперсонифицируют Слушателя, превращая его в Аудиторию (*Граждане женщины. Простите меня, бога ради, но я вот сейчас вам должна сказать...* — обращение автора блога к «друзьям»).

Итак, взаиморасположение фигур Говорящего и Слушающего в интернет-тексте зависит от: а) технических условий среды блога; б) коммуникативно-прагматических установок собеседников. Анализ средств выражения категории адресованности в текстах блогов показывает, что на сегодняшний день в Рунете существует две противоположные тенденции, первая из которых — тенденция к преодолению институциональности (Л. Н. Синельникова) — реализуется через использование формул обращения, сокращающих дистанцию между собеседниками, а вторая — тенденция к «риторизации» коммуникации — прослеживается через переход модели блог-коммуникации из традиционной (Говорящий — Текст — Слушающий) в риторическую (Ритор — Текст — Аудитория).

Примечания

1. *Аверинцев С. С.* Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 542–544.
2. *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
3. *Пузырев А. В.* Попыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности. Пенза, 2002.
4. *Митрофанова Т. А.* Обращенность как прагмалингвистический феномен в институциональном дискурсе (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

РУССКИЕ И НОВЫЕ РУССКИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ АНЕКДОТЕ

Наряду с представлениями об устройстве мира, диктуемыми свойствами языка и реконструируемыми на основе анализа языковых единиц (ключевых слов или синтаксических конструкций), в сознании носителей языка содержатся и представления, которые формируются бытующими в их среде популярными текстами, в частности фольклорными: пословицами, поговорками, крылатыми словами. Так, картина мира, которую можно реконструировать на основе лингвистического анализа русских анекдотов, не совпадает с русской языковой картиной мира в целом, а также с такими ее разновидностями, которые реконструируются на основе анализа текстов советской публицистики или церковных проповедей. Как при реконструкции языковой концептуализации мира особенно показательны семантические конфигурации, относящиеся к неассертивным компонентам высказывания, так и для воссоздания «фольклорной» модели мира важно не то, что утверждают ее носители, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание. Применительно к анекдотам это означает, что самым существенным оказывается не то, что попадает в фокус внимания слушателей (соль анекдота как раз часто связана с «обманутыми ожиданиями», с несоответствием имеющейся модели мира), а то, что остается за кадром и составляет фон для восприятия анекдота.

Так, сравнение «семейных» анекдотов разных народов показывает, что, совпадая в общих чертах, многие стереотипы поведения в семье, бытующие в российском (и ранее советском) обществе, не совпадают со стереотипами других европейских народов. В целом если посмотреть на устройство семейной жизни через призму русских анекдотов второй половины XX — начала XXI в., то окажется, что мир семьи — это мир женщины. *Жена* является главой семьи и хранительницей домашнего очага, она распоряжается семейным бюджетом, выполняет все домашние обязанности, воспитывает детей. *Мужу* скучно в душном мирке семьи, он

рвется на волю, к друзьям, с которыми можно выпить и обсудить серьезные мировые проблемы.

Особую роль для выявления этнических стереотипов, бытующих в русской культурной и языковой среде, играют так называемые «этнические» анекдоты. При этом «этнические» анекдоты можно подразделить на анекдоты о национальных меньшинствах (или о жителях той или иной местности, проживающих в той же стране, что и рассказчик и слушатели анекдота), и на «многонациональные» анекдоты, в которых действуют представители двух и более народов, в том числе представитель родного народа рассказчика анекдота. *Русские* как персонажи появляются почти исключительно в многонациональных анекдотах.

Среди характеристик *русских* как персонажей анекдотов следует различать черты, присущие стереотипному «русскому характеру», и черты, связанные с советским образом жизни (предполагавшим тотальный дефицит «товаров народного потребления», отсутствие политических свобод, партийное руководство всеми областями жизни и т. д.). Анекдоты о *советских людях* выявляют не столько этностереотипы, сколько представления о политическом устройстве СССР, т. е. относятся скорее к «политическим», чем к «этническим». Конечно, и в этих анекдотах косвенно отражаются некоторые автостереотипы русских: смекалка, умение переносить трудности, воинские доблести и др.

Анекдоты подтверждают некоторые традиционные стереотипные представления русских о себе: удаль, пьянство, душевность, пренебрежение к писаным законам, лень, нежелание добиваться успеха и богатства. Русские женщины в анекдотах романтичны, легкомысленны, несчастны в семейной жизни, хотя (в отличие от своих западных «подруг») являются реальной главой семьи. Эти автостереотипы действуют на всем пространстве русского анекдота, а не только в многонациональных анекдотах, например, в русских семейных анекдотах, в анекдотах о пьяницах или анекдотах о теще.

Стереотипные представления о *новых русских*, выступающие в анекдотах в качестве фона, существенным образом отличаются от автостереотипа русских. *Новые русские* представляют в русских анекдотах своего рода этническое меньшинство. Это особый народ со своими собственными обычаями и собственным языком; они живут среди русских, но ведут себя по-другому; они говорят по-русски, но многие русские слова понимают неправильно.

КОНЦЕПТ «ОДИНОЧЕСТВО» ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Под концептом мы понимаем основную ментальную единицу, обладающую сложной многослойной структурой, вербально отражающую квант знания о реалиях действительности и имеющую культурологическую значимость.

Принципиально важной является мысль о том, что «концепты многокомпонентны и представляют собой поле знаний, представлений, понятий, ассоциаций, имеющих ядро и периферию», но «описание концепта в словаре, в словарном составе национально-го языка в первую очередь основано на изучении парадигматических связей слов и соответственно на парадигматическом анализе» [1, 107]. Таким образом, в словарных дефинициях объективируются признаки концепта.

Методика, которую мы использовали при анализе, включает выявление репрезентантов концепта «одиночество», анализ словарных дефиниций ключевой лексики, анализ ее синонимов и некоторых устойчивых выражений, сравнение концепта «одиночество» в русской и английской языковой картине мира. В результате мы пришли к выводу о том, что смысловые зоны концепта в двух языках совпадают не полностью.

Материалом для исследования стали словарные статьи следующих словарей (общее количество — 11): Большой синонимический словарь русского языка под ред. А. Ю. Кожевникова, Большой толковый словарь русских существительных под ред. Л. Г. Бабенко, Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова, Комплексный словарь русского языка под ред. А. Н. Тихонова, Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под общим рук. Ю. Д. Апресяна, Русский ассоциативный словарь под ред. проф. Ю. Н. Караулова, Словарь русского языка в 4 томах под ред. А. П. Евгеньевой, Толково-понятийный словарь русского языка под ред. А. А. Шушкова, Толковый словарь русского языка под ред. Д. В. Дмитриева,

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, Учебный словарь сочетаемости слов русского языка [2].

Опираясь на данные лексикографических источников, были выявлены основные признаки концепта «одиночество» в *русском языке*. Во-первых, ОДИНОЧЕСТВО — это такое состояние человека, когда у него нет семьи, близких, друзей, а также, когда он находится где-либо без других, в отдельности от других. При этом состояние одиночества оценивается как самим субъектом, так и окружающими людьми. Во-вторых, ОДИНОЧЕСТВО — это такое состояние субъекта, когда он ощущает себя чужим, ничем не связанным с окружающими его людьми, не понятым ими или же оторванным от тех, кого он любит. Такое состояние возникает чаще всего по причине отсутствия положительных отношений с другими лицами и, как правило, имеет негативные последствия. Оно сопряжено с чувством сильной тоски, потерянности, собственной бесполезности, ненужности и т. п., а значит, оценивается отрицательно. Часто состояние одиночества напоминает о горе и смерти. Но оценка одиночества не всегда отрицательна, так как одиночество приносит покой, гармонию мыслей и т. п., к тому же такое состояние (без людей) позволяет побыть наедине с собой, чтобы подумать, отдохнуть и пр.

Необходимо отметить еще два аспекта состояния одиночества: *физическое* и *эмоциональное*. Под физическим состоянием одиночества понимается такое состояние субъекта (это может быть не только человек, но и любой предмет живой или неживой природы), когда он находится, пребывает где-либо без других, отдельно от других подобных ему. При этом состояние одиночества чаще имеет нейтральную оценку либо вообще не оценивается ни субъектом, ни окружающими. Эмоционально одиночество предполагает такое состояние человека, когда сам субъект и окружающие каким-либо образом (чаще отрицательно) оценивают одиночество.

В русском языке эмоциональное состояние одиночества преобладает над физическим и сопряжено с различными эмоциями, которые получают выражение во внешних проявлениях, например, в речи это может быть повтор или употребление эпитетов.

Для того чтобы увидеть особенности концепта «одиночество», характерные для английского языка, дадим определения слов-репрезентантов, составленные на основе нескольких лексикографических источников. Материалом нашего исследования послужили

следующие источники (всего — 12): Англо-русский синонимический словарь под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна, Longman Dictionary of Contemporary English, Longman Dictionary of Language and Culture, Longman Essential Activator, Macmillan English Dictionary, Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, Oxford American Dictionary, Oxford English Dictionary, Pocket Oxford Dictionary, The Universal Dictionary of Current English, US Webster's Unabridged Dictionary, а также материалы электронной энциклопедии Encyclopaedia Britannica Ready Reference [3].

В результате анализа данных англоязычных словарей были выявлены следующие признаки концепта «одиночество». В английском языке состояние одиночества рассматривается, во-первых, как ситуация нахождения человека в одиночестве, без других людей, человека, оставленного без общества или помощи других людей. Во-вторых, ОДИНОЧЕСТВО — это изолированность субъекта от общества, вызванное либо личным желанием субъекта («добровольное одиночество»), либо внешними обстоятельствами: разлукой с кем-либо, потерей близкого человека («вынужденное одиночество»). *Добровольное одиночество* оценивается, как правило, положительно, так как является следствием поиска субъектом уединения. *Вынужденное одиночество* является причиной отсутствия внутренней близости, понимания, поддержки или внимания со стороны окружающих, а значит, вызывает негативные эмоции: грусть, печаль, уныние, подавленность, апатичность, ощущение ненужности, безысходности. Как следствие, возникает стремление к дружескому общению и желание выйти из состояния одиночества. Часто такое одиночество оценивается отрицательно как субъектом, так и окружающими его людьми. При этом субъект может находиться среди людей, в обществе, но из-за отсутствия духовных контактов с другими людьми и возможности их установить, а также из-за отсутствия внимания со стороны окружающих, субъект особенно остро переживает состояние одиночества. В английском языке главная роль отводится интенсивности такого состояния. *Человек*, находящийся в одиночестве, обычно живет один и избегает встреч с другими людьми, не хочет или не можешь в силу каких-либо личных причин или внешних обстоятельств общаться с окружающими. В большинстве случаев он добровольно принимает одиночество и не тяготится им. Внешние причины реже влияют на его выбор.

В результате сопоставления концепта «одиночество» в английском и русском языках были обнаружены следующие *сходства*:

1. Одиночество — это такое состояние человека, когда он находится где-либо без других, в отдельности от других.

2. Одиночество — это такое состояние субъекта, когда он ощущает себя чужим, ничем не связанным с окружающими людьми, не понятым ими или же оторванным от того, кого он любит. Такое состояние сопряжено с чувством сильной тоски, потерянности, собственной бесполезности, ненужности и т. п. и может являться причиной отсутствия внутренней близости, понимания, поддержки или внимания со стороны окружающих. У субъекта возникает стремление к дружескому общению и желание выйти из состояния одиночества.

3. Человек, находящийся в состоянии одиночества, обычно живет один и избегает встреч с другими людьми, не хочет или не может в силу каких-либо личных причин или внешних обстоятельств общаться с окружающими.

Теперь выделим *различия*:

1. В русском языке акцентируется внимание на том, что у одинокого человека нет семьи, близких друзей. Выделяется два типа состояния одиночества: физическое и эмоциональное. В английском языке подчеркивается добровольность принятия одиночества, вызванного личным желанием субъекта, что оценивается положительно. Вынужденное одиночество обусловлено внешними обстоятельствами, разлукой с кем-либо, потерей близкого человека и оценивается отрицательно.

2. Человек, находящийся в одиночестве, может заниматься чем-либо один, без участия, без помощи других, обходиться собственными силами и при этом одиночество может его тяготить — это характерно только для русской картины мира. Для английской же характерно добровольное принятие одиночества, человек не тяготится им, внешние причины реже влияют на его выбор. Возможно, это обусловлено большей эмоциональной экспрессивностью русского языка.

Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов. Москва ; Екатеринбург, 2004.

2. См.: *Кожевников А. Ю.* Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты : практ. справ. : в 2 т. СПб., 2003. Т. 2 ; Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005 ; Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000 ; Комплексный словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук А. Н. Тихонова. М., 2001 ; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Вып. 2. М., 2000 ; Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / под ред. проф. Ю. Н. Караулова. М., 2002 ; Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1983. Т. 2 ; *Шушков А. А.* Толково-понятийный словарь русского языка. М., 2003 ; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003 ; *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999 ; Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под. ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М., 1978.

3. Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др. ; под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. М., 1979 ; Longman Dictionary of Contemporary English. 3rd ed. L., 2001 ; Longman Dictionary of Language and Culture. L., 1996 ; Longman Essential Activator. L., 2000 ; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford, 2002 ; Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 10th ed. Meriam-Webster Inc., 1994 ; Oxford American Dictionary. USA, 1995 ; *Hornby A. S.* Oxford Advanced Lerner's Dictionary of Current English. 7th ed. Oxford, 2005 ; Pocket Oxford English Dictionary. Oxford, 1994 ; *Wyld H. C.* The universal Dictionary of Current English. 5th ed. Oxford, 1972 ; US Webster's Unabridged Dictionary. Israel, 2003 ; Энциклопедия Encyclopaedia Britannica Ready Reference. Encyclopaedia Britannica Inc., 2003 (CD-ROM).

© Е. А. Юрина

г. Томск

РУССКАЯ КУЛИНАРНАЯ МЕТАФОРА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Создание словарей образных средств русского языка можно считать особым направлением отечественной лексикографии. Наиболее значительный опыт накоплен в сфере фразеологии, представленной сегодня обширной серией разнообразных фразеологических словарей (В. М. Мокиенко, В. Н. Телия и др.), а также примыкающих к ним словарей пословиц и поговорок (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина и др.). В этот ряд вписываются лингвокультурологические словари (В. В. Красных, Д. Б. Гудков и др.), словари поэтических образов и дискурсивной метафоры

(Н. В. Павлович, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов и др.). Образные слова и выражения русского литературного языка и диалекта представлены в ряде словарей томских лексикографов (О. И. Блинова, Е. А. Юрина). Находящийся на стадии разработки и составления «Словарь русской кулинарной метафоры» (Е. А. Юрина, Е. В. Капелюшник) продолжает серию лексикографических трудов, систематизирующих и описывающих образный лексико-фразеологических состав русского языка. В основу концепции положена теория лексической образности и образного строя языка [1], согласно которой к числу образных относятся лексические и фразеологические единицы, обладающие осознаваемой носителями языка семантической двуплановостью, метафорическим характером мотивированности и метафорической внутренней формой языковой единицы. Также к числу функционально-семантических свойств образных средств языка относятся наличие чувственно воспринимаемого (перцептивного) компонента семантики, ее пропозициональный характер, ассоциативно-образный способ обозначения референта, имеющий антропоцентрическую и культурологическую обусловленность, реализация базовой метафорической модели.

Словарь включает образные слова и выражения русского языка, которые называют различные явления внеязыковой действительности по аналогии с явлениями кулинарной сферы, т. е. посредством метафорической проекции кулинарных образов на различные объекты и явления действительности. Это языковые метафоры: *каша* 'неразбериха, путаница', *сливки* 'самая лучшая часть чего-л.', *вареный* 'вялый, апатичный (о человеке)', *пресытиться* 'удовлетворить потребность в чем-л. полностью, сверх меры'; собственно образные слова — дериваты с метафорической внутренней формой: *однокашник* 'соученик, товарищ по учебе', *заваруха* 'хлопотное дело', *подмаслить* 'задобрить, расположить к себе лестью, подарками'; устойчивые словосочетания, реализующие уподобление — творительный сравнения: *свернуться/сложить ноги калачом/калачиком*; сравнительный оборот: *сладкий как мед* 'о чем-л. приятном: голосе, словах и т. п.'; идиомы разной структуры: *как сыр в масле кататься* 'жить в достатке, в наилучших условиях', *вешать лапшу на уши* 'обманывать'; образные перифразы: *уголь — хлеб индустрии*; пословицы и поговорки: *Хлеб — всему голова. Семеро с ложкой, а один с сошкой.*

Следовательно, по предмету описания этот словарь является дифференциальным: метафорологическим — по аспекту и «кулинарным» — по тематике ассоциативно-образного содержания, отражающего представления носителей языка о явлениях исходной концептуальной области метафоризации.

По способу представления лексики словарь сочетает идеографический (тематический), гнездовой и алфавитный принципы. Поскольку системой своих значений описываемые слова воспроизводят систему кулинарных образов, сквозь призму которых русский человек осмысливает различные явления действительности, в задачи составителей словаря входит максимальная экспликация этой системы как фрагмента русской метафорической картины мира. С этой целью материал помещается в тематические рубрики, соответствующие фреймам и слотам сценарной структуры исходной концептуальной области «Еда» (см. рисунок):

1. Продукты питания и кулинарные блюда: А. Крупяные блюда, Б. Мучные блюда, В. Мясные блюда, Г. Овощные... Н. Свойства и качества пищи.

2. Приготовление пищи: А. Варить, Б. Жарить, В. Печь, Г. Стряпать... Н. Субъект приготовления, N 1. Свойства субъекта.

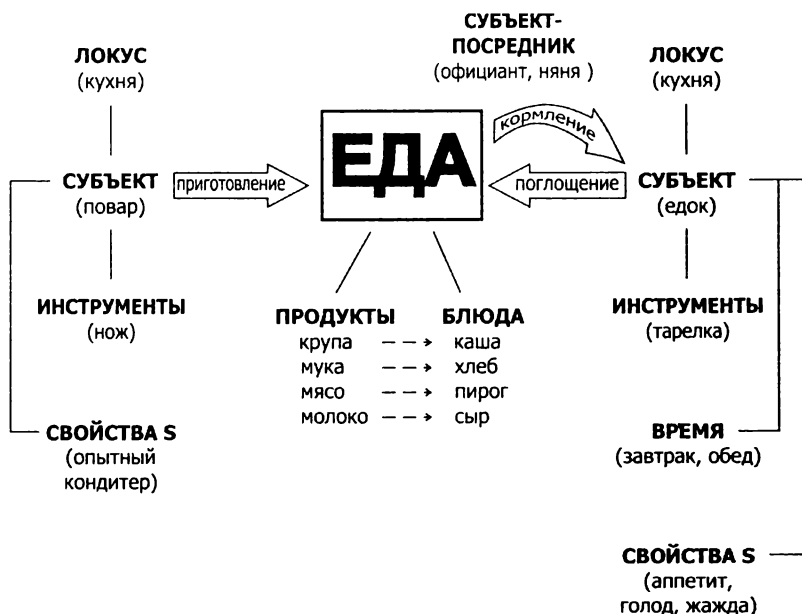
3. Поглощение пищи: А. Есть, Б. Пить, В. Кормить, Г. Субъект поглощения, Д. Свойства субъекта.

4. Кухня: А. Локус, Б. Посуда и инструменты, В. Время еды.

Внутри тематических рубрик лексико-фразеологический материал группируется в гнезда — мотивационно-образные парадигмы, которые располагаются в прямом алфавитном порядке. В составе описываемого в словаре лексико-фразеологического образного поля выделяются:

предметные парадигмы: *круп*а ‘цельное или дробленое зерно, употребляемое в пищу’ → *круп*а ‘снег в виде мелких круглых зерен’, *крупинка* ‘мелкая частица чего-л.’, *круп*ица ‘небольшое количество чего-л.’, *крупитчатый* ‘состоящий из очень мелких частиц’, *собирать по круп*ицам ‘собирать с трудом и понемногу’ и др.;

признаковые парадигмы: *сладкий* ‘имеющий свойственный меду и сахару приятный вкус’ → *сладкий* ‘приятный, доставляющий удовольствие’, *сладкоголосый* ‘имеющий приятный голос’, *сладострастный* ‘чрезмерно чувственный’, *слащавый* ‘чрезмерно угодливый, льстивый’, *наслаждение* ‘высшая степень удовольствия’, *наслаждаться* ‘испытывать удовольствие от чего-л.’ и др.;

Сценарная структура концепта «Еда»

процессуальные парадигмы: *кормить* 'давать есть' → *кормить* 'содержать, добывать средства существования', *кормушка* 'место, где можно пожить, приобрести что-л. неблагоприятными или незаконными способами', *кормить завтраками* 'давать пустые обещания сделать что-л. завтра', *вскормить* 'вырастить, воспитать', *выкормыш* 'человек, воспитанный какой-л. дурной средой', *подкормить* / *подкармливать* 'вводить удобрение в почву' др.

Структура лексикографической презентации мотивационно-образной парадигмы включает следующие разделы: 1) заглавное слово парадигмы — лексема, являющаяся вершиной гнезда; 2) его грамматические характеристики; 3) толкование исходного мотивирующего значения и лингвистическая интерпретация его образного потенциала (I); 4) иллюстрация исходного мотивирующего значения: речение и контекст; 5) образные средства языка в составе парадигмы — словарные статьи лексикографируемых образных единиц (II); 6) лингвокогнитивный комментарий — указание метафорической модели и толкование типового образного

представления или представлений, воплощенных в образных значениях единиц парадигмы (III); 7) лингвокультурологический комментарий (IV).

Внутри гнезда словарные статьи располагаются в зависимости от структурного разряда единицы — от минимальных к максимальным (языковые метафоры, собственно образные слова, творительный сравнения, устойчивые сравнительные обороты, идиомы, перифразы, паремии) с учетом алфавита.

Структура словарной статьи включает следующие зоны: 1) заглавное слово — образная лексическая или фразеологическая единица; 2) грамматические пометы; 3) помета, указывающая на структурно-семантический разряд — *ЯМ* (языковая метафора), *СО* (собственно образное слово), *в сравн.* (устойчивое образное сравнение), *твор. сравн.* (творительный сравнения), *ФЕ* (фразеологическая единица), *посл.* (пословица), *погов.* (поговорка), *ПФ* (перифраза); 4) толкование образного значения; 5) семантический конкретизатор — указание на сферу денотативной отнесенности; 6) эмоционально-оценочные и стилистические пометы; 7) иллюстративная зона — контексты, иллюстрирующие употребление единицы в художественном, публицистическом и других типах дискурса.

Примечание

1. Юрина Е. А. Образный строй языка. Томск, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарные заседания

<i>Бабенко Л. Г.</i> Удача: счастливый случай или случайное счастье? (О проблемах лексикографической интерпретации склеенных концептов)	3
<i>Базылев В. Н.</i> Словарь как герменевтический и политический проект	7
<i>Бацевич Ф. С.</i> Образ России в современной украинской газетной периодике (контент-анализ текстовых политических пресуппозиций)	10
<i>Белякова С. М.</i> Диалектный словарь и традиционная культура	13
<i>Голованова Е. И.</i> Языковая личность российского ученого в словаре-ном воплощении	16
<i>Дубичинский В. В.</i> Социолингвистическая ситуация в Украине	19
<i>Илюхина Н. А.</i> Роль словарей в лингвокогнитивных исследованиях ..	21
<i>Казарин Ю. В.</i> Оппозиция <i>поэзия и литература</i> : видо-видовые отношения	25
<i>Кузьмина Н. А.</i> К проблеме когнитивных категорий медиадискурса: интертекстуальность vs. прецедентность	28
<i>Норман Б. Ю.</i> Место синтаксической составляющей в языковой картине мира	30
<i>Омельченко С. Р.</i> Антропологический фактор в словарях разного типа	33
<i>Павловская Н. Ю.</i> <i>Русские и россияне</i> в белорусской лексикографии	37
<i>Ружицкий И. В.</i> Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности: словарное представление	41
<i>Сатмари Ж.</i> Образ России и русского человека в Венгрии (в историческом аспекте)	45
<i>Сулименко Н. Е.</i> Синергетическая познавательная модель в лексическом структурировании современного текста	48
<i>Химик В. В.</i> Московизмы в Санкт-Петербурге	52
<i>Чудинов А. П.</i> Метафорический образ России в современном политическом дискурсе	56
<i>Шмелев А. Д.</i> Языковая картина мира и картина мира текста: точки взаимодействия	62

Секционные заседания

<i>Ахманаева Н. А.</i> Представление лексических и фразеологических единиц, называющих речевые действия, в идеографических словарях	65
<i>Будаев Э. В.</i> Метафорика болезни как зеркало российской действительности	67
<i>Ворошина Т. М.</i> Репрезентация сферы «Образование» в словаре и современном публицистическом тексте	70
<i>Гридина Т. А.</i> Прецедентный код языковой игры в рекламном тексте: проблема считываемости	73
<i>Гуляева Г. Е., Дудорова М. В.</i> Пространственные концепты в словарном воплощении (на материале словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации»)	79
<i>Дунев А. И.</i> Коммуникативные интенции и интенциональность в тексте словарной статьи	82
<i>Дьячкова Н. А.</i> Образ православного россиянина в современном публицистическом дискурсе	85
<i>Конева В. П.</i> О тенденциях развития текстовых «скреп» и проблемах их лексикографического описания	88
<i>Коновалова Н. И.</i> Изучение лексико-семантического уровня языковой способности детей-билингвов	92
<i>Кошкарлова Н. Н.</i> Россия — общество оскорбления? (Реализация дискурсивных практик в СМИ)	96
<i>Крылосова С. Г., Томашпольский В. И.</i> Словарное описание vs. реальное употребление	100
<i>Кусова М. Л.</i> Умный — дурак в пространстве русского языка	104
<i>Кутяева У. С.</i> Сознание советского человека рубежа 1980–1990-х гг. в дискурсе пьес Н. В. Коляды	107
<i>Лазарева Э. А.</i> Параграфемные средства как опорные точки интернет-дискурса	111
<i>Ларионова А. Ю.</i> Студенческий социум через призму окказионального речетворчества (на материале граффити)	114
<i>Леонова Н. Е.</i> Образ сада и усадьбы как отражение России в поэзии конца XIX — начала XX в.	118
<i>Мухин М. Ю.</i> Внешность русского человека в отражении лексической синтагматики (по произведениям М. Шолохова)	121
<i>Мухина И. К.</i> Национально-специфические признаки ситуации чаепития	124
<i>Пенягина Л. В.</i> Грамматическая метафора в творчестве Александра Левина	128
<i>Плотникова А. М.</i> Дискурс словаря и дискурс о словаре	132
<i>Поликарпов А. А.</i> Закономерности активного и пассивного знания и незнания лексической системы русского языка московскими студентами	136

<i>Сивкова Т. Н.</i> Существительные со значением «количество» в практике преподавания русского языка как иностранного	140
<i>Скорикова Г. Ю.</i> Образ России в поэзии А. Тарковского (на материале топонимов)	145
<i>Скородумова И. К.</i> Вокативы в идеографических словарях русского языка	147
<i>Слаутина М. В.</i> Семантическая оппозиция «свой — чужой» в религиозной лексике русского языка	150
<i>Соболева Е. Г.</i> Национальная идентичность русских в рекламном пространстве города	154
<i>Сухих М. П.</i> Идеографический словарь авторских неологизмов как лексикографическая проблема	157
<i>Упоров А. А.</i> Особенности употребления слова «русский» в прозе К. Н. Леонтьева	160
<i>Харлов И. Е.</i> Образ россиянина в современной Англии (на материале личных наблюдений)	163
<i>Царегородцева Н. В.</i> Опыт идеографического описания антонимов в составе паремий английского языка	165
<i>Цыганов Т. В.</i> Поисковые системы: лингвистическая характеристика типовых запросов пользователей	169
<i>Чувакин А. А.</i> Синтаксический словарь произведений В. М. Шукшина и его место в лексикографическом описании языка писателя	173
<i>Шелегин П. Е.</i> Виртуальный речевой конфликт: типы конфликтных личностей	175
<i>Шмаков А. А.</i> Фигуры Говорящего и Слушающего в интернет-тексте (на материале обращений в «Живом журнале»)	178
<i>Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.</i> Русские и новые русские в современном русском анекдоте	182
<i>Шушмарченко Е. А.</i> Концепт «одиночество» по данным лексикографических источников русского и английского языков	184
<i>Юрина Е. А.</i> Русская кулинарная метафора в лексикографическом аспекте	188

Научное издание

**Образ России и россиянина
в словаре и дискурсе:
когнитивный анализ**

Тезисы докладов и сообщений
Международной научной конференции,
посвященной юбилею заслуженного деятеля науки РФ,
доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко
29 сентября — 1 октября 2011 г.
Екатеринбург, Россия

Выпускающий редактор *М. В. Дудорова*
Редактор *Н. В. Чапаева*
Верстка *Л. А. Хухаревой*
Ответственный за выпуск *И. С. Малечко*

Подписано в печать 30.07.2011. Формат 84 × 108/32.
Уч.-изд. л. 10,5. Бумага офсетная. Гарнитура Peterburg.
Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ 990.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru